

Мудрость отца Брауна (рассказы)

Содержание

Отсутствие мистера Кана. Перевод Н. Трауберг
Разбойничий рай. Перевод Н. Трауберг
Поединок доктора Хирша. Перевод В.Ланчикова
Человек в проулке. Перевод Р.Облонской
Ошибка машины. Перевод Р.Цапенко
Профиль Цезаря. Перевод Н.Рахмановой
Лиловый парик. Перевод Н.Демуровой
Конец Пендрагонов. Перевод Н.Ивановой
Бог гонгов. Перевод Н.Ивановой
Салат полковника Крэя. Перевод под редакцией Н.Трауберг
Странное преступление Джона Боулнойза. Перевод Р.Облонской
Волшебная сказка отца Брауна. Перевод Р.Облонской

ОТСУТСТВИЕ МИСТЕРА КАНА

Кабинет Ориона Гуда, видного криминолога и консультанта по нервным и нравственным расстройствам, находился в Скарборо, и за окнами его - как и за другими огромными и светлыми окнами - сине-зеленой мраморной стеной стояло Северное море. В таких местах морской вид однообразен, как орнамент; а здесь и в комнатах царил невыносимый, поистине морской порядок. Не надо думать, что речь идет о бедности или скуке, - и роскошь, и даже поэзия были там, где им положено. Роскошь была тут - на столике стояло коробок десять самых лучших сигар, но те, что покрепче, лежали у стены, а слабые поближе. Был здесь и набор превосходных напитков, но люди с воображением утверждали, что уровень виски, бренди и рома никогда не понижается. Была и поэзия - в левом углу стояло столько же английских классиков, сколько стояло в правом английских и прочих филологов. Но если кто-нибудь брал оттуда Шелли или Чосера, пустое место зияло, словно вырванный передний зуб. Нельзя сказать, что книги не читали - читали, наверное; и все же казалось, что они прикреплены цепью, как Библия в старых церквях. Доктор Гуд читал свою библиотеку, как чтут библиотеки публичные. И если профессорская строгость охраняла стихи и бутылки, нечего и говорить, с каким торжественным почтением служили здесь ученым трудам и хрупким, как в сказке, ретортам.

Доктор Орион Гуд мерил шагами пространство, ограниченное (как говорят в учебниках) Северным морем с востока, а с запада - рядами книг по социологии и криминалистике. Он был в бархатной куртке, как художник, но носил ее без всякой небрежности. Волосы его сильно поседели, но не поредели; лицо было худое, но бодрое. И он и его жилище казались и тревожными, и строгими, как море, у которого он (ради здоровья, конечно) построил себе дом.

Судьба, по-видимому, шутки ради впустила в длинные, строгие, очерченные морем комнаты человека, до удивления непохожего на них и на их владельца. В ответ на вежливое, краткое "прошу" дверь открылась вовнутрь, и в кабинет вошел бесформенный человечек, безуспешно боровшийся с зонтиком и шляпой. Зонт был черный, старый, давно не ведавший починки; шляпа широкополая, редкая в этих краях; владелец же их казался воплощением беззащитности.

Хозяин со сдержанным удивлением глядел на него, как глядел бы на громоздкое, безвредное чудище, выползшее из моря. Пришелец смотрел на хозяина, сияя и отдуваясь,

словно толстая служанка, втиснувшаяся в омнибус; как она, он светился наивным торжеством и никак не мог управиться с вещами. Когда он сел в кресло, шляпа упала, упал и зонтик; он наклонился, чтоб их поднять, но круглое, радостное лицо было обращено к хозяину.

- Моя фамилия Браун, - проговорил он. - Простите меня, пожалуйста. Я из-за Макнэбов. Говорят, вы в этих делах помогаете. Простите, если что не так.

Он изловил шляпу и как-то смешно кивнул, словно радовался, что все в порядке.

- Я не совсем понимаю, - сказал ученый сдержанно и холодновато. Боюсь, вы ошиблись адресом. Я - доктор Гуд. Я пишу и преподаю. Действительно, несколько раз полиция обращалась ко мне по особо важным вопросам...

- Это как раз очень важно! - прервал его странный гость. - Вы подумайте, ее мать не дает им пожениться! - И он откинулся в кресле, явно торжествуя.

Ученый мрачно сдвинул брови. В глазах его поблескивал гнев, а может, и смех.

- Понимаете, они хотят пожениться, - говорил человечек в удивительной шляпе. - Мэгги Макнэб и Тодхантер хотят пожениться. Что на свете важнее?

Профессорские триумфы отняли у Гуда многое - скажем, здоровье, а может, и веру; однако он еще умел дивиться нелепости. При последнем доводе что-то щелкнуло у него внутри, и он опустил в кресло, улыбаясь немного насмешливо, как врач на приеме.

- Мистер Браун, - серьезно сказал он, - прошло четырнадцать с половиной лет с тех пор, как со мной советовались по частному вопросу. Тогда дело шло о попытке отравить президента Франции на банкете у лорд-мэра. Сейчас, как я понимаю, речь идет о том, годится ли в невесты некоему Тодхантеру ваша знакомая по имени Мэгги. Что ж, мистер Браун, я люблю риск. Берусь вам помочь. Семейство Макнэбов получит совет, такой же ценный, как тот, что получили французский президент и английский король.

Нет, лучший - на четырнадцать лет. Сегодня я свободен.

Итак, что же у вас случилось?

Гость-коротышка поблагодарил его искренне, но как-то несерьезно (так благодарят соседа, передавшего спички, а не прославленного ботаника, который обещал найти редчайшую травку), и сразу, без перерыва, перешел к рассказу.

- Я уже говорил, моя фамилия - Браун. Служу я в католической церковке, вы ее видели, наверное, - там, за мрачными улицами, в северном конце. На самой последней и самой мрачной улице, которая идет вдоль моря, словно плотина, живет одна моя прихожанка, миссис Макнэб, женщина достойная и довольно строптивая. Она сдает комнаты, и у нее есть дочь, и эта дочь, и она, и постояльцы... ну, каждый по-своему прав. Сейчас там только один жилец, зовут его Тодхантер. С ним еще больше хлопот, чем с другими.

Он хочет жениться на дочери.

- А дочь? - спросил Гуд, искренне забавляясь. - Чего же хочет она?

- Как - чего? - воскликнул священник и выпрямился в кресте. - Выйти за него, конечно!

В том-то и сложность.

- Да, загадка страшная, - сказал доктор Гуд.

- Джеймс Тодхантер, - продолжал священник, - человек хороший, насколько мне известно, а известно о нем немного. Он невысокий, веселый, ловкий, как обезьяна, бритый, как актер, и вежливый, как чичероне. Денег у него хватает, но никому не известно, чем он занимается. Миссис Макнэб, женщина мрачная, уверена, что чем-нибудь ужасным, скорее всего - делает бомбы. Наверное, бомбы эти очень смирные - он, бедняга, просто сидит часами взаперти. Он говорит, что это временно, так надо, до свадьбы все разъяснится. Больше ничего и нету, но миссис Макнэб твердо знает еще многое. Вам ли объяснять, как быстро порастают легендой пути неведения! Рассказывают, что из-за дверей слышны два голоса, а когда дверь открыта жилец всегда один. Рассказывают, что человек в цилиндре вышел из тумана, чуть ли не из моря, тихо пересек пляж и садик и говорил с Тодхантером у заднего окна. Кажется, беседа обернулась ссорой - хозяин захлопнул окно, а гость растворился в тумане. Семья в это верит, но у миссис Макнэб есть и своя версия: тот,

"другой" (кем бы он ни был), выходит по ночам из сундука, который днем заперт. Как видите, за дверью скрыты чудеса и чудища, достойные "Тысячи и одной ночи". А маленький жилец в приличном пиджаке точен и безвреден, как часы. Он аккуратно платит, он не пьет, он терпелив и кроток с детьми и может развлекать их без конца, а главное, он пленил старшую, и она готова хоть сейчас выйти за него замуж.

Люди, преданные важной теории, любят применять ее к пустякам. Знаменитый ученый не без гордости снизошел к простодушию священника. Усевшись поудобнее, он начал рассеянным тоном лектора:

- В любом, даже ничтожном случае следует учитывать законы природы. Тот или иной цветок может к зиме и не увянуть, но цветы вянут. Та или иная песчинка может устоять перед прибоем, но прибой есть. Для ученого история цепь сменяющих друг друга миграций. Людские потоки приходят, затем исчезают, как исчезают осенью мухи и птицы. Основа истории - раса. Она порождает и веры, и споры, и законы. Один из лучших примеров тому - дикая, исчезающая раса, которую мы зовем кельтской. К ней принадлежат ваши Макнэбы. Кельты малорослы, смуглы, ленивы и мечтательны; они легко принимают любое суеверие - скажем (простите, конечно), то, которому учит ваша церковь.

Надо ли удивляться, если такие люди, убаюканные шумом моря и звуками органа (простите!), объяснят фантастическим образом самые обычные вещи? Круг ваших забот ограничен, и вам видна только эта конкретная хозяйка, перепуганная выдумкой о двух голосах и выходе из моря. Человек же науки видит целый клан таких хозяек, одинаковых, словно птицы одной стаи. Он видит, как тысячи старух в тысячах домов вливают ложку кельтской горечи в чайную чашку соседки. Он видит...

Тут за дверью снова раздался голос, на сей раз - нетерпеливый. По коридору, свистя юбкой, кто-то пробежал, и в кабинет ворвалась девушка. Одета она была хорошо, но не совсем аккуратно. Ее светлые волосы развевались, а лицо назвали бы прелестным, если бы скулы, как у многих шотландцев, не были шире и ярче, чем следует.

- Простите, что помешала! - воскликнула она так резко, словно приказывала, а не просила прощения. - Я за отцом Брауном. Дело страшное.

- Что случилось, Мэгги? - спросил священник, неуклюже поднимаясь.

- Кажется, Джеймса убили, - ответила она, переводя дух. - Этот Кан опять приходил. Я слышала через дверь два голоса. У Джеймса голос низкий, а у этого - тонкий, злой...

- Кан? - повторил священник в некотором замешательстве.

- Его так зовут! - нетерпеливо крикнула Мэгги. - Я слышала, они ругались. Из-за денег, наверное. Джеймс говорил все время: "Так... так... мистер Кан... нет, мистер Кан... два, три, мистер Кан"... Ах, что мы болтаем! Идите скорее, еще можно успеть!

- Куда именно? - спросил ученый, с интересом глядевший на гостью. Почему денежные дела мистера Кана требуют такой срочности?

- Я хотела выломать дверь, - сказала девушка, - и не смогла. Тогда я побежала во двор и влезла на подоконник. В комнате было совершенно темно, вроде бы пусто, но, честное слово, в углу лежал Джеймс. Его отравили, задушили...

- Это очень серьезно, - сказал священник и встал, не без труда собрав непокорные вещи. - Я сейчас говорил о вашем деле доктору, и его точка зрения...

- Сильно изменилась, - перебил ученый. - Кажется, в нашей гостье не так уж много кельтского. Сейчас я свободен. Надену-ка я шляпу и пойду с вами в город.

Несколько минут спустя они достигли мрачного устья нужной им улицы. Девушка ступала твердо и неутомимо, как горцы; ученый двигался мягко, но ловко, как леопард; священник семенил бодрой рысцой, не претендуя на изящество. Эта часть города в какой-то мере оправдывала рассуждения о навевающей печаль среде. Дома тянулись вдоль берега прерывистым, неровным рядом; сгущались ранние, мрачные сумерки; море, лиловое, как чернила, шумело тихо и грозно. В жалком садике, спускавшемся к берегу, стояли черные, голые деревья, словно черти вскинули лапы от удивления. Навстречу бежала хозяйка, взметнув к небу худые руки; ее суровое лицо было темным в тени, и сама она чем-то

походила на черта. Доктор и священник слушали, кивая, как она сообщает уже известные им вещи, прибавляя жуткие детали и требуя отпущения незнакомцу за то, что он убил, и жильцу - за то, что он убит, и за то, что он сватался к дочери, и за то, что так и не дожид до свадьбы. Потом по узким коридорам они дошли до запертой двери, и доктор ловко, как старый сыщик, выломан ее плечом.

В комнате было тихо и страшно. Первый же взгляд неоспоримо доказывал, что тут отчаянно боролись по меньшей мере два человека. На столике и на полу валялись карты, словно кто-то внезапно прервал игру. Два стакана стояли на столике - вино налить не успели, - а третий звездой осколков сверкал на ковре. Неподалеку от него лежал длинный нож, верней - короткая шпага с причудливой, узорной рукоятью; на матовое лезвие падал серый свет из окна, за которым чернели деревья на свинцовом фоне моря. В другом углу поблескивал цилиндр, должно быть, сбитый с головы; и казалось, что он еще катится. В третий же угол небрежно, как куль картошки, кинули Джеймса Тодхантера, обвязав его, однако, словно багаж, и заткнув шарфом рот, и скрутив руки и ноги. Темные его глаза бегали по сторонам.

Доктор Орион Гуд постоял у порога, глядя туда, где все беззвучно говорило о насилии. Потом, быстро ступая по ковру, он пересек комнату, поднял цилиндр и, глядя очень серьезно, примерил его связанному Тодхантеру. Цилиндр был так велик, что закрыл едва ли не все лицо.

- Шляпа мистера Кана, - сказал ученый, разглядывая подкладку в лупу. Почему же шляпа здесь, а владельца нет? Кан не грешит небрежностью в одежде, цилиндр - очень модный, хотя и не новый, его часто чистят. По-видимому, Кан - старый денди.

- О Господи! - выкрикнула Мэгги. - Вы б лучше его развязали.

- Я намеренно говорю "старый", - продолжал Гуд, - хотя, быть может, доводы мои немного натянуты. Волосы выпадают у людей по-разному, но все же выпадают, и я бы различил через лупу мелкие волоски. Их нет. Потому я и считаю, что мистер Кан - лысый. Сопоставим это с высоким, резким голосом, который так живо описала мисс Макнэб (потерпите, мой друг, потерпите!), сопоставим лысый череп с истинно старческой сварливостью - и мы посмеем, мне кажется, сделать свои выводы. Кроме того, мистер Кан подвижен и почти несомненно - высок. Я мог бы сослаться на рассказ о высоком человеке в цилиндре, но есть и более точные указания. Стакан разбит, и один из осколков лежит на консоле, над камином. Он бы туда не попал, если б разбился в руке такого невысокого человека, как Тодхантер.

- Кстати, - вмешался священник, - не развязать ли его?

- Стаканы говорят не только об этом, - продолжал эксперт. - Я сказал бы сразу, что мистер Кан лыс или раздражителей не столько от лет, сколько от разгульной жизни.

Как известно, Тодхантер тих, скромн, бережлив, он не пьет и не играет. Следовательно, карты и стаканы он припас для данного гостя. Но этого мало. Пьет он или не пьет, вина у него нету. Что же было в стаканах? Осмелюсь предположить, что там было бренди или виски, по-видимому, дорогого сорта, а наливал его мистер Кан из своей фляжки. Мы узнаем определенный тип: человек высокий, немолодой, элегантный, немного потрепанный, игрок и пьяница. Такие люди часто встречаются на обочине общества.

- Вот что, - закричала девушка, - если вы меня к нему не пустите, я побегу звать полицию!

- Не советовал бы вам, мисс Макнэб, - серьезно сказал Гуд, - спешить за полицией. Мистер Браун, прошу вас, успокойте своих подопечных - ради них, не ради меня. Итак, мы знаем главное о мистере Кане. Что же мы знаем о Тодхантере? Три вещи: он скуповат, он довольно состоятелен, у него есть тайна. Всякому ясно, что именно это - характеристика жертвы шантажа. Не менее ясно, что поблекший лоск, дурные привычки и озлобленность неоспоримые черты шантажиста. Перед вами типичные персонажи трагедии этого типа: с одной стороны, приличный человек, скрывающий что-то, с другой стареющий стервятник, чующий добычу. Сегодня они встретились, столкнулись, и дело дошло до драки, верней, до

кровапролития.

- Вы развяжете веревки? - упрямо спросила девушка.

Доктор Гуд бережно поставил цилиндр на столик и направился к пленнику. Он осмотрел его, даже подвинул и повернул немного, но ответил только:

- Нет. Я не развяжу их, пока полицейские не принесут наручников.

Священник, тупо глядевший на ковер, обратил к нему круглое лицо.

- Что вы хотите сказать? - спросил он.

Ученый поднял с ковра странную шпагу и, отвечая, внимательно разглядывал ее.

- Ваш друг связан, - начал он, - и вы решаете, что его связал Кан. Связал и сбежал. У меня же - четыре возражения. Во-первых, с чего бы такому щеголю оставлять по своей воле цилиндр? Во-вторых, - он подошел к окну, это единственный выход, а он заперт изнутри. В-третьих, на клинке капля крови, а на Тодхантере нет ран. Противник, живой или мертвый, унес эту рану на себе. И наконец, вспомним то, с чего мы начали. Скорей жертва шантажа прикончит своего мучителя, чем шантажист зарежет курицу, несущую золотые яйца. Кажется, довольно логично.

- А веревки? - спросил священник, восхищенно и растерянно глазевший на него.

- Ах, веревки... - протянул ученый. - Мисс Макнэб очень хотела узнать, почему я не развязываю ее друга. Что ж, отвечу. Потому что он и сам может высвободиться когда угодно.

- Что? - воскликнули все, удивляясь каждый по-своему.

- Я осмотрел узлы, - спокойно пояснил эксперт. - К счастью, я в них немного разбираюсь, криминологам это нужно. Каждый узел завязал он сам, ни одного не смог сделать посторонний. Уловка умная. Тодхантер притворился, что жертва - он, а не злосчастный Кан, чье тело зарыто в саду или скрыто в камине.

Все уныло молчали; становилось темнее; искривленные морем ветви казались чернее, суше и ближе, словно морские чудовища выползли из пучины к последнему акту трагедии, как некогда выполз оттуда загадочный Кан, злодей или жертва, чудовище в цилиндре. Смеркалось, словно сумерки - темное зло шантажа, гнуснейшего из преступлений, где подлость покрывает подлость черным пластырем на черной ране.

Приветливое и даже смешное лицо коротышки-священника вдруг изменилось. Его искривила гримаса любопытства - не прежнего, детского, а того, с какого начинаются открытия.

- Повторите, пожалуйста, - смущенно сказал он. - Вы считаете, что мистер Тодхантер сам себя связал и сам развяжет?

- Вот именно, - ответил ученый.

- О Господи! - воскликнул священник. - Неужели правда?

Он засеменил по комнате, как кролик, и с новым, пристальным вниманием воззрился на полузакрытое цилиндром лицо. Затем обернул к собравшимся свое лицо, довольно простоватое.

- Ну конечно! - взволнованно вскричал он. - Разве вы не видите? Да посмотрите на его глаза!

И ученый и девушка посмотрели и увидели, что верхняя часть лица, не закрытая шарфом, как-то странно кривится.

- Да, глаза странные, - заволновалась Мэгги. - Звери!

Ему больно!

- Нет, не то, - возразил ученый. - Выражение действительно особенное... Я бы сказал, что эти поперечные морщины свидетельствуют о небольшом психологическом сдвиге...

- Боже милостивый! - закричал Браун. - Вы что, не видите? Он смеется!

- Смеется? - повторил доктор. - С чего бы ему смеяться?

- Как вам сказать... - виновато начал Браун. - Не хочется вас обидеть, но смеется он над вами. Я бы и сам посмеялся, раз уж все знаю.

- Что вы знаете? - не выдержал Гуд.

- Чем он занимается, - ответил священник.

Он семенил по комнате, как-то бессмысленно глядя на вещи и бессмысленно хихикая над каждой, что, естественно, всех раздражало. Сильно смеялся он над черным цилиндром, еще сильнее - над осколками, а капля крови чуть не довела его до судорог. Наконец он обернулся к угрюмому Гуду.

- Доктор! - восторженно вскричал он. - Вы - великий поэт! Вы, словно Бог, вызвали тварь из небытия. Насколько это чудесней, чем верность фактам! Да факты просто смешны, просто глупы перед этим!

- Не понимаю, - высокомерно сказал Гуд. - Факты мои неоспоримы, хотя и недостаточны. Я отдаю должное интуиции (или, если вам угодно, поэзии) только потому, что собраны еще не все детали. Мистера Кана нет...

- Вот-вот! - весело закивал священник. - В том-то и дело - его нет. Его совсем нет, - прибавил он задумчиво, - совсем, совершенно.

- Вы хотите сказать, его нет в городе? - спросил Гуд.

- Его нигде нет, - ответил Браун. - Он отсутствует по сути своей, как говорится.

- Вы действительно полагаете, - улыбнулся ученый, - что такого человека нет вообще?

Священник кивнул.

Орион Гуд презрительно хмыкнул.

- Что ж, - сказал он, - прежде чем перейти к сотне с лишним других доказательств, возьмем первое - то, с чем мы сразу столкнулись. Если его нет, кому тогда принадлежит эта шляпа?

- Тодхантеру, - ответил Браун.

- Она ему велика! - нетерпеливо крикнул Гуд. - Он не мог бы носить ее.

Священник с бесконечной кротостью покачал головой.

- Я не говорю, что он ее носит, - ответил он. - Я сказал, что это его шляпа. Небольшая, но все же разница.

- Что такое? - переспросил криминолог.

- Нет, подумайте сами! - воскликнул кроткий священник, впервые поддавшись нетерпению. - Зайдите в ближайшую лавку - и вы увидите, что шляпник вовсе не носит своих шляп.

- Он извлекает из них выгоду, - возразил Гуд. - А что извлекает из шляпы Тодхантер?

- Кроликов, - ответил Браун.

- Что? - закричал Гуд.

- Кроликов, ленты, сласти, рыбок, серпантин, - быстро перечислил священник. - Как же вы не поняли, когда догадались про узлы? И со шпагой то же самое. Вы сказали, что на нем нет раны. И правда - рана в нем.

- Под рубашкой? - серьезно спросила хозяйка.

- Нет, в нем самом, внутри, - ответил священник.

- А, черт, что вы хотите сказать?

- Мистер Тодхантер учится, - мягко пояснил Браун, - Он хочет стать фокусником, жонглером и чревовещателем.

Шляпа - для фокусов. На ней нет волос не потому, что ее носил лысый Кан, а потому, что ее никто не носил. Стаканы - для жонглирования. Тодхантер бросал их и ловил, но еще не наловчился как следует и разбил один об потолок. И шпагой он жонглировал, а кроме того, учился ее глотать.

Глотанье шпаг - почетное и трудное дело, но тут он тоже не наловчился и поцарапал горло. Там - ранка, довольно легкая, а то бы он был печальней. Еще он учился освобождаться от пут и как раз собирался высвободиться, когда мы ворвались. Карты, конечно, для фокусов, а на пол они упали, когда он упражнялся, метал их. Понимаете, он хранит тайну, фокусникам нельзя иначе. Когда прохожий в цилиндре заглянул в окно, он его прогнал, а люди наговорили таинственного вздора, и мы поверили, что его мучает щеголеватый призрак.

- А как же два голоса? - удивленно спросила Мэгги.

- Разве вы никогда не видели чревовещателя? - спросил Браун. - Разве вы не знаете, что

он говорит нормально, а отвечает тем тонким, скрипучим, странным голосом, который вы слышали?

Все долго молчали. Доктор Гуд внимательно смотрел на священника, странно улыбаясь.

- Да, вы умны, - сказал он. - Лучше и в книге не напишешь. Только одного вы не объяснили: имени. Мисс Макнэб ясно слышала: "Мистер Кан".

Священник по-детски захихикал.

- А,- сказал он, - это глупее всего. Наш друг бросал стаканы и считал, сколько словил, а сколько упало. Он говорил: "Раз-два-три - мимо стакан, раз-два-три - мимо стакан..."

Секунду стояла тишина, потом все засмеялись. Тогда лежащий в углу с удовольствием сбросил веревки, встал, поклонился и вынул из кармана красно-синюю афишу, сообщавшую, что Саладин, первый в мире фокусник, жонглер, чревовещатель и прыгун, выступит с новой программой в городе Скарборо в понедельник, в восемь часов.

РАЗБОЙНИЧИЙ РАЙ

Прославленный Мускари, самобытнейший из молодых итальянских поэтов, быстро вошел в свой любимый ресторан, расположенный над морем, под тентом, среди лимонных и апельсиновых деревьев. Лакеи в белых фартуках расставляла на белых столиках все, что полагается к изысканному завтраку, и это обрадовало поэта, уже и так взволнованного свыше всякой меры. У него был орлиный нос, как у Данте, темные волосы и темный шарф легко отлетали в сторону, он носил черный плащ и мог бы носить черную маску, ибо все в нем дышало венецианской мелодрамой. Держался он так, словно у трубадура и сейчас была четкая общественная роль, как, скажем, у епископа. Насколько позволял век, он шел по миру, словно Дон-Жуан, с рапирой и гитарой. Он возил с собой целый ящик шпаг и часто дрался, а на мандолине, которая тоже передвигалась в ящике, играл, воспевая мисс Этель Харрогит, чрезвычайно благовоспитанную дочь йоркширского банкира. Однако он не был ни шарлатаном, ни младенцем; он был логичным латинянином, который стремится к тому, что считает хорошим. Стихи его были четкими, как проза. Он хотел славы, вина, красоты с буйной простотой, которой и быть не может среди туманных северных идеалов и северных компромиссов; и северным людям его напор казался опасным, а может - преступным. Как море или огонь, он был слишком прост, чтобы ему довериться.

Банкир с дочерью остановились в том самом отеле, чей ресторан Мускари так любил; собственно, потому он и любил этот ресторан. Но сейчас, окинув взглядом зал, поэт увидел, что англичан еще нет. Ресторан сверкал, народу в нем было мало. В углу, за столиком, беседовали два священника, но Мускари, при всей его пламенной вере, обратил на них не больше внимания, чем на двух ворон. От другого столика, наполовину скрытого увешанным золотыми плодами деревцем, к нему направился человек, чья одежда во всем противоречила его собственной. На нем были пегий клетчатый пиджак, яркий галстук и тяжелые рыжие ботинки. По канонам спортивно-мещанской моды, он выглядел и до грубости кричаще, и до пошлости обыденно. Но чем ближе подходил вульгарный англичанин, тем яснее видел удивленный тосканец, как не соответствует костюму его голова. Темное лицо, увенчанное черными кудрями, торчало, как чужое, из картонного воротничка и смешного розового галстука; и, несмотря на жуткие несгибаемые одежды, поэт понял, что перед ним - старый, забытый приятель по имени Эцца. В школе он был вундеркиндом, в пятнадцать лет ему пророчили славу, но, выйдя в мир, он не имел успеха ни в театре, ни в политике и стал путешественником, коммивояжером или журналистом. Мускари не видел его с тех пор, как он был актером, но слышал, что превратности этой профессии совсем сломили и раздавили его.

- Эцца! - воскликнул поэт, радостно пожимая ему руку. - В разных костюмах я тебя видел на сцене, но такого не ждал. Ты - англичанин!

- Почему же англичанин? - серьезно переспросил Эцца. - Так будут одеваться

итальянцы.

- Мне больше нравится их прежний костюм, - сказал поэт.

Эцца покачал головой.

- Это старая твоя ошибка, - сказал он, - и старая ошибка Италии. В шестнадцатом веке погоду делали мы, тосканцы: мы создавали новый стиль, новую скульптуру, новую науку. Почему бы сейчас нам не поучиться у тех, кто создал новые заводы, новые машины, новые банки и новые моды?

- Потому что нам все это ни к чему, - отвечал Мускари. - Итальянца не сделаешь прогрессивным, он слишком умен. Тот, кто знает короткий путь к счастью, не поедет в объезд по шоссе.

- Для меня итальянец - Маркони, - сказал Эцца. - Вот я и стал футуристом и гидом.

- Гидом! - засмеялся Мускари. - Кто же твои туристы?

- Некий Харрогит с семьей, - ответил Эцца.

- Неужели банкир? - заволновался Мускари.

- Он самый, - сказал гид.

- Что ж, это выгодно? - спросил Мускари.

- Выгода будет, - странно улыбнулся Эцца и перевел разговор. - У него дочь и сын.

- Дочь - богиня, - твердо сказал Мускари. - Отец и сын, наверное, люди. Но ты пойми, это все доказывает мою, а не твою правоту. У Харрогита миллионы, у меня - дыра в кармане. Однако даже ты не считаешь, что он умнее меня, или храбрее, или энергичней. Он не умен; у него глаза, как голубые пуговицы. Он не энергичен; он переваливается из кресла в кресло. Он нудный старый дурак, а деньги у него есть, потому что он их собирает, как школьник собирает марки. Для дела у тебя слишком много мозгов. Ты не преуспеешь, Эцца. Пусть даже для делового успеха и нужен ум, но только глупый захочет делового успеха.

- Ничего, я достаточно глуп, - сказал Эцца. - А банкира доругаешь потом, вот он идет.

Проставленный финансист действительно входил в зал, но никто на него не смотрел. Грузный, немолодой, с тускло-голубыми глазами и серо-бурыми усами, он походил бы на полковника в отставке, если бы не тяжелая поступь. Сын его Фрэнк был красив, кудряв, он сильно загорел и двигался легко; но никто и на него не смотрел. Все, как всегда, смотрели на золотую греческую головку и розовое, как заря, лицо, возникшее, казалось, прямо из сапфировой пены. Поэт Мускари глубоко вздохнул, словно сделал глубокий глоток.

Так оно и было; он упивался античной красотой, созданной его предками. Эцца глядел на Этель так же пристально, но куда наглее.

Мисс Харрогит лучилась в то утро радостью, ей хотелось поболтать, и семья ее, подчинившись европейскому обычаю, разрешила чужаку Мускари и даже слуге Эцце разделить их беседу и трапезу. Сама же она была не только благовоспитанной, но и поистине сердечной. Она гордилась успехами отца, любила развлечения, легко кокетничала, но доброта и радость смягчали и облагораживали даже гордость ее и светский блеск.

Беседа шла о том, опасно ли ехать в горы, причем опасностью грозили не обвалы и не бездны, а нечто еще более романтическое. Этель серьезно верила, что там водятся настоящие разбойники, истинные герои современного мифа.

- Говорят, - радовалась она, как склонная к ужасам школьница, - здесь правит не король Италии, а король разбойников. Кто же он такой?

- Он великий человек, синьорина, - отвечал Мускари, - равный вашему Робин Гуду. Зовут его Монтано, и мы слышали о нем лет десять назад, когда никто уже и не думал о разбойниках. Власть его распространилась быстро, как бесшумная революция. В-каждой деревне появились его воззвания, на каждом перевале - его вооруженные часовые.

Шесть раз пытались власти его одолеть и потерпели шесть поражений.

- В Англии, - уверенно сказал банкир, - таких вещей не потерпели бы. Быть может, нам надо было выбрать другую дорогу, но гид считает, что и здесь опасности нет.

- Никакой, - презрительно подтвердил гид. - Я там проезжал раз двадцать. Во времена наших бабушек, кажется, был какой-то бандит по кличке Король, но теперь это - история,

если не легенда. Разбойников больше не бывает.

- Уничтожить их нельзя, - сказал Мускари. - Вооруженный протест естественное занятие южан. Наши крестьяне - как наши горы: они добры и приветливы, но внутри у них огонь. На той ступени отчаяния, когда северный бедняк начинает спиваться, наш берет кинжал.

- Хорошо вам, поэтам, - сказал Эцца и криво усмехнулся. - Будь синьор Мускари англичанином, он искал бы разбойников под Лондоном. Поверьте, в Италии столько же шансов попасть к разбойникам, как в Бостоне - к индейцам, снимающим скальпы.

- Значит, не обращать на них внимания? - хмурясь, спросил мистер Харрогит.

- Ох, как страшно! - ликовала его дочь, глядя на Мускари сияющими глазами. - Вы думаете, там и вправду опасно ехать?

Мускари встряхнул черной гривой.

- Я не думаю, - сказал он, - я знаю. Я сам туда завтра еду.

Харрогит-сын задержался у столика, чтобы допить вино и раскурить сигару, а красавица ушла с банкиром, гидом и поэтом.

Примерно в то же время священники, сидевшие в углу, встали, и тот, что повыше - седой итальянец, - тоже ушел.

Тот, что пониже, направился к сыну банкира, который удивился, что католический священник - англичанин, и смутно припомнил, что видел его у каких-то своих друзей.

- Мистер Фрэнк Харрогит, если не ошибаюсь, - сказал он. - Мы знакомы, но я подошел не потому. Такие странные вещи лучше слышать от незнакомых. Пожалуйста, берегите сестру в ее великой печали.

Даже по-братски равнодушный Фрэнк заметил сверкание и радость сестры; смех ее и сейчас доносился из сада, и он в удивлении поглядел на странного советчика.

- Вы о чем, о разбойниках? - спросил он и прибавил, вспомнив свои смутные опасения: - Или о поэте?

- Никогда не знаешь, откуда придет горе, - сказал удивительный священник. - Нам дано одно: быть добрыми, когда оно приходит.

Он быстро вышел из зала, а его собеседник ошалело глядел ему вслед.

На следующий день лошади с трудом тащили наших путников по кручам опасного горного хребта. Эцца презрительно отрицал опасность, Мускари бросал ей вызов, семейство банкира упорно хотело ехать, и все поехали вместе.

Как ни странно, на станции они встретили низенького священника, и он сказал, что и ему надо ехать туда же по делу.

Харрогит-младший поневоле связал это со вчерашним разговором.

Сидели все в каком-то особом открытом вагончике, который изобрел и приспособил склонный к технике гид, руководивший поездкой деловито, учено и умно. О разбойниках больше не говорили, но меры предосторожности приняли: у гида и у сына были револьверы, у Мускари - шпага.

Поместился он чуть поодаль от прекрасной англичанки; по другую сторону сидел священник, представившийся как Браун и больше не сказавший ни слова. Банкир с сыном и гидом сидели напротив. Мускари был очень счастлив, и Этель вполне могло показаться, что он - в маниакальном экстазе. Но здесь, на кручах, поросших деревьями, как клумба - цветами, она и сама воспаряла с ним в алые небеса, к золотому солнцу. Белая дорога карабкалась вверх белой кошкой, огибала петлей темные бездны и острые выступы, взбиралась все выше, а горы по-прежнему цвели, как розовый куст. Залитая солнцем трава была зеленой, как зимородок, как попугай, как колибри; цветы пестрели всеми красками мира. Самые красивые луга и леса - в Англии, самые красивые скалы и пропасти - на Слоудоне и Гленкоу; но Этель никогда не видела южных лесов, растущих на круче, и ей казалось, что фруктовый сад вырос на приморских утесах. Здесь не было и в помине тоски и холода, которые у нас, англичан, связаны с высотой. Горы походили на мозаичный дворец после землетрясения или на тюльпановый сад после взрыва. Этель сказала об этом

романтику Мускари.

- Наша тайна, - отвечал он, - тайна вулкана, тайна мятежа: и ярость приносит плоды.
 - В вас немало ярости, - сказала она.
 - Но плодов я не принес, - сказал он. - Если я сегодня умру, я умру холостым и глупым.
- Она помолчала, потом неловко произнесла:
- Я не виновата, что вы поехали.
 - Да, - кивнул поэт. - Вы не виноваты, что пала Троя.

Пока они беседовали, лошади вошли под сень скал, нависших, словно туча, над особенно опасным поворотом, и остановились, испугавшись внезапной тьмы. Кучер прыгнул на землю, чтобы перерезать постромки, и потерял власть над ними. Одна из них встала на дыбы, во всю высоту коня, когда он становится двуногим. Вагонетка заскользила куда-то, как корабль, проломила кусты и упала с откоса. Мускари обнял Этель, она прижалась к нему и закричала. Ради таких минут он и жил на свете.

Горные стены багровой мельницей закружились вокруг него, но тут случилось нечто еще более странное. Сонный старый банкир встал во весь рост и прыгнул из вагонетки в пропасть прежде, чем она сама туда упала. На первый взгляд то было самоубийство; на второй оказалось, что это так же разумно, как внести деньги в банк. По-видимому, богач был энергичней и умнее, чем думал поэт: он приземлился на мягкой, зеленой, поросшей клевером лужайке, словно созданной для таких прыжков. Правда, и остальные упали туда же, хотя и не в такой достойной позе. Прямо под опасным поворотом находился кусочек земли, прекрасный, как подводный луг, - зеленый бархатный карман долгополого одеяния горы. Туда они и упали без особого для себя ущерба, только мелкие вещи рассыпались по траве. Вагонетка зацепилась за кусты, лошади с трудом сползли по склону. Первым поднялся на ноги священник и глупо и удивленно потер голову. Фрэнк Харрогит услышал, что он бормочет:

"Господи, почему мы именно здесь упали?"

Моргая, священник огляделся и нашел свой нелепый зонтик. Рядом с ним лежала широкополая шляпа Мускари, подальше - запечатанное письмо, которое он, взглянув на адрес, отдал банкиру. В другой стороне, в траве виднелся отнюдь не нелепый зонтик мисс Этель и тут же рядом - маленький флакончик. Священник взял его, быстро открыл, понюхал, и его простодушное лицо стало серым, как земля.

- Господи, помилуй! - тихо сказал он. - Неужели беда уже пришла? - Он спрятал флакончик в карман и прибавил: - Наверное, я имею на это право, пока не узнаю побольше.

Горестно глядя на девушку, он увидел, как она встает из цветов и Мускари говорит ей:

- Мы упали в небо. Это неспроста. Смертные карабкаются вверх, падают вниз. Вверх падают только боги.

Она встала из цветочного моря таким блаженным видением, что священник совсем успокоился. "В конце концов, - подумал он, - Мускари может носить с собой яд, он любит мелодраму".

Когда дама встала, держась за руку поэта, он низко ей поклонился, вынул кинжал и перерезал постромки. Лошади поднялись на ноги, сильно дрожа; и тут случилась еще одна удивительная вещь. Спокойный темнолицый человек в лохмотьях вышел из кустов. На поясе у него был странный нож, изогнутый и широкий; поэт спросил его, кто он, и он не ответил.

Поэт огляделся и увидел, что откуда-то снизу, опираясь локтями о край лужайки, на него смотрит еще один оборванец с дубленным лицом и коротким ружьем. Сверху, с дороги, в них целились четыре карабина, а над ними темнели четыре лица и сверкали восемь неподвижных глаз.

- Разбойники! - закричал Мускари. - Ловушка! Эцца, застрели-ка кучера, а я займусь вот ими. Их всего шесть штук.

- Кучера, - сказал Эцца, не вынимая рук из карманов, - нанял мистер Харрогит.

- Тем более! - нетерпеливо сказал поэт. - Значит, его подкупили. Застрели, потом вы окружите даму, и мы пробьемся.

Он бесстрашно пошел по траве и цветам прямо на карабины, но никто не последовал за ним, кроме Фрэнка. Гид стоял посреди лужайки, держа руки в карманах, и его длинное лицо становилось все длиннее в предвечернем свете.

- Ты думал, Мускари, что из меня ничего не вышло, - сказал он, - а из тебя вышло. Но я тебя обогнал, слава моя больше твоей. Я творил поэмы, пока ты их писал.

- Да что ты встал? - закричал Мускари. - Что ты порешишь чушь? Надо спасти женщину! Кто же ты такой, честное слово?

- Я Монтано, - громко сказал странный гид. - Король разбойников. Рад видеть вас в моем летнем дворце.

Пока он говорил, еще пять человек вышли из кустов и встали, ожидая его приказаний. Один держал в руке какую-то бумагу.

- Гнездышко это, - продолжал царственный гид, - и пещеры там, пониже, называются разбойничьим раем. Его не видно ни снизу, ни сверху. Здесь я живу, здесь умру, если жандармы найдут меня. Смертью своей я распоряжаюсь сам.

Все глядели на него, не дыша, только отец Браун облегченно вздохнул.

- Слава тебе, Господи! - пробормотал он. - Это его яд.

Он не хочет попасть в руки врага, как Катон.

Король разбойников тем временем говорил все с той же грозной вежливостью:

- Остается объяснить, на каких условиях я буду развлекать моих гостей. Достопочтенного отца Брауна и прославленного Мускари я отпущу завтра утром, и мой эскорт проводит их до безопасного места. У священников и поэтов денег нет. Поэтому я позволю себе выразить свое благоговение перед высокой поэзией и апостольской церковью.

Он неприятно улыбнулся, а отец Браун заморгал и стал слушать внимательней. Монтано взял у разбойников бумагу и говорил, заглядывая в нее:

- Все прочее ясно выражено в этом документе, который я дам вам прочитать, после чего его вывешат во всех деревнях долины и на всех развилках в горах. Суть его вот в чем: я сообщаю, что взял в плен английского миллионера, мистера Сэмюела Харрогита и обнаружил у него две тысячи фунтов, которые он мне вручил. Безнравственно говорить неправду доверчивым людям, так что придется это осуществить. Надеюсь, мистер Харрогит-старший сам вручит мне эти две тысячи.

По-видимому, беда возродила в банкире угасшее было мужество: он сунул красную, дрожащую руку в жилетный карман и вручил разбойнику пачку бумаг и писем.

- Прекрасно! - воскликнул тот. - Теперь - о выкупе.

Друзья Харрогитов должны передать мне еще три тысячи, что до оскорбления мало, принимая во внимание ценность этой семьи. Не скрою, если денег не будет, могут произойти неприятные для всех вещи; но сейчас, господа и дамы, я обеспечу вам все удобства, включая вино и сигары. Рад вас приветствовать в разбойничьем раю.

Пока он говорил, сомнительные люди в грязных шляпах вылезали буквально отовсюду, так что даже Мускари понял, что пробиться сквозь них нельзя. Он огляделся. Этель утешала отца, ибо ее любовь к нему была сильнее, чем не лишенная снобизма гордость за него. Поэта, нелогичного, как все влюбленные, это и умилило, и раздосадовало. Он сунул шпагу в ножны и бросился на траву. Священник присел рядом с ним.

- Ну как? - сердито спросил поэт. - Романтик я? Есть в горах разбойники?

- Может, и есть, - отвечал склонный к сомнению священник.

- Что вы хотите сказать? - резко спросил Мускари.

- Я хочу сказать, что Эцца, или Монтано, очень меня удивляет, отвечал Браун.

- Сайта Мария! - воскликнул поэт. - Чем же именно?

- Тремя вещами, - тихо сказал священник. - Я рад вам о них рассказать и узнать ваше мнение. Во-первых, там, в ресторане, когда вы выходили, мисс Харрогит шла с вами впереди, отец с гидом - сзади, и я услышал, как Эцца говорит: "Пуускай повеселится. Беда может прийти каждую минуту". Мистер Харрогит не ответил, так что слова эти что-нибудь да значили. Я предупредил ее брата, что ей угрожает беда, но я и сам не знал, какая. Если он

имел в виду происшествие в горах, это просто чепуха - не станет же сам разбойник предупреждать жертву! Какая же беда должна случиться с мисс Харрогит?

- Беда с мисс Харрогит? - с яростью повторил поэт.

- Все мои загадки упираются в нашего гида, - продолжал священник. Вот вторая. Почему он так подчеркивает в этой бумаге, что взял у банкира две тысячи? Выкуп от этого скорей не явится. Наоборот, друзья Харрогита больше испугались бы за него, если бы разбойники были бедны, то есть дошли бы до крайности.

- Да, это странно, - сказал Мускари и впервые совсем не театрально почесал за ухом. - Вы мне не объясняете, вы меня совсем запутали. Какая же у вас третья загадка?

- Эта лужайка, - раздумчиво сказал отец Браун. - На нее очень удобно падать и приятно смотреть, она не видна ни сверху, ни снизу, это хороший тайник, но никак не крепость. Какая там крепость! Хуже не придумаешь. Проще простого взять ее оттуда, с дороги, а полиция по дороге и придет. Да нас самих тут удержало четыре карабина. Несколько солдат легко сбросили бы нас в пропасть. Что бы ни значил этот зеленый закуток, он совершенно беззащитен.

Это не крепость, тут что-то другое, он ценен чем-то другим, а чем - не пойму. Скорее, это похоже на артистическую уборную, или на подмостки для какой-то комедии, или...

Низенький священник вел свою нудную, искреннюю речь, а Мускари, наделенный звериной остротой чувств, услышал далеко в горах цокот копыт и приглушенные далью крики. Задолго до того, как эти звуки достигли слуха англичан, Монтано вспрыгнул на дорогу и встал у дерева. Обратившись в разбойничьего короля, он надел причудливую шляпу и перевязь со шпагой, которые никак не сочетались с грубошерстным костюмом.

Он повернул к разбойникам длинное зеленоватое лицо, взмахнул рукой, и оборванцы с карабинами, повинувшись каким-то военным соображениям, попрятались в кусты. Цокот становился все громче, дорога тряслась, чей-то голос выкликал команды.

В кустах трещало и позвякивало, словно разбойники взводили курки или точили ножи о камень. Наконец звуки эти встретились: кроме того, затрещали ветви, заржали кони, закричали люди.

- Мы спасены! - воскликнул Мускари, вскакивая на ноги и размахивая шляпой. - Неужели мы все предоставим полиции? Нападем на мерзавцев с тыла! Жандармы спасают нас, спасем же и мы жандармов!

Он закинул шляпу на дерево, снова выхватил шпагу и полез на дорогу, наверх. Фрэнк побежал за ним, но отец властно окликнул его:

- Стой. Не вмешивайся.

- Ну, что ты! - мягко возразил Фрэнк. - Разве ты хочешь, чтобы англичанин отстал от итальянца?

- Не вмешивайся, - повторил старик, сильно дрожа. - Покоримся судьбе.

Отец Браун посмотрел на него и схватился как будто бы за сердце; но, ощутив под пальцами стекло флакона, облегченно вздохнул, словно спасся от гибели.

Мускари, не дожидаясь помощи, вылез на дорогу и ударил кулаком короля разбойников. Тот пошатнулся, сверкнули клинки, но не успели они скреститься, бывший гид засмеялся и опустил руки.

- Да ладно! - сказал он по-итальянски. - Скоро этому балагану конец.

- Ты о чем, негодяй? - закричал огнедышащий поэт. - Твоя храбрость такой же обман, как твоя честь?

- У меня нет ничего настоящего, - благодушно отвечал Эцца. - Я актер, и если были у меня свои качества, я о них забыл. Я не разбойник и не гид. Я - маска на маске, а с личинами не сражаются.

Стемнело, но все же было видно, что разбойники скорее пугают коней, чем убивают людей, словно городская толпа, мешающая полиции проехать. Поэт в удивлении глядел на них, когда кто-то коснулся его локтя. Рядом стоял низенький священник, похожий на игрушечного Ноя в широкополой шляпе.

- Синьор Мускари, - сказал он, - простите мне мою нескромность. Не обижайтесь на меня и не помогайте жандармам. Любите ли вы эту девушку? То есть достаточно ли вы ее любите, чтобы жениться на ней и быть ей хорошим мужем?

- Да, - сказал Мускари.

- А она вас любит? - продолжал отец Браун.

- Наверное, да, - серьезно ответил Мускари.

- Тогда идите к ней, - сказал священник, - предложите ей все, что у вас есть. Время не терпит.

- Почему? - удивился поэт.

- Потому, - сказал священник, - что беда скачет к ней по дороге.

- По дороге скачет спасение, - возразил Мускари.

- Вы идите, - повторил священник, - и спасите ее от спасения.

Тем временем разбойники, ломая кусты, кинулись врассыпную в густую зелень, а над кустами возникли треуголки жандармов. Снова раздалась команда, люди спешили, и высокий офицер с седой эспаньолкой появился там, где все недавно падали в разбойничий рай. И вдруг банкир закричал:

- Меня обокрали!

- Тебя давно обокрали, - удивился его сын. - Прошло часа два, как они забрали деньги.

- У меня забрали не деньги, а маленький флакон, - в спокойном отчаянии сказал банкир.

Офицер с эспаньолкой шел к ним. Проходя мимо бывшего короля, он не то ударил, не то похлопал его по плечу и сказал:

- За такие шутки может и не поздоровиться.

Поэту показалось, что великих разбойников ловят не совсем так. Офицер подошел к Харрогитам и четко произнес:

- Сэмюел Харрогит, именем закона я арестую вас за растрату банковских фондов.

Банкир деловито кивнул, подумал, повернулся, ступил на край лужайки и прыгнул точно так же, как несколько часов назад. Но теперь внизу не было зеленого рая.

Итальянский жандарм выразил священнику и возмущение свое и восхищение.

- Великий был разбойник, - сказал он. - Какую штуку выдумал! Сбежал с деньгами в Италию и нанял этих типов.

В полиции многие поверили, что речь идет о выкупе. Он и раньше творил Бог знает что. Большая потеря!..

Мускари уводил несчастную дочь, и она держалась за него так же крепко, как и много лот спустя. Но даже в таком горе он улыбнулся, проходя мимо Эццы, и спросил:

- Куда же ты теперь отправишься?

- В Бирмингем, - отвечал актер, раскуривая сигарету. - Я тебе сказал, я - человек будущего. Если я во что-то верю, я верю в перемены, в хватку, в новизну. Поеду в Манчестер, в Ливерпуль, в Халл, в Хадерсфилд, в Глазго, в Чикаго - в современный, деловой, цивилизованный мир.

- Словом, - сказал Мускари, - в разбойничий рай.

ПОЕДИНОК ДОКТОРА ХИРША

Месье Морис Брюн и месье Арман Арманьяк бодро шествовали по залитым солнцем Елисейским полям. Это были бойкие приземистые молодцы с черными бородками. Бородки их соответствовали требованиям причудливой французской моды, по которой бороды и усы должны казаться накладными. У месье Брюна под нижней губой чернела словно бы приклеенная эспаньолка. Месье Арманьяк, как будто для оригинальности, украсил свой выдвинутый подбородок двумя бородами - по одной с каждой стороны. Молодые люди были атеистами. Суждения их отличались гнетущей непререкаемостью и непоследовательностью. Оба месье были учениками знаменитого ученого, публициста и моралиста доктора Хирша.

Месье Брюн прославился тем, что предложил изгнать из французской литературы слово "Adieu!" Прощай (фр.). Корень слова - "Dieu" - "Бог" и запретить его употребление в повседневной жизни под угрозой небольшого штрафа. "Таким образом, - считал он, - самое слово, обозначающее мифического бога, будет предано забвению".

Месье Арманьяк же не покладая рук боролся с милитаризмом. Он даже считал, что следует изменить слова "Марсельезы" и вместо "Aux armes, citoyens" К оружию, граждане (фр.) петь "Aux greves, citoyens" На забастовки, граждане (фр.). Но пацифизм его был какой-то по-галльски чудной. Однажды из Англии приехал известный состоятельный квакер, чтобы обсудить с Арманьяком, как им лучше всего споспешествовать всеобщему разоружению. После разговора с французом квакер был немало раздосадован: по мнению Арманьяка, первым делом следовало настроить солдат, чтобы они перестреляли своих офицеров.

Не таков был их учитель и духовный наставник. Доктор Хирш родился во Франции, здесь же стяжал громкую славу за свои научные труды, но характером от своих соотечественников отличался. Был он мягок, добродушен, склонен к мечтательности, а его философские взгляды, несмотря на изрядную долю скептицизма, не были чужды метафизике.

Короче говоря, он был скорее немцем, чем французом, и хотя ученики его боготворили, в глубине своей галльской души они порицали учителя за то, что он проповедует установление мира на земле с такой миролюбивостью. И все-таки последователи его учения по всей Европе только что не молились на него. Поражаясь грандиозности и смелости его научных теорий, они проявляли интерес к личности их создателя. Доктор Хирш был известен своим аскетизмом и гуманностью - правда, несколько отвлеченной. В убеждениях его чувствовалось и влияние Дарвина, и влияние Толстого.

Однако он не был ни анархистом, ни космополитом, а в вопросе разоружения придерживался умеренных взглядов и не забывал об эволюционном подходе. Правительство республики высоко ценило его открытия в химии. Последним его открытием было бесшумное взрывчатое вещество, способ изготовления которого правительство сохраняло в строжайшей тайне.

Дом доктора Хирша стоял на живописной улице близ Елисейских полей. Вдоль улицы росли каштаны, и сейчас, в самый разгар лета, она походила на тенистый парк: солнце едва пробивалось сквозь густую листву. Только площадка перед большим кафе была свободна от деревьев. Напротив кафе и располагался дом великого ученого. На окнах были белые и зеленые шторы, а вдоль второго этажа тянулся балкон с железными перилами, выкрашенными в зеленый цвет.

Арка под балконом вела во дворик, где на фоне кирпичной кладки ярко зеленел кустарник. Оживленно беседуя, приятели вошли в арку.

Дверь открыл старый слуга доктора Симон. По виду он и сам мог сойти за доктора: строгий черный костюм, очки, седина, вкрадчивый голос. Да что там говорить - Симон куда больше подходил на роль ученого, чем его неказистый хозяин, который сложением напоминал расщепленную с острого конца морковку с крупной головой - луковицей. Торжественно, словно знаменитый врач, вручающий больному рецепт, Симон передал месье Арманьяку письмо. Тот с истинно французским нетерпением вскрыл конверт и пробежал письмо глазами. Доктор Хирш писал:

"Я не могу выйти. Ко мне заявился некий офицер по имени Дюбоск, страшный шовинист. Я не хочу его принимать, а он торчит на лестнице и не уходит. Учинил в доме кавардак. Я заперся от него в кабинете, что выходит окнами на кафе. Если вы мне преданы, подождите за столиком возле кафе: я пришлю его к вам для переговоров. Сам я с ним разговаривать не могу. Не могу и не желаю.

Похоже, назревает новое дело Дрейфуса.

В 1894 г. против офицера Генерального штаба Франции Альфреда Дрейфуса было выдвинуто ложное обвинение в продаже Германии секретных документов. Дело Дрейфуса

было сфабриковано реакционными кругами, особенно рьяно требовали осуждения Дрейфуса монархисты, клерикалы и антисемиты.

П.Хирш".

Месье Арманьяк посмотрел на месье Брюна. Месье Брюн взял письмо, прочел и посмотрел на месье Арманьяка. Не теряя ни минуты, они пересекли улицу, расположились за столиком под каштанами и заказали по большому стакану омерзительного зеленого абсента, который они имели обыкновение пить в любую погоду и в любое время дня. Посетителей в кафе было мало. За одним столиком пил кофе какой-то солдат, за другим сидели высокий мужчина, который попивал сироп, и священник, который вообще ничего не пил.

Морис Брюн откашлялся.

- Конечно, - начал он, - мы должны во что бы то ни стало помочь мэтру, но...

Воцарилось молчание.

- Да, - подал голос Арманьяк, - ясно, что он неспроста избегает встречи с этим офицером, но...

Не успел он договорить, как из арки донесся шум. Видно, хозяину все-таки удалось избавиться от незваного гостя.

Кусты во дворе зашелестели, раздвинулись, и нарушитель спокойствия пулей вылетел на улицу.

На голове у незнакомца криво сидела тирольская шапочка, да и фигура была самая что ни на есть тирольская. Был он коренаст, широкоплеч, скор на ногу. На смуглом, точно лесной орех, лице сверкали быстрые карие глаза. Черные усищи закручены вверх, как бизоньи рога, волосы зачесаны и сзади коротко острижены, так что голова казалась массивной, угловатой. Судя по этой голове, у незнакомца была крепкая бычья шея, но шею скрывал разноцветный шарф восточной работы - незнакомец замотался им чуть не по самые уши. В раскраске шарфа сочетались густые тяжелые цвета: вишневый, фиолетовый, тускло-золотой. Незнакомец носил тужурку наподобие причудливого камзола, бриджи и вязаные чулки. Во всем его облике было что-то варварское, он походил скорее на венгерского помещика, чем на французского офицера. Однако выговор у него был чисто французский, а патриотического пыла хватило бы на двух французов. Выскочив из арки, он первым делом издал клич:

- Где вы, граждане Франции?! - будто христианин в Мекке, созывающий своих единоверцев.

Арманьяк и Брюн вскочили, но было уже поздно. Со всех сторон на призыв усатого незнакомца бежали люди.

Собралась небольшая, но бурная толпа. Похоже, незнакомец хорошо поднатерел во французском искусстве уличного витийства. Он подбежал к кафе, вспрыгнул на столик, ухватился за ветку каштана и вскричал голосом Камиля Демулена (1760 - 1794) - деятель Великой Французской революции, бросающего в толпу дубовые листья:

- Граждане Франции! Я не умею говорить речей. Но поэтому я и обращаюсь к вам с речью, Это политиканы в своих гнусных парламентах учатся разводиться рацеи. Но они учатся и отмалчиваться. Отмалчиваться, как шпион, который затаился в этом доме. Как отмалчивался он, когда я стучал в его дверь. Как отмалчивается он и сейчас, хотя наверняка слышит меня. О, как красноречиво молчат наши златоусты! Но пришла пора заговорить даже самым косноязычным. Сограждане, вас предали пруссакам! Предатель живет в этом доме. Я Жюль Дюбоск, полковник артиллерии из Бельфора. Вчера в Вогезах мы поймали немецкого лазутчика. У него обнаружена записка - вот она! Кое-кто пытался замаять эту историю, но я прямоком пошел к человеку, который написал эту записку, к человеку, который живет в этом доме. Это его почерк. Это его инициалы. В записке сообщается, где можно раздобыть рецепт нового изобретения - Бесшумного Пороха. Порох изобрел доктор Хирш.

Записку написал тоже доктор Хирш. Записка написана по-немецки, найдена в кармане у немца. "Передайте своему агенту, что рецепт изготовления пороха хранится в Военном министерстве, в первом ящике шкафа слева от стола секретаря. Он записан красными

чернилами и лежит в сером конверте. Пусть агент действует осторожно. П.Х."

Рубленные фразы трещали, как пулеметная очередь. Но было ясно, что Дюбоск или бредит, или говорит чистую правду. Мнения толпы разделились. Большинство, которое составляли националисты, подняло грозный гвалт. Интеллектуалы во главе с Арманьяком и Брюном, оставшись в меньшинстве, столь же горячо вступились за доктора Хирша, но это только раззадорило их противников.

- Если это военная тайна, - кричал Брюн, - зачем вы трубите о ней на улицах?

- Зачем? А вот зачем! - ревел Дюбоск, возвышаясь над бурлящей толпой. - Я без всяких околичностей пошел к Хиршу. Я вежливо попросил объяснить мне все с глазу на глаз. Но он не желает ничего объяснять, а посылает меня сюда, в кафе, к каким-то двум своим прихвостням. Он выставил меня из дома! Ну ничего, я вернусь - и не один, а с толпой парижан!

От крика толпы содрогнулись фасады домов. В воздухе просвистели два камня, один угодил в стекло балконной двери. Взбешенный полковник снова нырнул в арку, и теперь его вопли и проклятия гремели во дворе. Толпа все прибывала, она уже подступила к самой ограде дома, к самому порогу. Еще немного - и дом изменника постигла бы участь Бастилии. Но тут балконная дверь распахнулась и перед собравшимися предстал доктор Хирш. Неистовство толпы сменилось почти хохотом. В нынешних драматических обстоятельствах внешность доктора и впрямь казалась презабавной. Длинная голая шея, узкие плечи - точь-в-точь бутылка из-под шампанского. Но это была единственная черта его внешности, которая хоть сколько-нибудь напоминала о празднике. Пальто на нем висело, как на вешалке, на голове росли длинные космы морковного цвета, а щеки и подбородок окаймляла гаденькая бородка, как будто она предпочитала расти не на лице, а поближе к шее. Глаза доктора были скрыты синими стеклами очков.

Доктор был бледен, но голос его звучал строго и уверенно. Толпа утихомирилась и уже третью фразу его речи слушала в полном молчании.

- ...Обратиться к моим врагам и друзьям. Врагам я хочу сказать следующее. Да, я не стану разговаривать с месье Дюбоском, и напрасно он сейчас беснуется за дверью этой комнаты. Да, я просил своих друзей переговорить с ним. И вот почему. Я не желаю, не имею права встречаться с ним, ибо это противно правилам чести и приличия. Когда дело дойдет до суда, моя невиновность станет очевидна для всех.

Но долг чести требует, чтобы прежде наш спор был разрешен иным способом. Поэтому, назвав месье Дюбоску своих секундантов, я полностью...

Арманьяк и Брюн в восторге размахивали шляпами. Даже противники доктора одобрили этот неожиданный вызов и разразились рукоплесканиями. Шум заглушил голос доктора, но вскоре толпа опять успокоилась.

- Теперь несколько слов моим друзьям, - продолжал Хирш. - Мне больше пристало отстаивать свою правоту доводами рассудка. Когда-нибудь человечество достигнет такого уровня развития, что они будут единственным оружием в решении споров. Но истина, от которой мы никогда не отступимся, основополагающие законы материи и наследственности. Мои труды пользуются авторитетом, мои научные теории снискали всеобщее признание, но в политике я постоянно страдаю от националистических предрассудков, которые у французов вошли в плоть и кровь. Я не умею говорить, как Клемансо Клемансо Жорж (1841 - 1929) - политический деятель, премьер-министр Франции в 1906 1909, 1917 - 1920 гг. Дерулед Дерулед Поль (1846 - 1914) - французский политический деятель крайне правого националистического направления, потому что их речи - отголоски пистолетных выстрелов. У французов дуэлянты в таком же почете, в каком у англичан - спортсмены. Что ж, я готов доказать свою невиновность: я заплачу дань этому варварскому обычаю, а после уже ничто не отвлечет меня от научных занятий.

Когда полковник Дюбоск, вполне удовлетворенный словами доктора, снова вышел на улицу, ему не пришлось долго искать секундантов. Первым предложил свои услуги тот самый солдат, который пил кофе за столиком. Он был немногословен:

- Можете рассчитывать на меня, сударь. Я герцог де Валов.

Другой посетитель кафе - высокий господин, пивший сироп, - вызвался стать вторым секундантом. Его приятель священник взялся было его отговаривать, но потом махнул рукой и удалился.

В кафе "Шарлемань" был накрыт легкий ужин. Столики стояли прямо на улице, но не совсем под открытым небом.

Правда, над головами посетителей не было ни стеклянного, ни золоченого потолка, однако нарядные деревья, под которыми размещались столики, росли так плотно, что листва их образовала легкую и зыбкую крышу, и кафе, светлое и тенистое, напоминало маленький сад. За столиком посредине в полном одиночестве сидел толстенький невысокий священник. Перед ним стояла полная тарелка серебристых снетков, а вокруг нее - блюда с неизменной снедью: красные перцы, лимоны, черный хлеб, масло. Священник ел не спеша, смакуя каждую рыбку. Жизнь его отличалась простотой и умеренностью, и он умел ценить редкие неожиданные удовольствия: он был неприхотливым эпикурейцем.

На столик легла длинная тень. Священник поднял глаза от тарелки. Это был его приятель Фламбо. Он с угрюмым видом сел напротив и пробурчал:

- Похоже, мне следует выйти из игры. Я всей душой на стороне таких французских солдат, как Дюбоск, и не перевариваю французских атеистов вроде Хирша, но здесь произошла какая-то ошибка. Хорошо еще, что мы с герцогом сообразили проверить, насколько справедливо обвинение.

- И записка оказалась фальшивой? - спросил отец Браун.

- Поди тут разберись. Написана она почерком Хирша, это признали все. Но писал ее не Хирш. Если он французский патриот, он не стал бы передавать Германии секретные сведения. А если он немецкий шпион, то зачем ему передавать сведения, от которых Германии не будет никакого проку?

- То есть это ложные сведения?

- То-то и оно, что ложные. Причем писавший эту записку не знает именно того, что известно доктору Хиршу: где хранится тайна его изобретения. При содействии Хирша Военное министерство разрешило нам осмотреть ящик, где спрятан рецепт. Кроме Хирша, военного министра да нас с герцогом о его местонахождении не знает ни одна живая душа. Да и нас министр посвятил в эту тайну лишь для того, чтобы предотвратить поединок. И раз обвинения Дюбоска - чистейший вздор, мы ему не помощники.

- Вздор? - переспросил отец Браун.

- Самый настоящий, - хмуро кивнул Фламбо. - Тот, кто состряпал эту нелепую фальшивку, понятия не имел, где спрятан рецепт. В записке сказано, что его надо искать в шкафу. А шкаф, оказывается, стоит чуть правее стола. Если верить записке, рецепт в сером конверте - это большой лист, исписанный красными чернилами. А рецепт написан не красными, а обычными черными чернилами. Кто же поверит, будто доктор Хирш так ошибся в описании документа, о котором только он один и знал? Или что он из сочувствия к вражескому агенту указал не тот ящик? Как видно, нам придется выйти из игры и принести извинения рыжему прощельге.

Отец Браун задумался. Поддев вилкой серебристую рыбешку, он спросил:

- А вы не ошибаетесь, серый конверт действительно лежал в шкафу справа от стола?

- Тут никакой ошибки. Серый конверт - кстати, он не серый, а белый действительно...

Отец Браун положил вилку и уставился на приятеля.

- Что? - произнес он изменившимся голосом.

- А что такое? - спросил Фламбо, с аппетитом продолжая трапезу.

- Не серый! Фламбо, вы меня пугаете.

- Вот еще новости! Что это вас так напугало?

- Белый конверт, - озабоченно сказал священник. - Надо же ему оказаться белым! Ну почему, почему не серый? Раз он белый, значит, доктор и впрямь затеял черное дело. Вот грешная душа!

- Говорю я вам, не мог он написать эту записку! - воскликнул Фламбо. В ней же все наоборот. А доктор - виновен он или нет - знал всю подноготную.

- А записку и написал тот, кто знал всю подноготную, - ответил священник. - Иначе он не смог бы так полно извратить всю картину. Чтобы перевернуть каждый факт, нужна поистине дьявольская осведомленность.

- Это значит, что...

- Это значит, что человек, который врет, как Бог на душу положит, нет-нет, да и скажет правду. Представьте, что вам поручили отыскать дом с зеленой дверью и голубыми ставнями. Вас предупредили, что перед домом - не позади него! - разбит садик, что хозяйева держат собаку, а кошек терпеть не могут, и всегда пьют чай, но не кофе. Вы не нашли такого дома и решаете, что его и на свете-то нет. Но я скажу: "Не спешите. Не попался ли вам дом с голубой дверью и зелеными ставнями, с садиком позади, а не впереди? Дом, где кошкам раздолье, а собаку пристрелят при первом появлении, где с утра до вечера пьют только кофе, а чая и в заводе нет? Если вы видели такой дом, он-то вам и нужен. Тот, кто послал вас, должен его хорошо знать, а то как бы он сумел так правильно нарисовать неправильную картину?"

- Но что за всем этим кроется? - допытывался Фламбо.

- Ума не приложу. В этой истории с Хиршем я уже ничего не понимаю. Пока речь шла о перепутанных ящиках да о цвете чернил, я так же, как и вы, считал, что это оплошность мошенника, который подделал записку. Но три мистическое число. Оно замыкает круг. И круг замкнулся. Поскольку ни расположение ящика, ни цвет чернил, ни цвет конверта не совпали с тем, что говорилось в записке, это неслучайное несовпадение.

- Значит, все-таки измена? - спросил Фламбо, вновь принимаясь за еду.

- И в этом я не уверен. - Отец Браун был не на шутку озадачен. Знаете, для меня до сих пор остается загадкой дело Дрейфуса. Невещественные доказательства всегда говорят мне больше, чем вещественные. Вы ведь помните: я сужу о человеке по глазам, по голосу, по тому, счастлива его семья или нет, на какие темы он любит поговорить, а каких избегает. Так вот, в деле Дрейфуса мне многое казалось непонятным. Я не про ужасные обвинения, которые предъявляли друг другу сторонники и противники Дрейфуса: мне ведомо (хотя это звучит несколько старомодно), что и сегодня среди сильных мира сего могут появиться новые Ченчи или Борджиа знатные итальянские роды XV - XVI вв. История этих родов изобилует страшными злодеяниями. Нет, меня поразила искренность обеих сторон. Я имею в виду не рядовых членов политических партий - это в большинстве своем люди честные и легко поддаются на обман. Я говорю о непосредственных участниках дела. О заговорщиках, если против Дрейфуса действительно был составлен заговор. Об изменнике, если действительно была совершена измена. Я говорю о тех, кто должен знать правду. Дрейфус, судя по всему, знал, что его оклеветали. А политики и военные, судя по всему, знали, что это не клевет?. Я говорю не об их поступках, а об их уверенности в своей правоте. Мои рассуждения звучат не очень складно, однако смысл их ясен.

- Мне - нет. И какое отношение они имеют к Хиршу?

- Предположим, некое хорошо осведомленное лицо стало передавать врагу сведения - ложные сведения. Предположим даже, что этот человек действует из лучших побуждений: обманывая врага, хочет помочь своей стране. Он завязывает связи с вражеской разведкой, получает за сведения небольшое вознаграждение, обрастает некоторыми обязательствами. Он оказывается в двойственном положении и, чтобы избежать прямого предательства, не сообщает врагам всю правду, но ведет себя так, что она все больше и больше выходит наружу. Его чистая совесть (вернее, то, что от нее осталось) спокойна: "Я не изменник, я сказал, что документ лежит в левом ящике". А нечистая тут как тут: "Они уж сообразят, что искать, значит, надо в правом". По-моему, с точки зрения психологии, такое объяснение вполне возможно в наш просвещенный век.

- Возможно, - согласился Фламбо. - Вы все объяснили: и почему Дрейфус был уверен в своей невинности, и почему судьи были уверены в его виновности. Но это с

психологической точки зрения. А с исторической ваше объяснение никуда не годится. Ведь в документе Дрейфуса (предположим, что это его документ) содержались точные сведения.

- Да я не о Дрейфусе, - сказал отец Браун.

Кафе уже опустело, шум стих, но солнце не спешило садиться: оно будто запуталось в ветвях. Фламбо резко передвинул стул (в затихшем кафе гроыхнуло эхо), закинул локоть на спинку и сурово произнес:

- Ну, если этот Хирш сродни какому-нибудь трусливому изменнику...

- Напрасно вы их так осуждаете, - мягко заметил отец Браун. - Не так уж они и виноваты. Просто они не чувствуют опасности. Как дама, которая отказывает кавалеру, пригласившему ее на танец. Или делец, который понемногу отщипывает от средств, вложенных в предприятие. Им внушили, что "чуть-чуть не считается".

- Все равно, моему подопечному этот доктор не чета, - выпалил Фламбо. - Нет, дуэль так дуэль. Я полковника, пожалуй, не оставлю. Может, он и сумасброд, но все-таки им движет любовь к отечеству.

Отец Браун невозмутимо расправлялся со сметками.

Его невозмутимость почему-то не понравилась Фламбо.

Он поднял на отца Брауна сверкающие черные глаза и воскликнул:

- Да что с вами? Дюбоска не в чем упрекнуть. Вы и его в чем-то подозреваете?

- Друг мой, - произнес священник с ледяным отчаянием и отложил вилку и нож, - мне все кажется подозрительным. Все, что сегодня произошло. Вся эта история, хоть она и разыгралась на моих глазах. Каждый ее эпизод. Это не рядовое криминальное дело, где один наполовину говорит правду, а другой наполовину лжет. Тут оба... Я вам только что изложил свою версию. Так вот, она меня не устраивает.

- Меня и подавно, - нахмурился Фламбо, наблюдая, как отец Браун преспокойно закусывает. - Это ведь про то, что противнику следовало понимать записку в обратном смысле? Не знаю, как вам, а мне эта версия представляется очень остроумной, но не очень...

- ...не очень убедительной, - подхватил отец Браун. - Я тоже так считаю. И вот чего я не могу понять. Почему эта фальшивка выполнена так грубо? Пока у нас есть три объяснения происшедшему: версия Дюбоска, версия Хирша и мои измышления. Либо записку написал французский офицер, чтобы погубить французского ученого, либо ее написал французский ученый, чтобы помочь германской разведке, либо ее написал французский ученый, чтобы обмануть германскую разведку. Пусть так. Только не очень-то эта записка похожа на секретный документ, предназначенный для таких целей. Секретный документ должен быть зашифрован, в нем непременно будут какие-нибудь сокращения и уж конечно узкоспециальные научные термины. А эта писулька нарочито проста. Прямо из бульварного романа: "В пурпурном гроте ты увидишь золотой ларец". Такое впечатление, что... написавший записку сам хотел, чтобы в ней сразу распознали подлог.

Не успели собеседники хорошенько обдумать сказанное, как к столику вихрем подлетел невысокий человек в армейской форме и плюхнулся на стул.

- Поразительная новость, - сообщил герцог де Валон. - Я прямо от нашего полковника. Он собирает вещи и сегодня же уезжает за границу. Просил нас явиться на место поединка и передать противнику его извинения.

- Что? - Фламбо не поверил своим ушам. - Извинения?

- Представьте себе, - бушевал герцог. - Причем на глазах у всех, в то самое время и на том самом месте, где должен состояться поединок. Он перед самой дуэлью уезжает, а мы за него отдувайся!

- Да что же это такое, в самом деле? - вскричал Фламбо. - Ведь не испугался же он этого хлюпика Хирша!

Черт побери, да разве Хирша можно испугаться? - Даже в минуту гнева рассудительность не изменяла Фламбо.

- Это все чьи-то происки, - отрезал герцог. - Не иначе - козни жидо-масонов. Они хотят сделать из Хирша героя...

Отец Браун вел себя так, будто ничего особенного не произошло, но глаза у него почему-то были довольные. За время знакомства Фламбо хорошо изучил выражение лица отца Брауна. Иногда на этом лице было написано недоумение, иногда оно освещалось догадкой. Выражения сменяли друг друга в мгновение ока: раз - и вместо растерянного простачка перед Фламбо оказывается всезнающий мудрец.

Вот и сейчас Фламбо понял, что отца Брауна осенила догадка. Но священник ничего не сказал, только доел рыбу.

- И где вы расстались с нашим милейшим полковником? - раздраженно спросил Фламбо.

- Там, куда мы его отвезли, - в отеле "Сен Луи", возле Елисейских полей. Я же говорю, что он укладывает вещи.

Фламбо нахмурился.

- Как по-вашему, мы его еще застанем?

- Едва ли он так быстро собрался. Он ведь отправляется в дальний путь...

- Нет, - спокойно произнес отец Браун и встал с места. - Вовсе не дальний. Напротив, очень близкий. Мы успеем с ним повидаться, если возьмем такси.

По дороге отец Браун не отвечал на вопросы. Наконец такси повернуло за угол и остановилось возле отеля "Сен Луи". В сгущающихся сумерках незадачливые секунданты вслед за отцом Брауном вошли в переулок. Тут герцог, которому не терпелось узнать правду, спросил священника, действительно ли доктор Хирш совершил предательство.

- Нет, - ответил отец Браун, думая о своем. - Его грех не предательство, а честолюбие. Как у Цезаря. Он живет один, значит, ему пришлось все делать самому, - добавил священник без видимой связи.

- Теперь-то он вдоволь натешит свое честолюбие, - буркнул Фламбо. Парижане готовы носить его на руках, а наш проклятый полковник поджал хвост.

- Тише, - прошептал отец Браун. - Вон он, ваш проклятый полковник.

Секунданты вытаращили глаза и юркнули в тень стены.

Действительно, впереди маячила мощная фигура беглого дуэлянта с двумя саквояжами в руках. Шаркающей походкой он удалялся от притаившихся секундантов. Одет он был так же, как и при первом появлении, только сменил экзотические бриджи на обычные брюки. Сомнений не оставалось: он спешил убраться из отеля.

Преследователи крадучись двинулись за ним.

Переулок, по которому они крались - самые что ни на есть задворки, походил на изнанку театральных декораций. По одну сторону тянулась длинная стена неопределенного цвета, а в ней то здесь, то там темнели запертые грязные двери, на которых мелом были выведены каракули - работа уличных мальчишек. Кое-где над стеной торчали макушки унылых елей, а дальше в лилово-сизых сумерках возвышались длинные ряды домов, обращенных фасадами на какую-то улицу. Хотя до них было рукой подать, они казались недосыгаемыми, как гряда мраморных гор. По другую сторону переулка за высокой позолоченной решеткой располагался уютный парк.

Фламбо удивленно озирался.

- А знаете что, - начал он, - по-моему, этот переулок...

- Стойте, полковник пропал! - крикнул герцог. - Как сквозь землю провалился!

- У него был ключ, - пояснил священник. - Он отпер какую-то дверь и проник в сад.

В ту же секунду до них донеслось щелканье замка.

Фламбо бросился вперед, но мрачная деревянная дверь захлопнулась прямо перед его носом. Снедаемый любопытством Фламбо постоял у двери, кусая свой черный ус, потом ухватился длинными руками за край стены и с обезьяньей ловкостью взлетел на нее. Теперь его огромная фигура чернела на фоне пурпурного неба, как верхушки елей.

Герцог посмотрел на священника.

- Дюбоск придумал более хитрый план бегства, чем мы предполагали, сказал он. - Похоже, он теперь во Франции не задержится.

- Не только во Франции, но и на этом свете, - ответил отец Браун.

- Самоубийство? - упавшим голосом спросил герцог.

- Тело можете не искать.

Сверху донесся возглас Фламбо.

- Боже мой! - воскликнул он по-французски. - И как я сразу не узнал? Это же двор дома, где живет Хирш! А я-то считал, что могу опознать дом со двора так же легко, как человека со спины.

Герцог хлопнул себя по ляжке.

- Ага, вот куда направился Дюбоск! Значит, они все-таки сойдутся в поединке.

В тот же миг он с галльским проворством вспорхнул на стену и уселся рядом с Фламбо, болтая ногами от возбуждения. Священник, оставшись в одиночестве, не удостоил место действия и взглядом. Он прислонился к стене и задумчиво рассматривал последние отблески заката, играющие на листве деревьев за оградой парка.

Даже в такую минуту герцог сохранял повадки аристократа: он наблюдал за домом, но подсматривать в окна счел бы ниже своего достоинства. Фламбо же, сохраняя повадки бывшего грабителя (а ныне сыщика), перескочил со стены на ветку одинокого дерева и пополз к единственному освещенному окну. Опущенная красная штора сбилась на сторону. С риском для жизни Фламбо подобрался по хрупкой ветке поближе и увидел, как полковник Дюбоск входит в ярко освещенную роскошную спальню. Но и здесь, у окна, Фламбо слышал разговор герцога и священника и шепотом повторял их слова.

- Итак, они все-таки сойдутся!

- Им никогда не сойтись, - отвечал отец Браун. - Хирш не зря сказал, что не может встретиться со своим противником лицом к лицу. Вы не читали любопытный психологический этюд Генри Джеймса (1843 - 1916) - писатель, классик американской литературы о двух людях, которым никак не удается свидеться? Их встрече постоянно что-то мешает, и в конце концов они начинают бояться друг друга и видят в этом перст судьбы. Вот и на наших глазах разыгрывается похожая история, только еще занятнее.

- Ничего, в Париже найдутся люди, которые излечат их от этих бредней, - произнес герцог, пылая жаждой мести. - Поединок все равно состоится, даже если нам придется сводить их насильно.

- Они не сойдутся и на Страшном суде, даже если сам Господь Вседержитель укажет им место поединка, а сигнал подаст труба Михаила-архангела. Даже и тогда, сколько бы один из них ни дожидался противника, тот все равно не явится.

При этих словах герцог потерял всякое терпение.

- Что это еще за мистика? - вскричал он. - С какой это стати они не могут встретиться как нормальные люди?

- Слишком уж они несхожи, - ответил отец Браун с загадочной улыбкой. Слишком много в них взаимоисключающего. Они, так сказать, друг друга отрицают.

Он по-прежнему не сводил глаз с темнеющих деревьев, а Валон резко обернулся, услышав сдавленное восклицание Фламбо. Тот увидел, как полковник идет по комнате, на ходу снимая тужурку. Сначала Фламбо решил, что полковник и впрямь готовится к поединку, но дело обернулось иначе.

Под тужуркой не было ни крутых плеч, ни мощной груди: они оказались просто-напросто толстым слоем плотного материала, которым была подбита тужурка. Сухощавый господин остался в рубашке и в брюках. Судя по дальнейшим действиям, никаких воинственных намерений у него не было - он просто прошел в ванную и умылся. Склонившись над раковиной, он вытер лицо и руки полотенцем и, когда он повернулся к свету, Фламбо заметил, что облик его преобразился. От смуглости не осталось и следа, усы исчезли.

Сухощавый господин был бледен и гладко выбрит. Лишь одна черта напоминала о прежнем полковнике - яркие, острые, карие глаза.

Из-за стены доносился задумчивый голос отца Брауна.

Священник словно беседовал сам с собой.

- Это-то я и пытался втолковать Фламбо. Такие противоположности не совсем противоположны. Они не сталкиваются. Не враждуют. Если где-то черному непременно противопоставляют белое, жидкому - твердое, и так по всем пунктам, дело нечисто, месье, - да, нечисто. У одного дуэлянта волосы светлые, у другого темные, один дородный, другой щуплый, одному силы не занимать, другой - в чем душа держится. Один носит только усы, так что губ не видать, другой - только бороду, так что подбородок скрыт.

Один стрижется коротко и кутает шею шарфом, другой ходит с открытой шеей, а волосы отпускает длинные. Слишком уж точное и полное несовпадение, месье, а значит, дело нечисто. Какие уж тут ссоры, какой разлад, когда у двух предметов такая несхожая форма, что где у одного выпуклость, у другого вогнутость? Как у лица и маски. Как у замка и ключа...

Белый, как мел, Фламбо во все глаза глядел на человека в комнате. Тот стоял перед зеркалом, спиной к окну, и напяливал рыжие космы и бороду. На обрамленном рыжими волосами лице играла зловещая ухмылка. Казалось, в зеркале отражается бледное лицо Иуды, который заливается жутким смехом среди языков адского пламени. Фламбо с содроганием видел, как бегают его бешеные карие, с красноватым отливом, глаза, но вот они скрылись за синими стеклами очков. Натянув широкое черное пальто, человек вышел из комнаты. Минуту спустя восторженные аплодисменты толпы, грянувшие на улице, возвестили, что доктор Хирш опять появился на балконе.

ЧЕЛОВЕК В ПРОУЛКЕ

В узкий проулок, идущий вдоль театра "Аполлон" в районе Адельфи, одновременно вступили два человека. Предвечерние улицы щедро заливал мягкий невесомый свет заходящего солнца. Проулок был довольно длинный и темный, и в противоположном конце каждый различал лишь темный силуэт другого. Но и по этому черному контуру они сразу друг друга узнали, ибо наружность у обоих была весьма приметная и притом они люто ненавидели друг друга.

Узкий проулок соединял одну из крутых улиц Адельфи с бульваром над рекой, отражающей все краски закатного неба. Одну сторону проулка образовала глухая стена - в доме этом помещался старый захудалый ресторан при театре, в этот час закрытый. По другую сторону в проулок в разных его концах выходили две двери. Ни та, ни другая не были обычным служебным входом в театр, то были особые двери, для избранных исполнителей, и теперь ими пользовались актер и актриса, игравшие главные роли в шекспировском спектакле. Такие персоны любят, когда у них есть свой отдельный вход и выход, - чтобы принимать или избегать друзей.

Двое мужчин, о которых идет речь, несомненно, были из числа таких друзей, дверь в начале проулка была им хорошо знакома, и оба рассчитывали, что она не заперта, ибо подошли к ней каждый со своей стороны равно спокойные и уверенные. Однако тот, что шел с дальнего конца проулка, шагал быстрее, и заветной двери оба достигли в один и тот же миг. Они обменялись учтивым поклоном, чуть помедлили, и наконец тот, кто шел быстрее и, видно, вообще отличался менее терпеливым нравом, постучал.

В этом, и во всем прочем тоже, они были полной противоположностью друг другу, но ни об одном нельзя было сказать, что он в чем-либо уступает другому. Если говорить об их личных достоинствах, оба были хороши собой, отнюдь не бездарны и пользовались известностью. Если говорить об их положении в обществе, оба находились на высшей его ступени. Но все в них от славы и до наружности было несравнимо и несхоже.

Сэр Уилсон Сеймор принадлежал к числу тех важных лиц, чей вес в обществе прекрасно известен всем посвященным. Чем глубже вы проникаете в круг адвокатов, врачей, а также тех, кто вершит дела государственной важности, и людей любой свободной профессии, тем чаще встречаете сэра Уилсона Сеймора. Он единственный толковый человек

во множестве бестолковых комиссий, которые разрабатывают самые разнообразные проекты - от преобразования Королевской академии наук до введения биметаллизма для вящего процветания процветающей Британии. Во всем же, что касалось искусства, могущество его не знало границ. Его положение было столь исключительно, что никто не мог понять, то ли он именитый аристократ, который покровительствует искусству, то ли именитый художник, которому покровительствуют аристократы.

Но стоило поговорить с ним пять минут, и вы понимали, что, в сущности, он повелевал вами всю вашу жизнь.

Наружность у него тоже была выдающаяся, - словно бы и обычная и все же исключительная. К его шелковому цилиндру не мог бы придраться и самый строгий знаток моды, и, однако, цилиндр этот был не такой, как у всех, быть может, чуть повыше, и еще немного прибавлял ему роста. Высокий и стройный, он слегка сутулился, и, однако, вовсе не казался хилым, - совсем напротив. Серебристо-седые волосы отнюдь не делали его стариком, он носил их несколько длиннее, чем принято, но оттого не казался женственным, они были волнистые, но не казались завитыми. Подчеркнуто остроконечная бородка прибавляла его облику мужественности, совсем как адмиралам на сумрачных портретах кисти Веласкеса, которыми увешан был его дом. Его серые перчатки чуть больше отдавали голубизной, а трость с серебряным набалдашником была чуть длиннее десятков подобных тростей, которыми помахивали и щеголяли в театрах и ресторанах.

Второй мужчина был не так высок, однако никто не назвал бы его малорослым, зато всякий бы заметил, что он крепкого сложения и хорош собой.

Волосы и у него были вьющиеся, но светлые, коротко стриженные; а голова крепкая, массивная - такой в самый раз прошибать дверь, как сказал Чосер про своего мельника. Военного образца усы и разворот плеч выдавали в нем солдата, хотя такой открытый пронзительный взгляд голубых глаз скорее присущ морякам. Лицо у него было почти квадратное, и подбородок квадратный, и плечи квадратные, даже сюртук и тот квадратный. И, уж разумеется, сумасбродная школа карикатуристов той поры не упустила случая, - и мистер Макс Бирбом изобразил его в виде геометрической фигуры из четвертой книги Евклида.

Ибо он тоже был заметной личностью, хотя успех его был совсем иного рода. Чтобы прослышать про капитана Катлера, про осаду Гонконга и знаменитый китайский поход, вовсе не требовалось принадлежать к высшему свету. О нем говорили все и всюду, портрет его печатался на почтовых открытках, картами и схемами его сражений пестрили иллюстрированные журналы, песни, сложенные в его честь, исполнялись чуть не в каждой программе мюзик-холла и чуть не на каждой шарманке. Слава его, быть может, не столь долговечная, как у сэра Уилсона, была куда шире, общедоступней и безыскусственней. В тысячах английских семей его ставили столь же высоко, как Нельсона. И, однако, сэр Уилсон Сеймор был неизмеримо влиятельней.

Дверь им открыл старый слуга или костюмер, его болезненная внешность и темный поношенный сюртук и брюки странно не вязались со сверкающим убранством театральной уборной великой актрисы. Помещение это было сплошь увешано и уставлено множеством зеркал под самыми разными углами, можно было принять их за несчетные грани одного огромного бриллианта - если б только кто-то сумел забраться в самую его середину. И когда слуга, шаркая по комнате, откидывал створку или плотней прислонял к стене то одно зеркало, то другое, прочие признаки роскоши, разбросанные там и сям, - цветы, разноцветные подушки, театральные костюмы - бесконечно множились, точно в сказке, непрестанно плясали и менялись местами, так что голова шла кругом.

Оба гостя заговорили с неказисто одетым слугой, как со старым знакомым, называя его Паркинсоном, и осведомились о его госпоже, мисс Авроре Роум.

Паркинсон сказал, что она в другой комнате, но он тотчас ей доложит. По лицу обоих посетителей прошла тень - ведь вторая комната принадлежала знаменитому артисту, партнеру мисс Авроры, а она была из тех женщин, которыми нельзя пылко восхищаться, не

пылая при этом ревностью. Однако внутренняя дверь тотчас распахнулась, и мисс Аврора появилась, как появлялась всегда, не только на сцене, но и в жизни сама тишина, казалось, загремела аплодисментами, притом вполне заслуженными. Причудливое шелковое одеяние цвета павлиньего пера мерцало переливами синего и зеленого цветами, какие всегда так восхищают детей и эстетов, а ее тяжелые ярко-каштановые волосы обрамляли одно из тех волшебных лиц, что опасны для всех мужчин, особенно же - для юных и стареющих. Вместе со своим партнером, знаменитым американским актером Изидором Бруно, она создала необычайно поэтичную и фантастичную трактовку "Сна в летнюю ночь", оттенила значительность Оберона и Титании, иными словами, Бруно и свою. Среди изысканных призрачных декораций, в таинственных танцах ее зеленый костюм, напоминающий полированные крылья стрекозы, превосходно передавал непостижимую ускользающую сущность королевы эльфов. Однако, столкнувшись с ней при свете дня, даже и угасающего, любой мужчина уже не видел ничего, кроме ее лица.

Она одарила обоих своей лучезарной загадочной улыбкой, что держала столь многих мужчин на одном и том же весьма опасном расстоянии от нее. Она приняла от Катлера цветы, тропические и дорогие, как его победы, и совсем иное подношение от сэра Уилсона Сеймора, врученное позднее и небрежней.

Воспитание не позволяло ему выказывать излишнее рвение, а условная чуждость условностям не позволяла делать подарки столь банальные, как цветы. Ему попалась одна безделица, сказал он, старинная вещица греческий кинжал эпохи Крито-Микенской культуры, его вполне могли носить во времена Тезея и Ипполита. Как все оружие тех легендарных героев, он медный, но, представьте, еще достаточно остер и может пронзить кого угодно. Кинжал привлек его своей формой - он напоминает лист и прекрасен, как греческая ваза. Если эта игрушка понравится мисс Роум или как-то пригодится для пьесы, он надеется, что она...

Тут распахнулась дверь в соседнюю комнату, и на пороге возник высокий человек, еще большая противоположность увлекшемуся объяснениями Сеймору, чем даже капитан Катлер. Шести с половиной футов ростом, могучий, сплошь выставленные напоказ мышцы, в великолепной леопардовой шкуре и золотисто-коричневом одеянии Оберона, Изидор Бруно казался поистине языческим богом. Он оперся о подобие охотничьего копья - со сцены оно казалось легким серебристым жезлом, а в маленькой, набитой людьми комнате производило впечатление настоящего и по-настоящему грозного оружия. Живые черные глаза Бруно неистово сверкали, а красивое бронзово-смуглое лицо с выступающими скулами и ослепительно белыми зубами приводило на память высказывавшиеся в Америке догадки, будто он родом с плантаций Юга.

- Аврора, - начал он глубоким и звучным, как бой барабана, исполненным страсти голосом, который столько раз потрясал театральный зал, - вы не могли бы...

Тут он в нерешительности замолк, ибо в дверях вдруг появился еще один человек, фигура до того здесь неуместная, что впору было рассмеяться.

Коротышка, в черной сутане католического священника, он казался (особенно рядом с Бруно и Авророй) грубо вырезанным из дерева Ноем с игрушечного ковчега. Впрочем, сам он, видно, не ощутил всю несообразность своего появления здесь и с нудной учтивостью произнес:

- Мисс Роум как будто хотела меня видеть.

Проницательный наблюдатель заметил бы, что от этого бесстрастного вторжения страсти только еще больше накалились. Отрешенность священника, связанного обетом безбрачия, вдруг открыла остальным, что они обступили Аврору кольцом влюбленных соперников; так, когда входит человек в заиндевелом пальто, все замечают, что в комнате можно задохнуться от жары.

Стоило появиться священнику, который не питал к мисс Роум никаких чувств, и она еще острее ощутила, что все остальные в нее влюблены, причем каждый на свой опасный лад: актер - с жадностью дикаря и избалованного ребенка; солдат с откровенным эгоизмом

натуры, привыкшей не столько размышлять, сколько действовать; сэр Уилсон - с той день ото дня растущей поглощенностью, с какой гедонисты предаются своему любимому увлечению, и даже это ничтожество Паркинсон, который знал ее еще до того, как она прославилась, - даже он следил за ней собачьим обожающим взглядом или следовал по пятам.

Проницательный наблюдатель заметил бы и нечто еще более странное. И человек, похожий на черного деревянного Ноя (а он не лишен был проницательности), заметил это с изрядным, но сдержанным удовольствием.

Прекрасная Аврора, которой отнюдь не безразлично было почитание другой половины рода человеческого, явно желала отделаться от всех своих почитателей и остаться наедине с тем, кто не был ее почитателем, во всяком случае, почитателем в том смысле, как все прочие, ибо маленький священник на свой лад, безусловно, почитал ее и даже восхищался той решительной, чисто женской ловкостью, с которой она приступила к делу. Лишь в одном, пожалуй, Аврора действительно знала толк - в другой половине рода человеческого. Как за наполеоновской кампанией, следил маленький священник за тем, с какой стремительной безошибочностью она избавилась от всех, никого при этом не выгнав. Знаменитый актер Бруно был так ребячлив, что ей ничего не стоило его разобидеть, и он ушел, хлопнув дверью. Катлер, британский офицер, был толстокож и не слишком сообразителен, но в поведении безупречен. Он не воспринял бы никаких намеков, но скорей бы умер, чем не исполнил поручение дамы. Что же до самого Сеймора, с ним следовало обращаться иначе, его следовало отослать после всех. Подействовать на него можно было только одним способом, обратиться к нему доверительно, как к старому другу, посвятить его в суть дела. Священник и вправду был восхищен тем, как искусно, одним ловким маневром мисс Роум выпроводила всех троих.

Она подошла к капитану Катлеру и премило с ним заговорила:

- Мне дороги эти цветы, ведь они, наверно, ваши любимые. Но знаете, букет не полон, пока в нем нет и моих любимых цветов. Прошу вас, пойдите в магазин за углом и принесите ландышей, вот тогда будет совсем прелестно.

Первая цель ее дипломатии была достигнута - взбешенный Бруно сейчас же удалился. Он успел уже величественно, точно скипетр, вручить свое копьё жалкому Паркинсону и как раз собирался расположиться в кресле, точно на троне. Но при столь явном предпочтении, отданном сопернику, в непроницаемых глазах его вспыхнуло высокомерие скорого на обиду раба, огромные смуглые кулаки сжались, он кинулся к двери, распахнул ее и скрылся в своих апартаментах. А меж тем привести в движение британскую армию оказалось не так просто, как представлялось мисс Авроре. Катлер, разумеется, тотчас решительно поднялся и, как был, с непокрытой головой, словно по команде, зашагал к двери. Но что-то, быть может, какое-то нарочитое изящество в позе Сеймора, который лениво прислонился к одному из зеркал, вдруг остановило Катлера уже на пороге, и он, точно озадаченный бульдог, беспокойно завертел головой.

- Надо показать этому тупице, куда идти, - шепнула Аврора Сеймору и поспешила к двери - поторопить уходящего гостя.

Не меняя изящной и словно бы непринужденной позы, Сеймор, казалось, прислушивался; вот Аврора крикнула вслед Катлеру последние наставления, потом круто обернулась и, смеясь, побежала в другой конец проулка, выходящий к улице над Темзой, - Сеймор вздохнул с облегчением, но уже в следующее мгновение лицо его снова омрачилось. Ведь у него столько соперников, а дверь в том конце проулка ведет в комнату Бруно. Не теряя чувства собственного достоинства, Сеймор сказал несколько вежливых слов отцу Брауну - о возрождении византийской архитектуры в Вестминстерском соборе, и как ни в чем не бывало направился в дальний конец проулка. Теперь в комнате оставались только отец Браун и Паркинсон, и ни тот, ни другой не склонны были заводить пустые разговоры. Костюмер ходил по комнате, придвигал и вновь отодвигал зеркала, и его темный поношенный сюртук и брюки казались еще невзрачней оттого, что в руках у него было

волшебное копьё царя Оберона.

Всякий раз, как он поворачивал еще одно зеркало, возникала еще одна фигура отца Брауна; в этой нелепой зеркальной комнате полным-полно было отцов Браунов - они парили в воздухе, точно ангелы, кувыркались, точно акробаты, поворачивались друг к другу спиной, точно отъявленные невежи.

Отец Браун, казалось, совсем не замечал этого нашествия свидетелей, словно от нечего делать внимательным взглядом следовал он за Паркинсоном, пока тот не скрылся вместе со своим несуразным копьём в комнате Бруно. Тогда он предался отвлеченным размышлениям, которые всегда доставляли ему удовольствие, - стал вычислять угол наклона зеркала, угол каждого отражения, угол, под которым каждое зеркало примыкает к стене... и вдруг услышал громкий, тут же подавленный вскрик.

Он вскочил и замер, вслушиваясь. В тот же миг в комнату ворвался белый как полотно сэр Уилсон Сеймор.

- Кто там в проулке? - крикнул он. - Где мой кинжал?

Отец Браун еще и повернуться не успел в своих тяжелых башмаках, а Сеймор уже метался по комнате в поисках кинжала. И не успел он найти кинжал или иное оружие, как по тротуару за дверью затопали бегущие ноги и в дверях появилось квадратное лицо Катлера. Рука его нелепо сжимала букет ландышей.

- Что это? - крикнул он. - Что за тварь там в проулке? Опять ваши фокусы?

- Мои фокусы! - прошипел его бледный соперник и шагнул к нему.

А меж тем отец Браун вышел в проулок, посмотрел в другой его конец и поспешно туда зашагал.

Двое других тотчас прекратили перепалку и устремились за ним, причем Катлер крикнул:

- Что вы делаете? Кто вы такой?

- Моя фамилия Браун, - печально ответил священник, потом склонился над чем-то и сразу выпрямился. - Мисс Роум посылала за мной, я спешил, как мог.

И опоздал.

Трое мужчин смотрели вниз, и в предвечернем свете, по крайней мере для одного из них, жизнь кончилась. Свет золотой дорожкой протянулся по проулку, и посреди этой дорожки лежала Аврора Роум, блестящий зеленый наряд ее отливал золотом, и мертвое лицо было обращено вверх.

Платье разодрано, словно в борьбе, и правое плечо обнажено, но рана, из которой лила кровь, была с другой стороны. Медный, чуть поблескивающий кинжал валялся примерно в ярде от убитой.

На какое-то время воцарилась тишина, слышно было, как поодаль, за Черринг-кросс, смеялась цветочница и на одной из улиц, выходящих на Стренд, кто-то нетерпеливо свистел, подзывая такси. И вдруг капитан то ли в порыве ярости, то ли прикидываясь разъяренным схватил за горло Уилсона Сеймора.

Сеймор не испугался, не пробовал освободиться, только посмотрел на него в упор.

- Вам нет нужды меня убивать, - невозмутимо сказал он. - Я сам это сделаю.

Рука, стиснувшая его горло, разжалась и опустилась, а Сеймор прибавил с той же ледяной откровенностью.

- Если у меня не достанет духу заколоться этим кинжалом, я за месяц доконаю себя вином.

- Ну нет, вина мне недостаточно, - сказал Катлер. - Прежде чем я умру, кто-то заплатит за ее гибель кровью. Не вы... но, сдается мне, я знаю кто.

И не успели еще они понять, что у него на уме, как он схватил кинжал, подскочил ко второй двери, вышиб ее, влетел в уборную Бруно и оказался с ним лицом к лицу. И в эту минуту из комнаты вышел своей ковыляющей неверной походкой старик Паркинсон. Увидев труп, он, пошатываясь, подошел ближе, лицо у него задергалось, он снова заковылял, пошатываясь, в комнату Бруно и вдруг опустился на подушки одного из мягких кресел. Отец

Браун подбежал к нему, не обращая внимания на Катлера и великана-актера, которые уже боролись, стараясь схватить кинжал, и в комнате гулко отдавались удары их кулаков.

Сеймор, сохранивший долю здравого смысла, стоял в конце проулка и свистел, призывая полицию.

Когда полицейские прибыли, им пришлось разнимать двух мужчин, вцепившихся друг в друга, точно обезьяны; после нескольких заданных по форме вопросов они арестовали Изидора Бруно, которого разъяренный противник обвинил в убийстве. Сама мысль, что преступившего закон задержал собственными руками национальный герой, была, без сомнения, убедительна для полиции, ибо полицейские в чем-то сродни журналистам. Они обращались к Катлеру с почтительной серьезностью и отметили, что на руке у него небольшая рана. Когда Катлер тащил к себе Бруно через опрокинутый стол и стул, актер ухитрился выхватить у него кинжал и ударил пониже запястья. Рана была, в сущности, пустяковая, но пока озверевшего пленника не вывели из комнаты, он смотрел на струящуюся кровь и с губ его не сходила улыбка.

- Вот уж злодей так злодей, а? - доверительно заметил констебль Катлеру.

Катлер не ответил, но немного погодя резко сказал:

- Надо позаботиться об умершей. - Голос его прервался, последнее слово он выговорил беззвучно.

- О двух умерших, отозвался из дальнего угла комнаты священник. - Этот бедняга был уже мертв, когда я к нему подошел.

Отец Браун стоял и смотрел на старика Паркинсона, черным бесформенным комом осевшего в роскошном кресле. Он тоже отдал свою дань умершей, и сделал это достаточно красноречиво.

Первым нарушил молчание Катлер, и в голосе его послышалась грубоватая нежность.

- Завидую ему, - хрипло сказал он. - Помню, он всегда следил за ней взглядом... Он дышал ею - и остался без воздуха. Вот и умер.

- Мы все умерли, - странным голосом сказал Сеймор, глядя на улицу.

На углу они простились с отцом Брауном, небрежно извинившись за грубость, которой он был свидетелем. Лица у обоих были трагические и загадочные.

Мозг маленького священника всегда напоминал кроличий садок, самые дикие, неожиданные мысли мелькали так быстро, что он не успевал их ухватить.

Будто ускользящий белый хвост кролика, метнулась мысль, что горе их несомненно, а вот невиновность куда сомнительней.

- Лучше нам всем уйти, - с трудом произнес Сеймор, - мы, как могли, постарались помочь.

- Поймете ли вы меня, - негромко спросил отец Браун, - если я скажу, что вы, как могли, постарались повредить?

Оба вздрогнули, словно от укола нечистой совести, и Катлер резко спросил.

- Повредить? Кому?

- Самим себе, - ответил священник, - я бы не стал усугублять ваше горе, но не предупредить вас было бы просто несправедливо. Если этот актер будет оправдан, вы сделали все, чтобы угодить на виселицу. Меня вызовут в качестве свидетеля, и мне придется сказать, что, когда раздался крик, вы оба как безумные кинулись в комнату актрисы и заспорили из-за кинжала. Если основываться на моих показаниях, убить ее мог любой из вас. Вы навредили себе, а капитан Катлер к тому же повредил себе руку кинжалом.

- Повредил себе руку! - с презрением воскликнул капитан Катлер. - Да это ж просто царапина.

- Но из нее шла кровь, - кивнув, возразил священник - На кинжале сейчас следы крови, это мы знаем. Зато нам уже никогда не узнать, была ли на нем кровь до этого.

Все молчали, потом Сеймор сказал взволнованно, совсем не так, как говорил обычно:

- Но я видел в проулке какого-то человека.

- Знаю, - с непроницаемым лицом сказал отец Браун. - И капитан Катлер тоже его

видел. Это-то и кажется неправдоподобным.

И, еще прежде чем они взяли в толк его слова и сумели хоть что-то возразить, он вежливо извинился, подобрал свой неуклюжий старый зонт и, тяжело ступая, побрел прочь.

В нынешних газетах все поставлено так, что самые важные и достоверные сообщения исходят от полиции. Если в двадцатом веке убийству и вправду уделяется больше места, чем политике, на то есть веские основания, убийство предмет куда более серьезный. Но даже этим едва ли можно объяснить широчайшую известность, какую приобрело "Дело Бруно", или "Загадочное убийство в проулке", и его подробнейшее освещение в лондонской и провинциальной прессе. Волнение охватило всю страну, и потому несколько недель газеты писали чистую правду, а отчеты о допросах и перекрестных допросах, хоть и чудовищно длинные, порой просто невозможные, во всяком случае заслуживали доверия. Объяснялось же все, разумеется, тем, какие имена замешаны были в этом деле. Жертва - популярная актриса, обвиняемый популярный актер, и обвиняемого, что называется, схватил на месте преступления самый популярный воин этой патристической эпохи. При столь чрезвычайных обстоятельствах прессе приходилось быть честной и точной; вот почему все остальное, что касается этой единственной в своем роде истории, можно поведать по официальным отчетам о процессе Бруно.

Суд шел под председательством судьи Монкхауза, одного из тех, над кем потешаются, считая их легковесными, но кто на самом деле куда серьезней серьезных судей, ибо легкость их рождена неугасимой нетерпимостью к присущей судейскому клану мрачной торжественности, серьезный же судья, по существу, легкомыслен, ибо исполнен тщеславия. Поскольку главные действующие лица пользовались широкой известностью, обвинителя и защитника подобрали особенно тщательно. Обвинителем выступал сэр Уолтер Каудрей, мрачный, но уважаемый страж закона, из тех, кто умеет производить впечатление истого англичанина и притом внушать совершенное доверие и не слишком увлекаться красноречием.

Защищал подсудимого мистер Патрик Батлер, королевский адвокат, - те, кто не понимает, что такое ирландский характер, и те, кого он ни разу не допрашивал, ошибочно принимали его за фланеур Бездельник (франц.). Медицинское заключение не содержало никаких противоречий: доктор, которого вызвал Сеймор, чтобы осмотреть убитую на месте преступления, был согласен со знаменитым хирургом, который осмотрел тело позднее. Аврору Роум ударили каким-то острым предметом, вероятно, ножом или кинжалом, во всяком случае, каким-то орудием с коротким клинком. Удар пришелся в самое сердце, и умерла жертва мгновенно.

Когда доктор впервые увидел ее, она была мертва не больше двадцати минут. А значит, отец Браун подошел к ней минуты через три после ее смерти.

Затем оглашено было заключение официального следствия; оно касалось главным образом того, предшествовала ли убийству борьба; единственный признак борьбы - разорванное на плече платье, но разорвано оно было не в соответствии с направлением и силой удара. После того как все эти подробности были сообщены, но не объяснены, вызвали первого важного свидетеля.

Сэр Уилсон Сеймор давал показания, как он делал все, если уж делал, не просто хорошо, но превосходно. Сам куда более видный деятель, нежели королевский судья, он, однако, держался с наиболее уместной здесь долей скромности, и хотя все глазели на него, будто на премьер-министра либо на архиепископа Кентерберийского, он вел себя как частное лицо, только вот имя у него было громкое. К тому же говорил он на редкость ясно и понятно, как говорил во всех комиссиях, в которых он заседал. Он шел в театр навестить мисс Роум, встретил у нее капитана Катлера, к ним ненадолго присоединился обвиняемый, который потом вернулся в свою уборную; кроме того, к ним присоединился католический священник, назвавшийся Брауном. Потом мисс Роум вышла из своей уборной в проулок, чтобы показать капитану Катлеру, где находится цветочный магазин, - он должен был купить ей еще цветов; сам же свидетель оставался в комнате и перемолвился несколькими словами

со священником. Затем он отчетливо услышал, как покойная, отослав капитана Катлера, повернулась и, смеясь, побежала в другой конец проулка, куда выходит уборная обвиняемого. Из праздного любопытства к столь стремительным движениям своих друзей свидетель тоже отправился в тот конец проулка и посмотрел в сторону двери обвиняемого. Увидел ли он что-нибудь в проулке?

Да, увидел.

Сэр Уолтер Каудрей позволил себе внушительную паузу, а свидетель мене тем стоял, опустив глаза, и, несмотря на присущее ему самообладание, казался бледней обычного. Наконец обвинитель спросил совсем негромко голосом, и сочувственным и бросающим в дрожь:

- Вы видели это отчетливо?

Как ни был сэр Уилсон Сеймор взволнован, его великолепный мозг работал безупречно.

- Что касается очертаний - весьма отчетливо, все же остальное нет, совсем нет. Проулок такой длинный, что на светлом фоне противоположного выхода всякий, кто стоит посредине, кажется просто черным силуэтом. Свидетель, только что твердо смотревший в лицо обвинителя, вновь опустил глаза и прибавил. - Это я заметил еще прежде, когда в проулке впервые появился капитан Катлер.

Опять наступило короткое молчание, судья подался вперед и что-то записал.

- Итак, - настойчиво продолжал сэр Уолтер, - что же это был за силуэт?

Не был ли он похож, скажем, на фигуру убитой?

- Ни в коей мере, - спокойно ответил Сеймор.

- Каков же он был?

- Он был похож на высокого мужчину.

Сидящие в зале суда уставились кто на ручку кресла, кто на зонтик, кто на книгу, кто на башмаки - одним словом, кто куда. Казалось, они поставили себе целью не глядеть на обвиняемого, но все ощущали его присутствие на скамье подсудимых, и всем он казался великаном. Огромный рост Бруно сразу бросался в глаза, но стоило глаза отвести, и он словно бы становился с каждым мгновением все огромней.

Каудрей, мрачно-торжественный, расправил свою черную шелковую мантию и белые шелковистые бакенбарды и сел. Сэр Уилсон ответил еще на несколько вопросов касательно кое-каких подробностей, известных и другим свидетелям, и уже покидал место свидетеля, но тут вскочил защитник и остановил его.

- Я задержу вас всего на минуту, - сказал мистер Батлер, с виду он казался деревенщиной, брови рыжие, лицо какое-то сонное. - Не скажете ли вы его чести, откуда вы знаете, что это был мужчина?

По лицу Сеймора скользнула тень утонченной улыбки.

- Прощу прощения, дело решила столь вульгарная подробность, как брюки, - сказал он.

- Когда я увидел просвет меж длинных ног, я в конце концов понял, что это мужчина.

Сонные глаза Батлера вдруг раскрылись - это было подобно беззвучному взрыву.

- В конце концов! - медленно повторил он. - Значит, поначалу вы все-таки думали, что это женщина?

Впервые Сеймору изменило спокойствие.

- Это вряд ли имеет отношение к делу, но, если его честь пожелает, чтобы я сказал о своем впечатлении, я, разумеется, скажу, - ответил он. Этот силуэт был не то чтобы женский, но словно бы и не мужской - какие-то не те изгибы. И у него было что-то вроде длинных волос.

- Благодарю вас, - сказал королевский адвокат Батлер и неожиданно сел, как будто услышал именно то, что хотел.

Капитан Катлер в качестве свидетеля владел собой куда хуже и внушал куда меньше доверия, чем сэр Уилсон, но его показания о том, что происходило вначале, полностью совпадали с показаниями Сеймора. Капитан рассказал, как Бруно ушел к себе, а его самого

послали за ландышами, как, возвращаясь в проулок, он увидел, что там кто-то есть, и заподозрил Сеймора, и, наконец, о схватке с Бруно. Но он не умел выразительно описать черную фигуру, которую видел и он и Сеймор. На вопрос о том, каков же был загадочный силуэт, он ответил, что он не знаток по части искусства, и в ответе прорвалась, пожалуй, чересчур откровенная насмешка над Сеймором. На вопрос - мужчина то был или женщина, он ответил, что больше всего это походило на зверя, и в ответе его была откровенная злоба на обвиняемого. Но при этом он был явно вне себя от горя и непритворного гнева, и Каудрей не задерживал его, не заставил подтверждать и без того ясные факты.

Защитник тоже, как и в случае с Сеймором, не стал затягивать перекрестный допрос, хотя казалось, - такая уж у него была манера, - что он отнюдь не спешит.

- Вы престранно выразились, - сказал он, сонно глядя на Катлера. - Что вы имели в виду, когда говорили, что тот неизвестный больше походил не на женщину и не на мужчину, а на зверя?

Катлер, казалось, всерьез разволновался.

- Наверно, я зря так сказал, - отвечал он, - но у этого скота могучие сгорбленные плечи, как у шимпанзе, а на голове - щетина торчком, как у свиньи...

Мистер Батлер прервал на полуслове эту странно раздраженную речь.

- Свинья тут ни при чем, а скажите лучше, может, это было похоже на волосы женщины?

- Женщины! - воскликнул капитан. - Да ничуть не похоже!

- Предыдущий свидетель сказал, похоже, - быстро подхватил защитник, беззастенчиво сбросив маску сонного тугодума. - А в очертаниях фигуры были женственные изгибы, на что нам тут красноречиво намекали. Нет? Никаких женственных изгибов? Если я вас правильно понял, фигура была скорее плотная и коренастая?

- Может, он шел пригнувшись, - осипшим голосом едва слышно произнес капитан.

- А может, и нет, - сказал мистер Батлер и сел так же внезапно, как и в первый раз.

Третьим свидетелем, которого вызвал сэр Уолтер Каудрей, был маленький католический священник, по сравнению с остальными уж такой маленький, что голова его еле виднелась над барьером, и казалось, будто перекрестному допросу подвергают малого ребенка. Но, на беду, сэр Уолтер отчего-то вообразил (виной тому, возможно, была вера, которой придерживалась его семья), будто отец Браун на стороне обвиняемого, - ведь обвиняемый нечестивец, чужак, да к тому же в нем есть негритянская кровь. И он резко обрывал отца Брауна всякий раз, как этот заносчивый посланец папы римского пытался что-то объяснить; велел ему отвечать только "да" и "нет" и излагать одни лишь факты безо всякого иезуитства. Когда отец Браун в простоте душевной стал объяснять, кто, по его мнению, был человек в проулке, обвинитель заявил, что не желает слушать его домыслы.

- В проулке видели темный силуэт. И вы говорите, вы тоже видели темный силуэт. Так каков же он был?

Отец Браун мигнул, словно получил выговор, но он давно и хорошо знал, что значит послушание.

- Силуэт был низенький и плотный, - сказал он, - но по обе стороны головы или на макушке были два острых черных возвышения, вроде как рога, и...

- А, понятно, дьявол рогатый! - с веселым торжеством воскликнул Каудрей и сел. - Сам дьявол пожаловал, дабы пожрать протестантов.

- Нет, - бесстрастно возразил священник, - я знаю, кто это был.

Всех присутствующих охватило необъяснимое, но явственное предчувствие чего-то чудовищного. Они уже забыли о подсудимом и помнили только о том, кого видели в проулке. А тот, в проулке, описанный тремя толковыми и уважаемыми очевидцами, словно вышел из страшного сна: один увидел в нем женщину, другой - зверя, а третий - дьявола...

Судья смотрел на отца Брауна хладнокровным пронизывающим взглядом.

- Вы престранный свидетель, - сказал он, - но есть в вас что-то вынуждающее меня поверить, что вы стараетесь говорить правду. Так кто же был тот человек, которого вы

видели в проулке?

- Это был я, - отвечал отец Браун.

В необычайной тишине королевский адвокат Батлер вскочил и совершенно спокойно сказал:

- Ваша честь, позвольте допросить свидетеля. - И тут же выстрелил в Брауна вопросом, который словно бы не шел к делу; - Вы уже слышали, здесь говорилось о кинжале; эксперты считают, что преступление совершено с помощью короткого клинка, вам это известно? - Короткий клинок, - подтвердил Браун и кивнул с мрачной важностью, точно филин, - но очень длинная рукоятка. Еще прежде, чем зал полностью отказался от мысли, что священник своими глазами видел, как сам же вонзает в жертву короткий клинок с длинной рукоятью (отчего убийство казалось еще чудовищней), он поспешил объясниться. - Я хочу сказать, короткие клинки бывают не только у кинжалов. У копья тоже короткий клинок. И копьё поражает точно так же, как кинжал, если оно из этих причудливых театральных копий; вот таким копьём бедняга Паркинсон и убил свою жену - как раз в тот день, когда она послала за мной, чтобы я уладил их семейные неурядицы, - а я пришел слишком поздно, да простит меня господь.

Но, умирая, он раскаялся, раскаяние и повлекло за собою смерть. Он не вынес того, что совершил. Всем в зале казалось, что маленький священник, который стоял на свидетельском месте и нес совершенную околесицу, просто сошел с ума. Но судья, по-прежнему смотрел на него в упор с живейшим интересом, а защитник невозмутимо задавал вопросы. - Если Паркинсон убил ее этим театральным копьём, он должен был бросить его с расстояния в четыре ярда, - сказал Батлер... - Как же тогда вы объясните следы борьбы разорванное на плече платье? - Защитник невольно стал обращаться к свидетелю как к эксперту, но никто этого уже не замечал.

- Платье несчастной женщины было порвано потому, что его защемила створкой, когда она пробежала мимо, - сказал свидетель. - Она пыталась высвободить платье, и тут Паркинсон вышел из комнаты обвиняемого и нанес ей удар.

- Створкой? - удивленно переспросил обвинитель.

- Это была створка двери, замаскированной зеркалом, - объяснил отец Браун. - Когда я был в уборной мисс Роум, я заметил, что некоторые из зеркал, очевидно, служат потайными дверьми и выходят в проулок.

Снова наступила долгая неправдоподобно глубокая тишина. И на этот раз ее нарушил судья.

- Значит, вы действительно полагаете, что когда смотрели в проулок, вы видели там самого себя - в зеркале?

- Да, милорд, именно это я и пытался объяснить, - ответил Браун. - Но меня спросили, каков был силуэт, а на наших шляпах углы похожи на рога, вот я и...

Судья подался вперед, его стариковские глаза заблестели еще ярче, и он сказал особенно отчетливо:

- Вы в самом деле полагаете, что когда сэр Уилсон Сеймор видел нечто несуразное, как бишь его, с изгибами, женскими волосами и в брюках, он видел сэра Уилсона Сеймора?

- Да, милорд, - отвечал отец Браун.

- И вы полагаете, что когда капитан Катлер видел сгорбленного шимпанзе со свиной щетиной на голове, он просто видел самого себя?

- Да, милорд.

Судья, очень довольный, откинулся на спинку кресла, и трудно было понять, чего больше в его лице - насмешки или восхищения.

- А не скажете ли вы, почему вы сумели узнать себя в зеркале, тогда как два столь выдающихся человека этого не сумели? - спросил он.

Отец Браун заморгал еще растеряней, чем прежде.

- Право, не знаю, милорд, - с запинкой пробормотал он. - Разве только потому, что я не так часто гляжусь в зеркало.

ОШИБКА МАШИНЫ

Однажды под вечер Фламбо и его друг священник сидели в Темпл-гарденс, и то ли из-за соседства адвокатских контор, то ли по какой иной причине, речь у них зашла о законности в судопроизводстве. Сперва они говорили о злоупотреблениях при перекрестном допросе, затем - о древнеримских и средневековых пытках, о французских следователях и, наконец, об американских допросах третьей степени.

- Я недавно читал, - сказал Фламбо, - об этом новом психометрическом методе, о котором столько разговоров, особенно в Америке. Ну, вы знаете: на запястье укрепляют особое устройство и следят, как бьется сердце при произнесении тех или иных слов. Какого вы об этом мнения?

- Что же, - ответил отец Браун, - это интересно. Знаете, в средние века считали, что раны на теле убитого кровоточат, если к нему прикоснется убийца.

- Неужели, по-вашему, - удивился его друг, - эти методы равно достоверны?

- По-моему, они равно недостоверны, - ответил Браун. - И у живых, и у мертвых кровь течет или не течет по самым разным причинам. Да пусть она что угодно вытворяет, пусть потечет хоть вверх по Монблану - я все равно не пролью человеческую кровь по такой причине.

- Однако же, - возразил Фламбо, - этот метод одобрили виднейшие американские ученые.

- Ученые так сентиментальны! - воскликнул отец Браун. - Американские и подавно! Кому, кроме янки, придет в голову строить доказательства на биении сердца?

Они чувствительны, как тот простак, который думает, что женщина в него влюблена, если она краснеет. Гадание по крови, по кровообращению, открытому бессмертным Гарвеем, - дело пустое.

- Однако, - настаивал Фламбо, - этот признак на что-то же указывает!

- Палка тоже на что-то указывает, - отвечал его собеседник, - и все же она может подвести, другой-то ее конец указывает в другую сторону. Все зависит от того, каким концом держать палку. Я когда-то видел такой эксперимент и теперь настроен недоверчиво.

И он поведал историю своего разочарования.

Это произошло лет двадцать назад, когда отец Браун был духовным пастырем своих единоверцев в одной из чикагских тюрем, ирландское население которой проявляло не меньшую способность к покаянию, чем к преступлению, так что без дела он не оставался. Начальником тюрьмы был отставной сыщик по имени Грейвуд Ашер, тощий и вежливый философ в американском стиле, у которого суровое выражение иногда, как-то вдруг, сменялось виноватым. К отцу Брауну он относился с несколько снисходительной симпатией, и тот симпатизировал ему, впрочем, не одобряя его теорий. Теории эти были до крайности сложны, и Ашер исповедовал их с крайней простотой.

Как-то вечером он послал за священником. Тот, по своему обыкновению, молча уселся перед столом, заваленным бумагами, и ждал, пока Ашер отыщет среди бумаг газетную вырезку, а потом сосредоточенно прочитал ее. Это была статья в одной из самых чувствительных и бойких газет, и в ней сообщалось вот что:

"Самый блестящий вдовец нашего общества решил опять закатить умопомрачительный вечер. Все наши избранные граждане, конечно, припомнят "Парад младенцев", который Затейник Тодд устроил в своем роскошном доме на Пруды Пилигрима, когда многие наши дебютантки резвились, как козочки. А каким элегантным, неподражаемым, щедрым был банкет за год перед тем! Мы имеем в виду "Обед каннибалов", во время которого подавались сласти, приготовленные в виде рук и ног, и наши превосходные остроумцы то и дело предлагали друг другу кусочек ближнего. Новая выдумка мистера Тодда пока скрывается в его молчаливом уме, да еще, может быть, в золотых душах неунывающих отцов города, но публика поговаривает о прелестной пародии на манеры и нравы городского дна. Если это

правда, то тем более пикантно, что радушный Тодд принимает сейчас у себя лорда Гриффитса, знаменитого путешественника и чистокровного аристократа, буквально только что из-под сени английских дубов. Лорд Гриффитс пустился в свои путешествия еще до того, как получил свой древний титул. В молодости он жил в нашей Республике, и в обществе есть слухок, что он вернулся неспроста. Мисс Эмма Тодд - девушка утонченная, родом из Нью-Йорка, да еще унаследует доход почти в миллиард двести долларов".

- Ну как? - спросил Ашер. - Интересная заметка?

- Просто не знаю, что и сказать, - ответил отец Браун. - Я и вообразить не могу ничего менее интересного. Не пойму, чем бы она могла привлечь ваше внимание... Разве только Республика ваша в праведном гневе не решила казнить журналистов за такой слог.

- Так, - сухо молвил мистер Ашер, передавая священнику другую газетную вырезку. - А что вы скажете об этом?

Шапка была: "Страшное убийство тюремного стражника. Бежал заключенный", а статья - такая:

"Сегодня утром перед самым рассветом каторжная тюрьма города Секуаха в нашем штате огласилась криком о помощи. Представители власти, поспешившие на крик, обнаружили труп караульного, чей пост находился на верху северной стены, настолько неприступной, что ее всегда охранял один человек. Несчастный часовой, однако, был сброшен с высокой стены, череп его размозжен тупым орудием, а карабин исчез. Дальнейшее расследование выявило, что одна из камер пуста; в ней содержался некий мерзкий субъект, назвавшийся Оскаром Райяном. Он был задержан за какой-то довольно незначительный проступок, но производил впечатление человека с темным прошлым и угрожающим будущим. Позднее, когда совсем рассвело, оказалось, что на стене рядом с телом убийца оставил короткую надпись, очевидно, сделанную пальцем, смоченным в крови: "Я защищался. Он был вооружен. Я не хотел его убить. Моя пуля для "Приюта Пилигрима". О.Р.". Какое дьявольское коварство и какая дикая ярость! Броситься на штурм такой стены, да еще с вооруженным часовым наверху!"

- Что ж, стиль уже получше, - весело заметил священник. - Но мне все же неясно, чего вы от меня ждете. Представляю, как бы я выглядел, пустившись на своих коротких ногах в погоню за дюжим головорезом. Его и вообще вряд ли найдешь. Тюрьма в тридцати милях отсюда. Местность эта пустынна, изрыта оврагами, а за Секуахом и вообще ничейная земля до самых прерий. Наверное, туда он и подался.

Там он может спрятаться в любой яме, на любом дереве.

- Он не в яме, - сказал тут начальник тюрьмы, - и не на дереве.

- Откуда вы знаете? - озадаченно спросил отец Браун.

- Хотите поговорить с ним? - осведомился Ашер.

Простодушные круглые глаза священника широко раскрылись.

- Как, он здесь? - воскликнул он. - Неужели ваши люди уже поймали его?

- Я сам его поймал, - с расстановкой произнес американец, лениво вытягивая длинные ноги поближе к огню. - Я поймал его загнутой ручкой трости. Да-да, не удивляйтесь.

Понимаете, я иногда люблю отвлечься от дел и прогуляться по окрестным полям. Так вот, сегодня, в конце дня, шел я между темными изгородями из кустарника, за которыми простирались рыхлые пашни. Взошла молодая луна и светила на дорогу. В ее серебряном свете я увидел, что по полю, мне наперерез, бежит, пригнувшись, человек. Он, по-видимому, уже здорово устал, но пронизал густую изгородь, будто паутинку, или же - поскольку жесткие ветви упирались и ломались, как штыки, - будто он сам из камня. Когда он выскочил прямо передо мной на дорогу, я взмахнул тростью и ручкой поймал его за ноги. Он упал. Тогда я свистнул во всю мочь, прибежали наши ребята и отвели его куда следует.

- Вышло бы очень неловко, - спокойно заметил отец Браун, - если бы это оказался какой-нибудь известный спортсмен.

- Нет, он не спортсмен, - без улыбки отвечал Ашер. - Мы быстро выяснили, кто он такой. Впрочем, это я понял сразу, едва разглядел его в лунном свете.

- Вы решили, что это сбежавший преступник, - простодушно сказал отец Браун, - потому что читали утром о побеге.

- У меня были и более веские основания, - холодно ответил начальник тюрьмы. - Вряд ли стоит говорить о том, что и так очевидно: порядочные спортсмены не бегают по вспаханым полям и не продираются сквозь колючие изгороди. И уж подавно не стелются по земле, как провинившиеся собаки. Нет, опытный глаз приметил кое-что посущественнее: на бегуне была грубая и потрепанная одежда, и сидела она как-то слишком скверно. Когда я увидел в свете восходящей луны черный силуэт - огромный воротник горбом, длинные рукава болтаются, как у безрукого, мне сразу пришло в голову, что он сменил тюремную робу на платье сообщника и оно ему не впору. К тому же волосы у него не развевались на бегу, хотя дул довольно сильный ветер - значит, они были коротко острижены. Я вспомнил, что за этими полями и находится "Приют Пилигрима", для которого он, как вы помните, приберегал пулю. И пустил в ход свою трость.

- Блистательный образец мгновенного умозаключения, - сказал отец Браун. - А вот был ли при нем карабин?

Тут Ашер, расхаживавший по комнате, резко остановился, и потому священник добавил, как бы извиняясь:

- Без винтовки, я слышал, от пули мало толку.

- Карабина не было, - ответил его собеседник в некотором замешательстве. - Что ж, видно, у него изменились планы или что-то пошло не так. Вероятно, он бросил карабин по той же причине, по какой сменил одежду, - скажем, он пожалел, что оставил робу в крови убитого.

- Что ж, это возможно, - проронил священник.

- Ну, тут во всяком случае все ясно, - продолжал Ашер, занявшись какими-то бумагами. - Мы и так уже знаем - это он.

- Откуда же? - пробормотал Браун.

Грейвуд Ашер отбросил свои бумаги и снова взял газетные вырезки.

- Хорошо, начнем сначала, - сказал он. - Видите, в этих двух заметках упоминается "Приют Пилигрима", усадьба миллионера Айртона Тодда. Фигура незаурядная - из тех, кто поднялся вверх по лестнице...

- ...оставив прежнее, вознесся вверх, - кивнул отец Браун. - Да, я понимаю. Вероятно, нефть?

- Во всяком случае, - сказал Ашер, - Затейник Тодд совсем не случайно оказался в центре событий.

Он опять потянулся перед камином и продолжал своим излюбленным тоном:

- Начнем с того, что никакой тайны, собственно, и нет.

Нет ничего таинственного, или даже странного, когда арестант угрожает владельцу богатой усадьбы. У нас народ не то, что в Англии, - это у вас богачу прощается богатство, если он швыряет деньги на больницы или лошадей. Затейник Тодд возвысился благодаря собственным способностям.

Что ж, многие жертвы этих способностей не прочь отыграться хотя бы и с помощью ружья. У Тодда есть враги, о которых он понятия не имеет, например, уволенные рабочие или конторщики разоренных им компаний. Он - человек незаурядного ума и видная в обществе фигура, но у нас в стране у рабочих с хозяевами довольно напряженные отношения.

Вот как обстоит дело, если считать, что Райян собирался в "Приюте Пилигрима" убить хозяина. Я так и полагал, пока новое маленькое открытие не пробудило во мне задремавший инстинкт детектива. Пристроив надежно своего пленника, я подобрал трость и пустился, не торопясь, по проселку; миновав два-три поворота, я оказался перед боковым входом во владения нашего миллионера, как раз неподалеку от озера, или пруда, давшего название усадьбе. Это было часа два назад, около семи. Луна светила еще ярче, и длинные серебристые полосы лежали на поверхности таинственного озера, окруженного мрачными,

болотистыми берегами, где, по преданию, наши прадеды топили ведьм.

Подробностей легенды я не помню, но вы знаете, где это - к северу от усадьбы, ближе к пустоши; там растут два кривых, уродливых дерева, похожих на огромные сморчки. Так стоял я у подернутого туманом озера, когда мне показалось, будто от дома к берегу движется человек, но из-за темноты и расстояния я не был в этом уверен и уж давно не различал подробностей. Кроме того, мое внимание вдруг привлекло нечто, происходившее гораздо ближе. Я спрятался за забором, от которого до огромного особняка, стоявшего боком ко мне, не больше двух сотен ярдов; к счастью, в заборе нашлись щели, словно нарочно для любопытного глаза. В темной громаде левого крыла открылась дверь, и на фоне освещенного проема возник силуэт закутанного во что-то человека. Человек наклонился вперед, очевидно, вглядываясь в темноту. Дверь закрылась, и стало видно, что неизвестный несет в руке фонарь, от которого на него падает слабый свет.

Это была женщина в широкой и потрепанной шали, которую она накинула, вероятно, чтоб ее не узнали. Было что-то очень странное и в этой скрытности, и в скверной одежде - ведь женщина вышла из очень богатого дома. Она стала осторожно спускаться по изогнутой дорожке, а в полусотне ярдов от меня остановилась на дерновом уступе у воды и, подняв над головою фонарь, покачала им три раза, как бы подавая сигнал. Когда она взмахнула во второй раз, на лицо ее пал отблеск света - и я узнал ее. Она была неестественно бледна, шаль была явно чужая, приличная разве простолюдинке, но я уверен, что видел Эмму Тодд, дочь миллионера.

По-прежнему таясь, она вернулась обратно, и дверь закрылась за нею. Я хотел было перелезть через забор, однако сообразил, что детективный пыл мой заходит слишком далеко, тогда как у меня и так все карты в руках. Я собирался уйти, но вдруг ночь огласилась шумом. Во втором или третьем этаже распахнулось окно, но сбоку, за углом дома, куда я заглянуть не мог. По темному саду разнесся жутко знакомый голос, он спрашивал, где лорд Гриффитс, которого не могли найти. Ошибиться я тоже не мог - много я слышал этот голос на политических собраниях и на совещаниях директоров: это был сам Айртон Тодд. К окнам внизу или к крыльцу подбежали люди, они отвечали ему, что лорд отправился к озеру час назад и с тех пор его не видели. Тогда Тодд взревел: "Тьфу, пропасть!" - и с силой захлопнул окно; я слышал, как он прогрохотал по лестнице в недрах дома. Вспомнив теперь о прежней, более благоразумной цели своей прогулки, я поспешил ретироваться и вернулся сюда часам к восьми.

Теперь обратимся к той заметке о светской жизни, которая показалась вам столь безнадежно неинтересной. Если беглый преступник приберегал пулю не для Тодда, то, скорее всего, для лорда Гриффитса; и похоже, она попала по назначению. Не придумаешь лучше места для убийства, чем эти окрестности озера, где все, что упадет наземь, утопает в вязком иле. Итак, предположим, наш остриженный приятель собирался убить Гриффитса, а не Тодда. Однако, как я уже говорил, убить Тодда в Америке хотят многие, тогда как вряд ли здесь у кого-нибудь есть причины для убийства недавно приехавшего лорда, если не учитывать того, о чем упомянуто в газете, а именно - что лорд проявляет внимание к дочери миллионера. Так вот, наш подопечный, хотя он и дурно одет, - это ревнивый влюбленный.

Я знаю, вас такая мысль покоробит, а то и насмешит, но это потому, что вы англичанин. Для вас это все равно как если бы дочь архиепископа Кентерберийского венчалась в церкви святого Георгия на Ганновер-сквер с досрочно освобожденным вором, подметающим улицы. Но вы не вполне понимаете, сколько энергии и честолюбия в наших самых выдающихся согражданах. Вам покажут благообразного седого человека, во фраке и с властными повадками, а потом вы узнаете, что он - один из столпов штата, и предположите в нем отпрыска достойного рода. Но вы ошибетесь. Буквально несколько лет назад он вполне мог обретаться в ночлежном доме или, что весьма вероятно, в тюрьме. Вы не учитываете нашу напористость и хватку. Многие из самых влиятельных граждан выдвинулись совсем недавно, да притом и немолодыми. Дочери исполнилось восемнадцать лет, когда папаша наконец сколотил капитал. Так что совсем не удивительно, если ее домогается какой-нибудь

голодранец, или она его домогается, о чем можно догадаться по ее прогулке с фонарем. В таком случае рука, державшая фонарь, и рука, державшая винтовку, - это руки единомышленников. Сегодняшнее происшествие еще наделает шуму!

- Так, - терпеливо вставил священник, - а что же вы делали дальше?

- Вы, наверно, будете шокированы, - отвечал Грейвуд Ашер, - вам ведь не по нутру, если наука вмешивается в такие дела. Но мне даны широкие полномочия, и я еще расширю их по своему усмотрению. Теперь представился прекрасный случай испытать ту психометрическую машину, о которой я вам говорил. Я убежден, что машина не соврет.

- Машина и не может соврать, - заметил отец Браун, - так же, как сказать правду.

- На этот раз сказала, как вы сейчас убедитесь, - продолжал Ашер без колебания. - Я усадил субъекта в нелепом балахоне в удобное кресло и стал писать слова мелом на доске. Машина просто отмечала, какой у него пульс, а я наблюдал за ним. Хитрость тут в том, что среди слов, подбираемых по тому или иному принципу, вставляется - причем совершенно естественно - какое-то слово, связанное с предполагаемым преступлением. Я написал "цапля", потом "орел" и "сова", а затем "гриф", и тогда испытуемый заволновался. Я приписал еще одно "ф", и стрелка прибора прямо взбесилась. Кто бы еще во всей нашей Республике так забеспокоился при имени только что приехавшего англичанина, как не его убийца? Разве не лучше такое показание, чем бестолковая болтовня свидетелей? Показание совершенной машины!

- Вы все забываете, - проронил его собеседник, - что совершенной машиной, хочешь - не хочешь, управляет несовершенная машина.

- Это какая же?

- Да человек, - сказал отец Браун. - Он - самая несовершенная из всех известных мне машин. Не примите, ради Бога, это на свой счет, но вы сказали, что наблюдали за испытуемым. Откуда вы знаете, правильно ли вы толковали его поведение? Вы говорите, что слова должны сочетаться естественным образом, но откуда вы знаете, что вам это удалось? Кто докажет, что вы-то сами не были сильно взволнованы? Ведь за вашим пульсом не следила никакая машина.

- Да сказано вам, - воскликнул американец в крайнем возбуждении, - я был холоден, как огурец.

- И преступник может быть холоден, - улыбнулся отец Браун, - почти так же холоден, как вы.

- Ну, а этот не был, - раздраженно отбрасывая бумаги, возразил Ашер.

- Простите, - продолжал священник, - мне кажется, тут следует подумать. Если вы по его поведению могли видеть, какое из слов опасно для него, разве не мог он видеть этого по вашему поведению, когда вы писали это слово?

Мне бы потребовалось что-нибудь повесомее слов, чтобы решать вопрос о жизни и смерти.

Ашер хлопнул по столу и поднялся с каким-то свирепо-торжествующим видом.

- Именно это, - заявил он, - я вам сейчас и представлю. Я применил машину, собираясь проверить ее показания иным путем, и машина оказалась права.

Он помолчал немного и уже спокойнее продолжал:

- Видите ли, покамест я хотел только провести научный эксперимент. Против этого человека не было, собственно, никаких улик. Одежда сидела на нем плохо, но сама по себе выглядела много приличнее, чем носят у нас в низших слоях общества, к которым он явно принадлежал. Да вообще, если не считать грязи, приставшей, когда он бежал по вспаханым полям и продирался сквозь колючие изгороди, он казался довольно чистым. Конечно, и это могло указывать на то, что он недавно бежал из тюрьмы, но мне подумалось о гордых бедняках и о том, как нелегко им сохранять благопристойность. Да и держался он в точности как они, с достоинством, лишних слов не говорил, и так же, как они, словно скрывал глубоко в душе обиду. Он заявил, что знать не знает о преступлении и в толк не возьмет, о чем речь.

Казалось, он лишь ждет с угрюмым нетерпением, когда победит здравый смысл и

кончится эта нелепая история. Он настойчиво спрашивал, нельзя ли ему вызвать по телефону адвоката, который много лет назад помог ему в деловом конфликте. И во всех отношениях он вел себя так, как должен вести себя невиновный. Против него не говорило абсолютно ничего, кроме тоненькой стрелки прибора, отметившего перемену в ритме его пульса.

Таким образом, мы подвергли машину испытанию, и она вышла из него с честью. Я повел задержанного по коридору, где ожидало допроса множество всякого народа. Видимо, он уже более или менее был готов сдаться - он обернулся ко мне и тихо сказал: "Ох, больше не могу. Если уж вам надо все обо мне знать...". В этот момент одна из бедно одетых женщин вскочила и пронзительно закричала, указывая на него пальцем. Ее костлявый палец прицелился в него, как пистолет, и каждый слог был отчетлив, как удар часов.

- Дурманщик Девис! - крикнула она. - Они взяли Дурманщика Девиса!

В унылой толпе, состоявшей преимущественно из воровок и уличных женщин, человек двадцать повернулись к нам, и лица их засветились жестокой радостью. Если б я никогда и не слышал о Дурманщике Девисе, то уже по гримасе Оскара Райяна мне стало бы ясно, что так его и зовут. Удивляйтесь не удивляйтесь, а я кое-что знаю. Дурманщик Девис - один из самых отвратительных, растленных преступников, с какими только доводилось иметь дело нашей полиции. Как нам доподлинно известно, он убивал и раньше, задолго до своего недавнего подвига. За эти преступления его так ни разу и не удалось привлечь и, самое забавное, именно потому, что убийства он совершал точно таким же образом, как и обдывал свои более безобидные делишки, за которые привлекался довольно часто. Он был видный собой, галантен - таким он, собственно, и остался, - и вот обхаживал официанток и продавщиц, облегчая их кошельки. Однако он на этом не останавливался: девушек находили в обмороке, он подмешивал наркотики в сигареты или в сласти. Потом одна девушка погибла, но злой умысел не был доказан, и, что существеннее, не удалось разыскать его самого. Теперь он, по слухам, опять где-то появился, на сей раз - в противоположной роли: не берет деньги, а дает в рост, но по-прежнему обирает бедных вдовушек, которых пленяет внешностью и обхождением, с прежним, печальным для них исходом. Таков ваш безвинный страдалец, таков его почтенный послужной список. К тому же, четверо преступников и три надзирателя опознали его и все подтвердили.

- Ну-с, что вы теперь скажете о моей машине? Не она ли изобличила его? А может, мы с той женщиной оказали ему услугу?

- Конечно! - ответил отец Браун, подымаясь и неловко встряхиваясь. - И я скажу вам, какую. Вы спасли его от электрического стула. Вряд ли можно осудить Дурманщика Девиса на основании давнишней туманной истории. А каторжник, который убил часового, остался, судя по всему, на свободе. В этом преступлении по крайней мере мистер Девис не повинен.

- Это еще как? - изумился Ашер. - Как это он не повинен?

- Господи помилуй! - вскричал флегматичный священник. - Да потому, что он повинен в тех, других преступлениях! Диву даюсь, из чего сделаны люди! По-вашему, человек может быть скопищем всех грехов сразу. Вы рассуждаете так, точно сегодняшний скряга завтра окажется мотом. Вы говорите, что этот человек годами обманывал беззащитных женщин и прикарманивал их гроши, что он использовал в лучшем случае наркотик, а в худшем - яд, что он заделался ростовщиком последнего разбора и тихо-мирно грабит бедняков. Приходится принять все на веру, но если это так, я вам скажу, чего он просто не мог сделать. Он не мог взять приступом тюремную стену, усаженную шипами и с вооруженным часовым наверху. Он не мог своей рукой сделать на стене надпись, удостоверяющую, что часового убил он. Он не стал бы задерживаться, чтобы в оправдание себе заявить о самозащите. Он не уверял бы, что у него не было ничего против стражника. Он не сообщил бы, что собирается навестить с ружьем такой-то дом. Он не написал бы своих инициалов человеческой кровью. Боже праведный!

Неужели вы не видите? Тут же совсем иной нрав, и в добром, и в дурном! Ничего не скажешь, далеко мне до вас - у вас, как видно, нет никаких пороков.

Ошеломленный американец открыл было рот, чтобы возразить, но в этот момент дверь

его кабинета заходила ходуном от громких, бесцеремонных ударов, каких он не мог бы и вообразить.

Потом дверь распахнулась. Секундой раньше Грейвуд Ашер склонился к мысли, что отец Браун сошел с ума. Секундой позднее он засомневался, не помешался ли он сам. В кабинет ворвался человек в самых отвратительных лохмотьях. Засаленную фетровую шляпу он и не подумал снять; потертые зеленые поля были заломлены сбоку. Глаза горели тигриной яростью, лица было почти не видно - его скрывали затрепанный красный шарф и спутанные бакенбарды, сквозь которые едва пробивался нос. Мистер Ашер тешил свою гордыню тем, что знает в своем штате самую неотесанную публику, однако такую гнусную личность он видел впервые. И уж подавно за всю его ученую, почтенную жизнь субъект вроде этого не заговаривал с ним первым.

- Слушай, Ашер! - закричал неизвестный. - Этак не пойдет. Со мной в прятки не играй. Я тебе кто? Моих гостей не трожь, а то я прихлопну твой цирк. Давай его сейчас сюда, а то пожалеешь. Помни, с кем говоришь.

Ашер взирал на скандалиста с изумлением, вытеснившим все другие чувства. Видимо, от потрясения он потерял и слух. Наконец он протянул руку и неистово задергал колокольчик. Громкий и резкий звонок еще не затих, когда раздался мягкий, но вполне отчетливый голос отца Брауна.

- У меня есть предположение, - проговорил он, - только и сам не знаю, как выразиться. Я этого господина не знаю, но... но, мне кажется, я его знаю. А вот вы-то его знаете, очень хорошо знаете - но, собственно говоря, не знаете совсем. Да, конечно, звучит странновато.

- Господи, мир перевернулся! - сказал Ашер, откинувшись на спинку кресла.

- Эй, ты! - крикнул человек в красном шарфе и стукнул по столу; но в его голосе, хотя от него дрожали стены, зазвучала мягкая, увещевающая нотка. - Я ж без дураков.

Мне только надо...

- Да кто вы такой?! - возопил Ашер, внезапно выпрямляясь.

- Полагаю, что перед нами мистер Тодд, - сказал священник и взял со стола газетную вырезку. - Вы невнимательны к светской хронике, - заметил он и принялся монотонно читать: - "...выдумка ... скрывается... так... в золотых душах неунывающих отцов города. Публика поговаривает о прелестной пародии на манеры и нравы городского дна". Сегодня вечером в усадьбе "Приют Пилигрима" был большой "Трущобный обед". Исчез один из гостей. Мистер Айртон Тодд - хороший хозяин, он поспешил ему на выручку, не тратя даже времени, чтобы снять маскарадный костюм, и догадался поискать его здесь.

- Кто же тогда этот гость?

- Человек в смешном, мешковатом платье, который бежал через поле, когда попался вам на глаза. Может быть, вам стоит прямо спросить его? Наверное, ему не терпится вернуться к своему шампанскому, хотя он и покинул его, не мешкая, едва увидел каторжника с карабином.

- Да вы серьезно... - заговорил было Ашер.

- Помните, мистер Ашер, - спокойно сказал отец Браун, - вы утверждали, что машина не может ошибиться? Она и не ошиблась. Ошиблась другая машина та машина, которая приводила ее в действие. Вы полагали, что ваш оборванец занервничал при имени лорда Гриффитса потому, что он его убил. На самом же деле он нервничал потому, что он сам - лорд Гриффитс.

- Какого же черта он так и не сказал? - удивился Ашер.

- Он считал, что паническое бегство и арест мало пристали аристократу, - отвечал священник, - и хотел скрыть свое имя. Потом он решил было назвать себя, - отец Браун опустил глаза и стал глядеть на свои ботинки, - однако женщина произнесла другое его имя.

Грейвуд Ашер был бледен, как мел.

- Что, по-вашему, - выговорил он, - лорд Гриффитс и есть Дурманщик Девис? Вы в своем уме?

Священник взглянул на него вполне серьезно, но лицо его было загадочно и

непроницаемо.

- Ну, об этом не мне судить, - сказал он. - Выводы делайте сами. У вас там в газетке сказано, что титул он получил недавно - но газеты так недостоверны. Там говорится, что он в юности жил в Штатах - однако многое в статье звучит как-то удивительно. Конечно, и Девис, и Гриффитс - изрядные трусы, но разве нет на свете других трусов? Нет, оставим мое мнение в стороне. Только вот что, - продолжал он мягко и задумчиво, - вы, американцы, все-таки скромничаете. Вы идеализируете английскую аристократию, причем даже в том, что приписываете ей особый аристократизм. Вам покажут благообразного англичанина во фраке, скажут, что он заседает в Палате лордов, и вы предположите в нем отпрыска достойного рода. Вы не учитываете английской напористости и хватки. Многие из самых влиятельных вельмож возвысились не только недавно, но и...

- Довольно! - вскрикнул Грейвуд Ашер, мучительно стискивая худую руку, когда по лицу отца Брауна скользнула улыбка.

- Ладно болтать с этим малохольным! - рявкнул Тодд. - Пошли! Где мой друг?

На следующее утро в кабинете Ашера снова появился тихий отец Браун; он принес новую газетную вырезку.

- Похоже, вы не очень-то жалуете светскую хронику, - сказал он, - но тут есть кое-что для вас.

Ашер прочел шапку: "Заблудившиеся гости Затейника Тодда", под которой было написано:

"Вчера вечером у гаража Уилкинсона приключился забавный случай. Уличные зеваки привлекли внимание полицейского к человеку в тюремной одежде, который преспокойно сидел за руль первоклассного паккарда. С ним была девушка, закутанная в изодранную шаль. Когда полицейский вмешался, девушка откинула шаль, и все узнали дочь миллионера Тодда; она только что покинула "Трущобный обед" в отцовской усадьбе, где все самые избранные гости щеголяли в рубищах. Она и ее спутник, переодетый каторжником, просто собрались совершить автомобильную прогулку".

К этой заметке была приложена вырезка из газеты, вышедшей немного позднее; заголовок гласил: "Сенсационный побег дочери миллиардера с беглым преступником". И ниже:

"Она устроила костюмированный вечер. Теперь они скрылись...".

Мистер Грейвуд Ашер поднял глаза, но отца Брауна уже не было в комнате.

ПРОФИЛЬ ЦЕЗАРЯ

Есть где-то в Бромптоне или в Кенсингтоне нескончаемо длинная улица, вся застроенная высокими, но большей частью пустующими особняками, улица, похожая на аллею гробниц. Даже крутые ступени, ведущие к темным, угрюмым входным дверям, напоминают уступы пирамид. В такую дверь не постучишься сразу, а помедлишь немного - вдруг да ее откроет мумия. Но больше всего удручает, что сплошная серая стена домов непрерывна и бесконечна. Путнику, бредущему по улице, начинает казаться, что ему уже никогда не встретится просвет или поворот. Однако исключение, одно-единственное, все-таки имеется, и пилигрим приветствует его чуть ли не криками восторга. Между двумя особняками, буквально в щели, если сравнить с протяженностью улицы, помещается нечто вроде извозничьего двора.

И сюда же в тупичок ухитрилась втиснуться игрушечного вида пивная, или трактирчик, милостиво дозволенный богатыми господами своим кучерам.

В один осенний вечер, тоже в своем роде сказочный и таинственный, можно было увидеть, как некая рука отодвинула в окне красную занавеску, которая вместе с крупной белой надписью на стекле скрывала внутренность трактира, и в окне показалось лицо, точь-в-точь как у добродушного домового. На самом же деле обладатель этого лица носил вполне человеческое и безобидное имя Браун, был в прошлом священником в Эссексе, а

ныне исполнял те же обязанности в Лондоне. Его друг, Фламбо, частный сыщик, сидел напротив него, занося в записную книжку последние заметки по делу, которое только что кончил распутывать здесь, по-соседству. Они сидели за столиком вплотную к окну. И тут вдруг священник отодвинул занавеску и выглянул на улицу. Он подождал, пока единственный прохожий минует окно, и тогда опустил занавеску на место. Его круглые глаза уставились на неясную белую надпись на стекле над его головой, затем перебежали к соседнему столику, у которого сидел рудокоп за пивом и сыром и рыжеволосая молодая женщина за стаканом молока. Потом, увидев, что друг его спрятал записную книжку, он мягко сказал:

- Если у вас найдется десять минут, я бы попросил вас проследить за тем человеком с фальшивым носом.

Фламбо с удивлением посмотрел на него, рыжеволосая девушка тоже взглянула, но сказать "с удивлением" - этого мало. Она была одета в простое, свободное, как мешок, платье песочного цвета, но в ней определенно чувствовалась аристократка, а если приглядеться, то, может быть, даже излишне надменная.

- За человеком с фальшивым носом? - воскликнул Фламбо. - Да кто он такой?

- Понятия не имею, - ответил отец Браун, - вот я и прошу вас это выяснить. Окажите мне такую услугу. Человек этот направился туда, - патер ткнул большим пальцем через плечо (один из его невыразительных жестов), и, верно, не ушел еще дальше третьего фонарного столба. Меня интересует только общее направление.

Фламбо с минуту, пристально глядел на своего друга, то ли недоумевая, то ли забавляясь, потом встал из-за стола, протиснул свое огромное тело в узенькую дверь, которая вела из карликового трактира на улицу, и растворился в сумерках.

Отец Браун вынул из кармана книжечку и погрузился в чтение; он, видимо, был так поглощен чтением, что не заметил, когда рыжеволосая дама перешла за его столик и уселась напротив него. Наконец она перегнулась к нему и спросила тихо, но настойчиво:

- Почему вы так сказали? Откуда вы знаете, что нос фальшивый?

Он поднял свои толстые веки и в замешательстве заморгал. Потом нерешительно перевел взгляд на белую надпись на стекле. Глаза молодой женщины проследили за его взглядом и с полным недоумением остановились на буквах.

- Нет, - проговорил отец Браун, отвечая на ее невысказанный вопрос, ничего загадочного там не написано, никакой это не "овип", я сперва по рассеянности и сам так прочел, пока не взгляделся. Там написано "пиво".

- Ну и что? - сказала девушка, широко раскрыв глаза. - При чем тут надпись?

Его задумчивый взгляд передвинулся на легкий холщовый рукав, по краю которого бежала узенькая полоска с изящным узором ручной работы, позволяя думать, что это не платье простой работницы, а рабочее платье дамы, занимающейся искусством.

- Видите ли, сударыня, снаружи это место выглядит не то чтобы... конечно, здесь вполне благопристойно... но дамы, подобные вам, обычно... обычно думают иначе. Они никогда не заходят в такие заведения по своей охоте... разве что...

- Ну-ну, что? - нетерпеливо поторопила девушка.

- Разве что это несчастные, которые заходят... не для того, чтобы выпить молока...

- Вы поразительный человек, - сказала молодая женщина, - к чему вы все это говорите?

- Не для того, чтобы нарушать ваш покой, - ответил он очень мягко. - А затем лишь, чтобы вооружаться знанием и помочь вам, если вы когда-либо по своей доброй воле попросите моей помощи.

- А почему мне вдруг может понадобиться помощь?

Сонным голосом он продолжал свой задумчивый монолог.

- Вы зашли сюда не затем, чтобы, скажем, повидать хозяев, которым покровительствуете, - в таком случае вы прошли бы во внутренние помещения... И вы зашли не потому, что почувствовали себя дурно, - тогда вы обратились бы к хозяйке, вполне почтенной женщине... да вы и не выглядите больной, а только встревоженной... Улица эта -

единственная в своем роде старинная улица, которая тянется прямо, нигде не сворачивая, а дома по обе стороны заперты... Я могу только предполагать, что вы увидели кого-то, с кем не желали встретиться, и трактир оказался единственным прибежищем в этой каменной пустыне. Надеюсь, я не превысил прав постороннего, взглянув на единственного прохожего, проследовавшего вскоре после вас. А поскольку он мне показался человеком, не внушающим доверия, а вы - внушаете доверие... то я приготовился помочь вам.

Вот и все! Что же касается моего друга, то он скоро вернется - что тут выяснишь, шагая по такой улице... Я и не надеялся на это.

- Так зачем же вы его послали?! - воскликнула она, подаваясь вперед и уже не скрывая любопытства.

В первый раз он посмотрел на нее прямо и пристально и сказал:

- Я ждал, что вы захотите поговорить со мной.

- Ну, уж раз вам так хочется со мной побеседовать, может быть, вы ответите на мой вопрос. - И, помолчав, она добавила: - Я имела честь спросить вас, почему вы считаете нос того человека фальшивым?

- Воск в такую погоду чуть-чуть подтаивает, - с неподражаемой простотой ответил священник.

- Но кто будет себе делать такой кривой нос? - запротестовала рыжеволосая девушка.

Священник, в свою очередь, слегка улыбнулся.

- Да, действительно, такой нос вряд ли будешь заводить из фатовства, согласился он. - Я склонен думать, что этот человек завел себе такой нос потому, что его настоящий нос не в пример красивее.

- Но зачем это ему? - настаивала девушка.

- Как там говорится в детских стишках? - рассеянно уронил отец Браун, - встал однажды человек на кривые ножки и пошел он в тот же час по кривой дорожке... Мне думается, этот человек пошел по очень кривой дорожке, взяв себе в проводники собственный кривой нос.

- А что же он такого сделал? - чуть дрогнувшим голосом спросила она.

- Мне не хочется вынуждать вас к откровенности, - сказал очень спокойно отец Браун, - но, по-моему, вы могли бы рассказать об этом человеке куда больше, чем я.

Девушка вскочила и застыла на месте, сжав кулаки, как будто собиралась вот-вот убежать, но тут же пальцы ее медленно разжались, и она опять села за столик.

- Я расскажу вам все, - твердо сказала рыжая девушка. - Не могу сказать вам только одного: почему я вам это рассказываю. Этого я не знаю.

Перебирая пальцами старенькую заштопанную скатерть, она начала:

- Мне кажется, вы способны различать, где снобизм, а где нет, и если я скажу, что происхожу из старинного аристократического рода, вы поймете, что это необходимая предпосылка к моей истории. В самом деле, пожалуй, главная угроза для меня и кроется в допотопных понятиях моего брата - noblesse oblige Положение обязывает (фр.) и всякое такое. Да, меня зовут Кристабел Корстэрс, отец мой был тем самым полковником Корстэрсом, о котором вы, возможно, слышали: он собрал знаменитую коллекцию римских монет. Не буду и пытаться описать отца, вернее будет, если скажу, что он и сам очень походил на римскую монету. Такой же красивый и подлинный, такой же ценный и металлический, и такой же устаревший. Он больше гордился своей коллекцией, чем гербом, - точнее, пожалуй, не скажешь. Его сумасбродный характер как нельзя ярче проявился в завещании. У него было два сына и дочь. С одним из сыновей, моим братом Джайлзом, он поссорился и усладил его в Австралию, положив ему мизерное содержание. После этого он сделал завещание, в котором коллекцию и еще более мизерное содержание отказывал другому сыну - Артуру. Он искренне считал, что это лучшая награда, высочайшая честь, какую он мог оказать Артуру за его преданность, высокую нравственность и те успехи, каких брат достиг в математике и экономике в Кембридже. Мне он оставил фактически все свое значительное состояние и, уверена, сделал это в знак пренебрежения. Вы скажете, Артур

имел все основания быть недовольным, но Артур - точная копия отца. Правда, в ранней юности у него были какие-то несогласия с отцом, но, получив в руки коллекцию, он как будто превратился в жреца языческого храма. Эти жалкие римские монетки стали для него олицетворением доброго имени Карстэрсов, и он служил им с тем же педантичным идолопоклонством, что и отец. Он вел себя так, словно римские деньги требуют от своего стража всех римских добродетелей. Он не позволял себе никаких удовольствий, ничего не тратил на себя, он жил только для коллекции. Зачастую он даже не брал на себя труд переодеться к обеду, состоявшему, кстати, из самых непривлекательных блюд, и в поношенном буром халате проводил целые дни среди обвязанных бечевкой пакетиков в бурой оберточной бумаге, до которых никому, кроме него, не разрешалось дотрагиваться.

Так вот, если вам приходилось иметь дело с молодыми людьми, вас не удивит, когда я скажу, что пришла в дурное настроение от всего происходящего. Настроение, при котором начинаешь думать, что древние римляне, может, и были хороши в свое время, но кому они нужны сейчас! Я не похожа на моего брата Артура, я люблю получать удовольствие от удовольствий и ничего не могу с этим поделать. От матери мне достались в наследство не только рыжие волосы, но и куча романтической чепухи. Бедняга Джайлз был такой же, и мне кажется, вся эта римская атмосфера нашего дома может отчасти служить ему оправданием, хотя он и в самом деле поступил дурно и чуть не угодил в тюрьму. Но он, как вы сейчас услышите, вел себя ничуть не хуже, чем я.

Теперь я перехожу к нелепой части моего рассказа. Думаю, вы как человек умный догадаетесь, какого рода события способны внести разнообразие в жизнь своевольной девицы семнадцати лет. Сама я сейчас настолько сбита с толку вещами просто ужасными, что не могу разобраться в своих чувствах: то ли я отвергаю это, как пустой флирт, то ли у меня разбито сердце. Мы тогда жили на небольшом морском курорте в Южном Уэльсе. У отставного капитана, жившего по соседству с нами, был сын пятью годами старше меня. Бывший товарищ Джайлза, который к тому времени уже уехал в колонии. Имя его для моей истории не столь существенно, но раз уж я рассказываю вам все, то не утаю: его звали Филипп Хоукер. Мы с ним вместе ловили креветок и говорили, а думали, что влюблены друг в друга: по крайней мере он говорил, что влюблен, а я думала, что влюблена.

Если я скажу, что у него были бронзового цвета кудри и чеканное, бронзовое от загара лицо, то скажу это не потому, что мне хочется о нем говорить, уверяю вас, а необходимости ради, так как это послужило причиной очень странного стечения обстоятельств.

Как-то летом, к вечеру, когда мы с Филиппом сговорились пойти за креветками, я с нетерпением ждала в первой гостиной, когда Артур кончит возиться с новыми монетами.

Он только что привез их и теперь неторопливо, по одной, по две, переносил в свой мрачный кабинет, он же музей, находившийся в задней части дома. Едва только тяжелая дверь кабинета захлопнулась за ним в последний раз, я поспешно схватила сеть для ловли креветок и свой шотландский берет и только собралась незаметно выскользнуть из дома, как вдруг заметила, что брат забыл в гостиной одну монетку, и она лежит, поблескивая на длинной скамье под окном. Монета была бронзовая, и ее цвет в сочетании с линией римского носа и гордо закинутой назад головой на длинной мускулистой шее сделали профиль Цезаря точной копией профиля Филиппа Хоукера. И тут мне вспомнилось, как Джайлз когда-то рассказал Филиппу о том, что существует монета, очень похожая на Филиппа, и тому захотелось ее иметь. Может быть, вам удастся представить себе, какой вихрь сумасбродных нелепых фантазий закружился при этом у меня в голове. Я вообразила, будто получила в руки бесценный дар. Мне пришла на ум шальная идея, что если сейчас взять монету и отнести ее Филиппу как некий знак обручения, то это соединит нас навеки. И еще тысячи подобных мыслей нахлынули на меня враз. Потом передо мною словно разверзлась глубокая яма - ужасное, необъятное сознание того, что я делаю. И наконец, невыносимая мысль, которая жгла, как раскаленное железо: как отнесется к этому Артур? Член семьи Карстэрсов - вор, и вор, укравший сокровище Карстэрсов! Брат, я подозреваю, позволил бы меня сжечь на костре, как ведьму, за такой поступок. И тут же само предположение о столь фанатичной

жестокости вызвало прилив к моей давнишней неприязни к его суетливой скряжнической возне с древностями и моей тяги к молодости и свободе, которые ждали меня у моря. Живой мир и коллекция Карстэрсов вступили в решительный бой.

Но мир древнее коллекции Карстэрсов. Когда я мчалась по улочкам к морю, зажав монету в руке, мне казалось, что за мной по пятам гонятся не только все предки Карстэрсов, но и вся Римская империя в придачу. Не только серебристый лев с нашего герба, но и сам Цезарь неслись вдогонку за мной по воздуху, завывая и хлопая на ветру, как бумажный змей, пока я наконец не домчалась до сухих рыхлых дюн и до плотного сырого песчаного пляжа, где уже стоял по щиколотку в мелкой сверкающей воде ярдах в ста от берега Филипп. Небо в той стороне было красно от заката, и широкая полоса мелководья, остававшаяся на протяжении полумили не глубже щиколотки, казалась озером, охваченным рубиновым пламенем. Только когда, сорвав с ног туфли и чулки, я добралась туда, где стоял Филипп, что было довольно-таки далеко от суши, я оглянулась назад. Между нами и линией берега не было ни души. И тогда я протянула ему голову Цезаря.

В тот же миг меня пронзило ощущение, что на меня пристально смотрит какой-то человек, стоящий вдали на дюнах. Тут же я поняла, что это просто ничем не оправданная игра нервов; человек этот был буквально черной точкой, и я могла видеть только, что он стоит совершенно неподвижно и смотрит перед собой, слегка наклонив голову набок. Не было ровно никаких разумных доказательств, что он смотрит именно на меня. Он мог глядеть на корабль где-то у горизонта, на закат, на чаек, наконец на любого из гулявших по берегу между ним и нами. И все же, откуда бы ни взялось мое мгновенное ощущение, оно оказалось пророческим. В то время, как я глядела на него, он быстро зашагал прямо на нас через мокрые пески. Чем ближе он подходил, тем яснее я различала, что он темноволос и бородат и что глаза его прикрыты черными очками. Одет он был бедно, но солидно, во все черное, начиная с поношенного черного цилиндра и кончая прочными черными башмаками.

Так, прямо в башмаках, ни секунды не колеблясь, он и вошел в воду и продолжал идти прямо на меня с неуклонностью летящей пули.

Незнакомец шел, пока не очутился в двух ярдах от меня, когда вода уже достигала ему середины икр.

И тогда он проговорил, как-то жеманно отчеканивая слова:

- Не сочтете ли вы уместным для себя пожертвовать и другому лицу монету с экстраординарным изображением?

За одним исключением, в его наружности, собственно, не было ничего ненормального: темные очки, не совсем непроницаемые, обыкновенного синего цвета глаза, и глаза эти не бегали, а глядели на меня в упор. Темная борода не какая-нибудь особенно длинная или запущенная, и все-таки он производил впечатление человека заросшего, так как борода начиналась очень высоко, сразу под скулами. Кожа не была ни болезненно-желтой, ни мертвенно-бледной, напротив, цвет лица довольно свежий, бело-розовый, молодой и, однако, при этом восковой, что каким-то образом (уж не знаю, почему) придавало незнакомцу еще более жуткий вид. Единственной определенно странной чертой в его лице был нос, в общем-то красивой формы, но со слегка свернутым на сторону кончиком, как будто его пристукнули игрушечным молоточком, когда он еще не затвердел. Кривизну эту даже нельзя было назвать уродством, и все же не могу выразить, каким это явилось для меня кошмаром. В тот момент, когда он стоял так в окрашенной закатом воде, он показался мне злобным морским чудовищем, только что вынырнувшим с ревом из глубины кровавого моря. Не понимаю, почему такой ничтожный штрих - легкая кривизна носа - так взбудоражил мое воображение. У меня было такое чувство, что он может шевелить носом, как пальцем. И что в этот момент он именно так и сделал.

- Впрочем, любое вспомоществование, - продолжал он, так же неестественно и педантично выговаривая слова, - может отвратить необходимость снести с остальной семьей.

И тут до меня дошло, что меня шантажируют, зная о краже бронзовой монеты. И все

мои глупые суеверные страхи и подозрения поглотил один всеподавляющий практический вопрос: как он узнал?

- Филипп! - жалобно закричала я. - Что этому человеку от меня надо?

Когда Филипп поднял наконец голову от сети, которую чинил, лицо его, как мне показалось, покраснело, будто он сердился или ему было стыдно, но, возможно, причиной послужила его поза или отсвет заката. А может быть, и это была одна из болезненных причуд воображения, которое сыграло со мной уже несколько нехороших шуток. Филипп на мой вопль сказал незнакомцу резко:

- Бросьте вы это! - И только.

И, кивнув мне, чтобы я следовала за ним, зашагал к берегу, не обращая внимания на незнакомца. Потом он ступил на сложенный из камней волнорез, начинавшийся от подножия дюн, и пустился к дому, быть может, надеясь, что нашему преследователю будет труднее идти по неровным, позеленевшим и скользким от водорослей камням, чем нам, молодым и привычным к этой дороге. Но тот шел так же аккуратно, как и говорил, и по-прежнему шел именно за мной, тщательно выбирая свой путь и слова. Позади меня все время раздавался ненавистный вежливый и въедливый голос, и только когда мы наконец взобрались на дюны, поразительное долготерпение Филиппа, отнюдь не свойственное ему в других случаях, в конце концов лопнуло. Он вдруг обернулся и сказал:

- Уйдите. Я не могу тут с вами разговаривать.

И когда человек открыл рот и замешкался, собираясь что-то сказать, Филипп нанес ему удар в челюсть, отчего тот покатился кубарем с верхушки самой высокой дюны.

Через минуту я увидела, как он на четвереньках выкарабкивается из песка.

Эта выходка Филиппа меня почему-то немного успокоила, хотя могла еще ухудшить дело. Однако по Филиппу было незаметно, чтоб собственная доблесть радовала его, как бывало в иных случаях. Он был, как всегда, нежен со мной, но настроение у него явно упало, и, прежде чем я успела прямо спросить, в чем дело, он расстался со мной у своей калитки, сказав на прощание две вещи, которые показались мне очень странными. Он сказал, что, принимая все во внимание, мне следует положить монету на место, но "пока" он ее подержит у себя. И тут совершенно неожиданно и непоследовательно вскрикнул:

- Ты знаешь, что Джайлз вернулся из Австралии?

Дверь трактира отворилась, и гигантская тень сыщика Фламбо легла на столик. Отец Браун представил его даме в своей мягкой, неназойливой манере, упомянув про его опыт и отзывчивость в подобных делах, и вскоре, сама не замечая, как это получилось, девушка пересказывала свою историю с самого начала уже двум слушателям. Поклонившись и сядя за столик, Фламбо протянул священнику клочок бумаги. Отец Браун с некоторым удивлением взял его и прочел: "Кэб до Уэгга-Уэгга, 379, Мэфкинд-авеню, Путни".

Девушка между тем продолжала:

- Пока я поднималась вверх по крутой улочке к своему дому, в голове у меня стоял туман, не рассеялся он и тогда, когда я наконец дошла до дверей дома и на ступеньках увидела молочный бидон... и человека с кривым носом. Бидон дал мне понять, что прислуга уже ушла, а Артур, погруженный в мрачные раздумья в мрачном одиночестве в своем мрачном кабинете, естественно, звонков не слышит.

Итак, в доме помощи ждать было не от кого, кроме как от брата, а его помощь означала гибель для меня. В полном отчаянии я сунула два шиллинга в руку омерзительного существа и пробормотала, чтобы он заглянул через несколько дней, когда я все обдумаю. Он удалился с недовольным видом, но послушнее, чем я ожидала, может быть, он еще не успел прийти в себя после падения. Я с каким-то мерзким мстительным чувством следила, как удаляется его спина, на которой белела нашлапка песка. Примерно через шесть домов он завернул за угол.

Только тогда я отперла дверь, вошла, согрела себе чаю и попыталась привести мысли в порядок. Я уселась в гостиной у окна, выходящего в сад, освещенный предзакатным солнцем.

Человек или монстр, которого я недавно отослала прочь, стоял неподвижно посредине сада. Конечно, мы все читали уйму книг про мертвеннолицых призраков во мгле, но этот призрак был в тысячу раз страшнее тех.

Однако, заметив, что я шевельнулась, он тут же повернулся и выбежал вон через заднюю калитку, распахнутую настежь, через которую он, несомненно, и проник в сад. Робость эта так не походила на дерзость, с какой он вошел в воду, что я вздохнула свободнее. Я вообразила, будто он по какой-то причине боится встречи с Артуром. Как бы там ни было, я совсем успокоилась, пообедала в приятном одиночестве (Артура, когда он наводил порядок в музее, тревожить не полагалось), и мысли мои, обретя некоторую свободу, умчались к Филиппу, да там, видно, и остались. Я сидела с блаженной улыбкой, тупо уставясь на другое, незанавешенное окно, за которым к этому времени окончательно стемнело, и оно чернело, как грифельная доска. Мне почудилось, что снаружи к стеклу прилипло что-то вроде улитки. Но, взглядевшись, решила, что скорее это похоже на человеческий палец, прижатый к стеклу, - что-то вроде слегка изогнутого большого пальца. Страх и отвага проснулись во мне одновременно, я бросилась к окну и отпрянула со сдавленным криком, который услышал бы любой, кроме Артура.

Ибо это был не палец, равно как и не улитка. Это был побелевший кончик кривого носа, приплюснутый к стеклу; лицо и широко раскрытые глаза, сперва неразличимые во тьме, показались мне потом мертвыми, как у привидения.

Пожалуй, лучше всего было все-таки пойти к Артуру.

Раз это чудовище, как кошка, кралось вокруг дома, у него могли быть намерения и похуже шантажа. Позже брат мог выгнать меня из дома, проклясть вовеки, но сейчас, сразу, он, будучи джентльменом, защитил бы меня.

Кресло стояло пустое, брата в комнате не было. Но зато человек с кривым носом нагло, не снимая цилиндра, сидел под лампой и преспокойно читал одну из книг брата, явно дожидаясь его возвращения. Лицо его было покойно и сосредоточенно, но кончик носа по-прежнему казался самой подвижной его частью и как будто только что перекинулся вправо.

Кажется, я закричала пронзительно и протяжно, но это не существенно. Важнее другое: я отдала ему все свои деньги, в том числе и порядочную сумму в бумагах, которые, кстати говоря, я не имела права трогать, хотя они и принадлежали мне. Наконец он убрался прочь с лицемерно тактичными и многословными извинениями, а я села, понимая, что теперь меня постиг полный крах. И, однако, той же ночью по чистой случайности пришло спасение. Артур, по своему обыкновению так внезапно уехавший в Лондон за покупками, воротился поздно, сияя от счастья, так как ему удалось закрепить за собой еще одно сокровище, способное украсить даже фамильную коллекцию Карстэрсов. Артур находился в таком приподнятом настроении, что я чуть-чуть не создалась в изъятии драгоценной жемчужины коллекции, но у меня ничего не вышло: он был так полон собственных планов, что все прочие темы его не интересовали.

Поскольку сделка могла еще в любой момент сорваться, он настаивал, чтобы я немедленно уложила чемодан и отправилась вместе с ним на квартиру, которую он уже снял в Фулэме, желая находиться как можно ближе к антикварной лавке. Так, неожиданно для себя, я бежала чуть ли не самой глубокой ночью от своего врага... но тем самым и от Филиппа. Брат проводил много времени в Южно-Кенсингтонском музее, а я, пытаясь создать себе видимость самостоятельной жизни, поступила в платные классы живописи. Сегодня вечером я как раз возвращалась с занятий, когда вдруг увидела, что по длинной улице навстречу мне движется этот ходячий мертвец. Дальше все было так, как предположил вот этот джентльмен.

Мне осталось сказать только одно. Помощи я не заслуживаю, на наказание не жалуюсь, сомнению его не подвергаю, оно справедливо, так и должно было случиться. Но я до боли ломаю себе голову над вопросом: как это могло произойти? Откуда идет наказание?

- Проблема небывалая, - согласился Фламбо.

- А решение и подавно, - довольно хмуро заметил отец Браун. - Мисс Карстэрс, будете ли вы дома, если мы заглянем к вам в Фулэм часа через полтора?

Девушка молча взглянула на него, потом поднялась, натягивая перчатки.

- Да, - сказала она, - я буду дома. - И в ту же минуту покинула трактир.

К вечеру сыщик и священник, продолжая обсуждать этот случай, как будто беседа и не прерывалась, приблизились к дому в Фулэме, дому, надо сказать, отнюдь не подобающему для членов семьи Карстэрс даже в качестве временного жилья.

- Разумеется, - говорил Фламбо, - человек поверхностный подумал бы в первую очередь о таинственном австралийском братце: ведь однажды он уже в чем-то попался, теперь так же неожиданно вернулся на родину и вообще должен иметь именно жалких соучастников. Но я отказываюсь понять, как он оказался замешан в этом деле, разве только...

- Что? - терпеливо спросил его спутник.

Фламбо понизил голос:

- Разве только возлюбленный тут тоже замешан, и он то и есть главный негодяй. Австралиец знал, что Хоукеру хотелось иметь монету, но одному черту известно, как брат мог разнюхать, что Хоукер ее получил. Разве только Хоукер подал сигнал на берег ему или его помощнику.

- Вы правы, - почтительно подтвердил священник.

- А заметили вы еще одну вещь? - с энтузиазмом продолжал Фламбо. Этот Хоукер слышит, как досаждают его любимой, но ничего не предпринимает, а наносит удар, только добравшись до мягких песчаных дюн, где ему легко сыграть роль победителя в притворной драке. Если бы он ударил противника на камнях, он рисковал покалечить его.

- И опять вы правы. - Отец Браун кивнул.

- А теперь начнем сначала. Тут требуется несколько участников, не слишком много, но и не менее трех. Для самоубийства нужен один участник, для убийства - два, для шантажа - по крайней мере три.

- Почему? - кротко спросил священник.

- Ну как же! - воскликнул его друг. - Один, чтобы было кого разоблачить, второй - кто угрожает разоблачением, и по меньшей мере еще один - для кого разоблачение явится ударом.

После долгой паузы отец сказал:

- Вы делаете логическую ошибку. Три человека нужны как носители идеи. Но агентов достаточно двух.

- Как это понимать?

- Почему бы шантажисту, - продолжал отец Браун тихим голосом, - не внушать жертве страх перед самим собой? Предположим, жена становится поборницей трезвости и тем самым заставляет мужа скрывать, что он посещает трактиры, а потом сама пишет ему измененным почерком шантажирующие письма, угрожая открыть все жене. Какая разница, кто пишет? Или, предположим, отец запрещает сыну играть на деньги, а потом в переодетом виде угрожает юноше родительским гневом? Предположим... Но вот, мы и пришли, мой друг.

- Боже мой! - воскликнул Фламбо. - Неужели вы думаете...

Кто-то проворно сбежал по ступенькам, и в золотистом свете фонаря друзья увидели профиль, носивший бесспорное сходство с профилем на римской монете.

- Мисс Карстэрс, - сказал Хоукер без дальнейших церемоний, - не хотела входить в дом, пока вы не придете.

- Скажите, - доверительно заметил отец Браун, - а вам не кажется, что для нее самое лучшее - вообще не входить туда и оставаться под вашей защитой? Видите ли, я, пожалуй, догадываюсь, что вы уже догадались обо всем сами.

- Да, - понизив голос, ответил молодой человек, - я догадался еще на дюнах, потому-то я тогда и ударил его на мягком песке.

Взяв ключ от входной двери у девушки и монету у Хоукера, Фламбо впустил всех

внутри и быстро прошел в первую гостиную. В ней находился только один человек. Тот, кого отец Браун видел из окна трактира, стоял теперь, прижавшись к стене, словно загнанный зверь.

- Мы пришли, - вежливо сказал отец Браун, - вернуть эту монету владельцу. - И он показал на человека с кривым носом.

Фламбо вытаращил глаза.

- Он что, нумизмат? - спросил он.

- Это мистер, Артур Карстэрс, - уверенно сказал священник, - он коллекционирует монеты несколько странным образом.

Человек так ужасно побледнел, что кривой нос выделялся теперь на его лице как некая самостоятельная комическая деталь.

Он вдруг повернулся и вышел в соседнюю комнату, с силой захлопнув за собой дверь.

- Остановите его! - закричал отец Браун, бросаясь вперед и налетая на стул. Со второго рывка Фламбо распахнул дверь. Но было уже поздно. В мертвой тишине Фламбо прошел через комнату и позвонил по телефону доктору и в полицию.

Пустой лекарственный пузырек валялся на полу. Поперек стола лежало тело человека в буром халате, прямо на лопнувших, прорвавшихся пакетиках из оберточной бумаги, откуда сыпались и раскатывались никакие не римские, а самые современные английские монеты.

Священник взял у Фламбо и поднял вверх бронзовую голову Цезаря.

- Вот и все, что осталось от коллекции Карстэрсов, - сказал он. После довольно длительной паузы он продолжал со своей более чем обычной мягкостью: - Завещание, которое оставил дурной отец, было жестоким и, как видите, сын затаил обиду. Он ненавидел оставленные ему римские деньги... и все сильнее любил обыкновенные деньги, которых был лишен. Он не только понемногу, штука за штукой, распродал всю коллекцию, но так же понемногу опустился до самых недостойных способов добывать желанный металл, вплоть до того, чтобы в переодетом виде шантажировать своих родных. Он шантажировал своего брата, вернувшегося из Австралии, за его давнишний забытый проступок (для этого-то он и взял кэб до Уэгга-Уэгга в Путни). Он шантажировал сестру за кражу, которую один он мог заметить.

Кстати, поэтому у него и смогла возникнуть та "сверхъестественная" догадка, когда он стоял так далеко от них на дюнах. Бывает, что силуэт или поза, как бы вы удалены ни были, скорее напомнят вам кого-нибудь, чем умело загримированное лицо вблизи.

Опять наступило молчание.

- Вот так штука, - проворчал сыщик, - выходит, великий нумизмат и коллекционер был обыкновеннейший скряга.

- А так ли уж велика разница? - спросил Браун все тем же странно терпеливым тоном. - И что есть плохого в скряге, чего бы не было в коллекционере? Что в них плохого, кроме... не сотвори себе кумира и никакого изображения... не поклоняйся им и не служи им, ибо Я... См. Втор. 5, 8 - 9. Однако надо пойти посмотреть, как чувствуют себя бедные молодые люди.

- Я подозреваю, - отозвался Фламбо, - что, несмотря ни на что, бедные молодые люди чувствуют себя превосходно.

ЛИЛОВЫЙ ПАРИК

Мистер Натт, усердный редактор газеты "Дейли реформер", сидел у себя за столом и под веселый треск пишущей машинки, на которой стучала энергичная барышня, вскрывал письма и правил гранки.

Мистер Натт работал без пиджака. Это был светловолосый мужчина, склонный к полноте, с решительными движениями, твердо очерченным ртом и не допускающим возражений тоном. Но в глазах его, круглых и синих, как у младенца, таилось выражение замешательства и даже тоски, что никак не вязалось с его деловым обликом. Выражение это,

впрочем, было не вовсе обманчивым. Подобно большинству журналистов, облеченных властью, он и вправду жил под непрестанным гнетом одного чувства - страха. Он страшился обвинений в клевете, страшился потерять клиентов, публикующих объявления в его газете, страшился пропустить опечатку, страшился получить расчет.

Жизнь его являла собой непрерывную цепь самых отчаянных компромиссов между выжившим из ума стариком мыловаром, которому принадлежала газета (а значит, и сам редактор), и теми талантливыми сотрудниками, которых он подобрал в свою редакцию; среди них были блестящие журналисты с большим опытом, которые к тому же (что было совсем неплохо) относились к политической линии газеты серьезно и искренне.

Письмо от одного из них лежало сейчас перед мистером Наттом, и он, несмотря на всю свою твердость и натиск, казалось, не решался вскрыть его.

Вместо того он взял полосу гранок, пробежал ее своими синими глазами, синим карандашом заменил "прелюбодеяние" на "недостойное поведение", а слово "еврей" на "инородца", позвонил и спешно отправил гранки наверх.

Затем, с видом серьезным и сосредоточенным, он разорвал конверт с девонширской печатью и стал читать письмо одного из наиболее видных своих сотрудников.

"Дорогой Натт, - говорилось в письме. - Вы, как я вижу, равно интересуетесь привидениями и герцогами. Может, поместим статью об этой темной истории с Эрами из Эксмур, которую местные сплетницы называют "Чертово Ухо Эров"? Глава семейства, как вам известно, - герцог Эксмур, один из тех настоящих старых аристократов и чопорных тори, которых уже немного осталось в наши дни. "Дейли реформер" всегда старалась не давать спуску этим несгибаемым старым тиранам, и, кажется, я напал на след одной истории, которая хорошо нам послужит.

Разумеется, я не верю в старую легенду про Якова I; а что до Вас, то Вы вообще ни во что не верите, даже в газетное дело. Эта легенда, как Вы, вероятно, помните, связана с самым черным событием в английской истории - я имею в виду отравление Оуэрбери Оуэрбери Томас (1581-1613) - английский поэт и эссеист этим колдуном Фрэнсисом Говардом и тот таинственный ужас, который заставил короля помиловать убийц. В свое время считали, что тут не обошлось без колдовства; рассказывают, что один из слуг узнал правду, подслушав сквозь замочную скважину разговор между королем и Карром Карр Сомерсет Роберт (1590-1645) - шотландский политический деятель, и ухо его, приложенное к двери, вдруг чудом разрослось, приняв чудовищную форму, столь ужасна была подслушанная им тайна. Пришлось щедро наградить его землями и золотом, сделав родоначальником целой герцогской фамилии, однако Чертово Ухо нет-нет да и появится в этой семье. В черную магию Вы, конечно, не верите, да если б и верили, все равно не поместили бы ничего такого в Вашей газете. Свершись у Вас в редакции чудо, Вы бы и его постарались замолчать, ведь в наши дни и среди епископов немало агностиков.

Впрочем, не в этом суть. Суть в том, что а семье Эксмуров и вправду дело нечисто; что-то, надо полагать, вполне естественное, хоть и из ряда вон выходящее. И думается мне, что какую-то роль во всем этом играет Ухо, может быть, это символ или заблуждение, а может быть, заболевание или еще что-нибудь. Одно из преданий гласит, что после Якова I кавалеры из этого рода стали носить длинные волосы только для того, чтобы спрятать ухо первого лорда Эксмур. Впрочем, это тоже, конечно, всего лишь вымысел.

Все это я сообщаю Вам вот почему; мне кажется, что мы совершаем ошибку, нападая на аристократов только за то, что они носят бриллианты и пьют шампанское. Людям они потому нередко и нравятся, что умеют наслаждаться жизнью. Я же считаю, что мы слишком многим поступаемся, соглашаясь, что принадлежность к аристократии делает хотя бы самих аристократов счастливыми.

Я предлагаю Вам цикл статей, в которых будет показано, какой мрачный, бесчеловечный и прямо-таки дьявольский дух царит в некоторых из этих великих дворцов. За примерами дело не станет; для начала же лучшего, чем "Ухо Эксмуров", не придумаешь. К концу недели я Вам раскопаю всю правду про него.

Всегда ваш Франсис Финн".

Мистер Натт подумал с минуту, уставившись на свой левый ботинок, а затем произнес громко, звучно и совершенно безжизненно, делая ударение на каждом слоге:

- Мисс Барлоу, отпечатайте письмо мистеру Финну, пожалуйста.

"Дорогой Финн, думаю, это пойдет. Рукопись должна быть у нас в субботу днем. Ваш Э. Натт".

Это изысканное послание он произнес одним духом, точно одно слово, а мисс Барлоу одним духом отстучала его на машинке, точно это и впрямь было одно слово. Затем он взял другую полосу гранок и синий карандаш и заменил слово "сверхъестественный" на "чудесный", а "расстреляны на месте" на "подавлены".

Такой приятной и полезной деятельностью мистер Натт занимался до самой субботы, которая застала его за тем же самым столом, диктующим той же самой машинистке и орудующим тем же самым карандашом над первой статьей из цикла задуманных Финном разоблачений. Вначале Финн обрушивался на аристократов и вельмож с их гнусными тайнами и духом безнадежности и отчаяния. Написано это было прекрасным стилем, хотя и в весьма сильных выражениях; однако редактор, как водится, поручил кому-то разбить текст на короткие отрывки с броскими подзаголовками - "Яд и герцогиня", "Ужасное Ухо", "Стервятники в своем гнезде", и прочее, и прочее, в том же духе на тысячу ладов. Затем следовала легенда об "Ухе", изложенная гораздо подробнее, чем в первом письме Финна, а затем уже содержание его последних открытий. Вот что он писал:

"Я знаю, что среди журналистов принято ставить конец рассказа в начало и превращать его в заголовок. Журналистика нередко в том-то и состоит, что сообщает "лорд Джонс скончался" людям, которые до того и не подозревали, что лорд Джонс когда-либо существовал. Ваш покорный слуга полагает, что этот, равно как и многие другие приемы журналистов не имеют ничего общего с настоящей журналистикой и что "Дейли реформер" должна показать в данном случае достойный пример. Автор намерен излагать события так, как они в действительности происходили. Он назовет подлинные имена действующих лиц, многие из которых готовы подтвердить достоверность рассказа. Что же до громких выводов и эффектных обобщений, то о них Вы услышите в конце.

Я шел по проложенной для пешеходов дорожке через чей-то фруктовый сад в Девоншире, всем своим видом наводящий на мысли о девонширском сидре, и, как нарочно, дорожка и привела меня к длинной одноэтажной таверне, зданий, собственно, там было три: небольшой низкий коттедж, с прилегающими к нему двумя амбарами под одной соломенной кровлей, похожей на темные пряди волос с сединой, бог весть как попавшие сюда еще в доисторические времена. У дверей была укреплена вывеска с надписью: "Голубой дракон", а под вывеской стоял длинный деревенский стол, какие некогда можно было видеть у дверей каждой вольной английской таверны, до того как трезвенники вкупе с пивоварами погубили нашу свободу. За столом сидели три человека, которые могли бы жить добрую сотню лет назад.

Теперь, когда я познакомился с ними поближе, разобраться в моих впечатлениях не составляет труда, но в ту минуту эти люди показались мне тремя внезапно материализовавшимися призраками. Центральной фигурой в группе - как по величине, ибо он был крупнее других во всех трех измерениях, так и по месту, ибо он сидел в центре, лицом ко мне, - был высокий тучный мужчина, весь в черном, с румяным, пожалуй, даже апоплексическим лицом, высоким с залысинами лбом и озабоченно нахмуренными бровями. Вглядевшись в него попристальнее, я уж и сам не мог понять, что натолкнуло меня на мысль о старине, - разве только старинный крой его белого пасторского воротника да глубокие морщины на лбу. Ничуть не легче передать впечатление, которое производил человек, сидевший у правого края стола. По правде говоря, вид у него был самый заурядный, таких встречаешь повсюду, - круглая голова, темные волосы и круглый короткий нос; однако одет он был также в черное платье священника, правда, более строгого покроя. Только увидев его шляпу с широкими загнутыми полями, лежавшую на столе возле него, я понял, почему его

вид вызвал у меня в сознании представление о чем-то давнем: это был католический священник.

Пожалуй, главной причиной странного впечатления был третий человек, сидевший на противоположном конце стола, хотя он не выделялся ни ростом, ни обдуманностью костюма. Узкие серые брюки и рукава прикрывали (я бы мог даже сказать: стягивали) его тощие конечности. Лицо, продолговатое и бледное, с орлиным носом, казалось особенно мрачным оттого, что его впалые щеки подпирал старомодный воротник, подвязанный шейным платком. А волосы, которым следовало быть темно-каштановыми, в действительности имели чрезвычайно странный тусклый багряный цвет, так что в сочетании с желтым лицом они выглядели даже не рыжими, а скорее лиловыми. Этот неяркий, но совершенно необычный оттенок тем более бросался в глаза, что волосы вились и отличались почти неестественной густотой и длиной. Однако, поразмыслив, я склонен предположить, что впечатление старины создавали высокие бокалы, да пара лимонов, лежащих на столе, и две длинные глиняные трубки. Впрочем, возможно, виной всему было то уходящее в прошлое дело, по которому я туда прибыл.

Таверна, насколько я мог судить, была открыта для посетителей, и я, как бывалый репортер, не долго думая, уселся за длинный стол и потребовал сидра.

Тучный мужчина в черном оказался человеком весьма сведущим, особенно когда речь зашла о местных достопримечательностях, а маленький человек в черном, хотя и говорил значительно меньше, поразил меня еще большей образованностью.

Мы разговорились; однако третий из них, старый джентльмен в узких брюках, держался надменно и отчужденно и не принимал участия в нашей беседе до тех пор, пока я не завел речь о герцоге Эксмуре и его предках.

Мне показалось, что оба моих собеседника были несколько смущены этой темой, зато третьего она сразу же заставила разговариваться. Тон у него был весьма сдержанный, а выговор такой, какой бывает только у джентльменов, получивших самое высокое образование. Попыхивая длинной трубкой, он принялся рассказывать мне разные истории, одна другой ужаснее, - как некогда один из Эксмуров повесил собственного отца, второй привязал свою жену к телеге и протащил через всю деревню, приказав стегать ее плетью, третий поджег церковь, где было много детей, и так далее, и так далее.

Некоторые из его рассказов - вроде происшествия с Алыми монахинями, или омерзительной истории с Пятнистой собакой, или истории о том, что произошло в каменоломне, - ни в коем случае не могут быть напечатаны. Однако он спокойно сидел, потягивая вино из высокого тонкого бокала, перечислял все эти кровавые и кощунственные дела, и лицо его с тонкими аристократическими губами не выражало ничего, кроме чопорности.

Я заметил, что тучный мужчина, - сидевший напротив меня, делал робкие попытки остановить старого джентльмена; но, видимо, питая к нему глубокое почтение, не решался прервать его. Маленький же священник на другом конце, хотя и не выказывал никакого смущения, сидел, глядя упорно в стол, и слушал все это, по-видимому, с болью, - что, надо признать, было вполне естественно.

- Вам как будто не слишком нравится родословная Эксмуров, - заметил я, обращаясь к рассказчику.

С минуту он молча глядел на меня, чопорно поджав побелевшие губы, затем разбил о стол свою длинную трубку и бокал и поднялся во весь рост настоящий джентльмен с безупречными манерами и дьявольски вспыльчивым характером.

- Эти господа вам скажут, - проговорил он, - есть ли у меня основания восхищаться их родословной. С давних времен проклятие Эров тяготеет над этими местами, и многие от него пострадали. Этим господам известно, что нет никого, кто пострадал бы от него больше, чем я.

С этими словами он раздавил каблуком осколок стекла, упавший на землю, и зашагал прочь. Вскоре он исчез в зеленых сумерках среди мерцающих яблоневых стволов.

- Чрезвычайно странный джентльмен, - обратился я к оставшимся. - Не знаете ли вы случайно, чем ему досадило семейство Эксмуров? Кто он такой?

Тучный человек в черном дико уставился на меня, словно бык, загнанный на бойню; видимо, он не сразу понял мой вопрос. Наконец он вымолвил:

- Неужто вы не знаете, кто он?

Я заверил его в своем неведении, и за столом снова воцарилось молчание; спустя какое-то время маленький священник, все еще не поднимая глаз от стола, сказал:

- Это герцог Эксмур.

И, прежде чем я успел собраться с мыслями, он прибавил с прежним спокойствием, словно ставя все на свои места:

- А это доктор Малл, библиотекарь герцога. Мое имя - Браун.

- Но, - проговорил я, заикаясь, - если это герцог, зачем он так поносит своих предков?

- Он, по-видимому, верит, что над ним тяготеет наследственное проклятие, - ответил священник по имени Браун. И затем добавил, казалось, без всякой связи: - Вот потому-то он и носит парик.

Только через несколько секунд смысл его слов дошел до моего сознания.

- Неужто вы имеете в виду эту старую сказку про диковинное ухо? удивился я. - Конечно, я слышал о ней, но не сомневаюсь, что это все суеверие и вымысел, не более, хотя, возможно, она и возникла на какой-то достоверной основе. Иногда мне приходит в голову, что это, наверное, фантазия на тему о наказаниях, которым подвергали в старину преступников; в шестнадцатом веке, например, им отрубали уши.

- Мне кажется, дело не в этом, - в раздумье произнес маленький священник. - Как известно, наука и самые законы природы не отрицают возможности неоднократного повторения в семье одного и того же уродства, когда, например, одно ухо значительно больше другого.

Библиотекарь, стиснув большую лысую голову большими красными руками, сидел в позе человека, размышляющего о том, в чем состоит его долг.

- Нет, - проговорил он со стоном, - вы все-таки несправедливы к этому человеку. Поймите, у меня нет никаких оснований защищать его или хотя бы хранить верность его интересам. По отношению ко мне он был таким же тираном, как и ко всем другим. Не думайте, что если он сидел здесь запросто с нами, то он уже перестал быть настоящим лордом в самом худшем смысле этого слова.

Он позовет слугу, находящегося от него за милю, и велит ему позвонить в звонок, висящий в двух шагах от него самого, для того только, чтобы другой слуга, находящийся за три мили, принес ему спички, до которых ему надо сделать три шага. Ему необходим один ливрейный лакей, чтобы нести его трость, и другой, чтобы подавать ему в опере бинокль...

- Зато ему не нужен камердинер, чтобы чистить его платье, - вставил священник на удивление сухо. - Потому что камердинер вздумал бы почистить и парик.

Библиотекарь взглянул на него, очевидно, совсем забыв о моем существовании; он был глубоко взволнован и, как мне показалось, несколько разгорячен вином.

- Не знаю, откуда вам это известно, отец Браун, - сказал он, - но это правда. Он заставляет других все делать за себя, но одевается он сам. И всегда в полном одиночестве; за этим он следит неукоснительно. Стоит кому-нибудь оказаться неподалеку от дверей его туалетной комнаты, как его тотчас изгоняют из дома и даже рекомендаций не дают.

- Приятный старичок, - заметил я.

- О, нет, отнюдь не приятный, - отвечал доктор Малл просто. - И все же именно это я и имел в виду, когда сказал, что со всем тем вы к нему несправедливы. Джентльмены, герцога действительно мучает горечь проклятия, о котором он говорил. С искренним стыдом и ужасом прячет он под лиловым париком нечто ужасное, созерцание чего, как он думает, не под силу сынам человеческим. Я знаю, что это так; я также знаю, что это не просто клеймо преступника или наследственное уродство, а что-то совсем другое. Я знаю, что это нечто гораздо страшнее. Я слышал об этом из уст очевидца, присутствовавшего при сцене,

которую выдумать невозможно, когда человек, гораздо мужественнее любого из нас, пытался проникнуть в эту ужасную тайну и в страхе бежал прочь.

Я открыл было рот, но Малл продолжал, по-прежнему сжимая ладонями лицо и совершенно забыв о моем присутствии:

- Я могу рассказать вам об этом, отец мой, потому что это будет скорее защитой, чем изменой бедному герцогу. Вам никогда не приходилось слышать о тех временах, когда он едва не лишился всех своих владений?

Священник отрицательно покачал головой; и библиотекарь рассказал нам длинную историю, - он слышал ее от своего предшественника, который был ему покровителем и наставником и к которому он питал, как было ясно из его рассказа, безграничное доверие. Вначале это была обычная история о разорении древнего рода и о семейном адвокате. У адвоката, надо отдать ему должное, хватило ума обманывать честно - надеюсь, читатель понимает, что я хочу сказать. Вместо того чтобы просто воспользоваться доверенными ему суммами, он воспользовался неосмотрительностью герцога и вовлек всю семью в финансовую ловушку, так что герцог был поставлен перед необходимостью отдать ему эти суммы уже не на хранение, а в собственность.

Адвокат носил имя Исаак Грин, но герцог всегда звал его Елисеем один из библейских пророков, по преданию, подвергавшийся насмешкам из-за своей лысины, очевидно, потому что человек этот был совершенно лыс, хотя ему и не исполнилось еще тридцати. Поднялся он стремительно, начав, однако, с весьма темных делишек: некогда он был доносчиком, или осведомителем, а потом занимался ростовщичеством; однако, став поверенным Эксмуров, он обнаружил, как я уже сказал, достаточно здравого смысла и строго держался формальностей, покуда не подготовил решительный удар. Он нанес его во время обеда: старый библиотекарь говорил, что до сих пор помнит, как блстели хрустальные люстры и графины, когда безродный адвокат с неизменной улыбкой на устах предложил старому герцогу, чтобы тот отдал ему половину своих владений. Того, что последовало за этим, забыть невозможно: в гробовой тишине герцог схватил графин и запустил его в лысую голову адвоката так же стремительно, как сегодня он разбил свой бокал о стол в саду. На черепе адвоката появилась треугольная рана, выражение его глаз изменилось, однако улыбка осталась прежней. Покачиваясь, он встал во весь рост и нанес ответный удар, что и следовало ожидать от подобного человека.

- Это меня радует, - сказал он, - ибо теперь я смогу получить ваши владения целиком. Их отдаст мне закон.

Говорят, что лицо Эксмур стало серым, как пепел, но глаза его все еще горели.

- Закон их вам отдаст, - отвечал он, - но вы их не получите... Почему? Да потому, что для меня это было бы концом. И если вы вздумаете их взять, я сниму парик... Да, жалкий общипанный гусь, твою лысину каждый может видеть. Но всякий, кто увидит мою, погибнет.

Можете говорить все, что угодно, и делать из этого какие угодно выводы, но Малл клянется, что мгновение адвокат стоял, потрясая в воздухе сжатыми кулаками, а затем попросту выбежал из залы и никогда больше не возвращался в эти края; с тех пор Эксмур внушает людям еще больший ужас как колдун, чем как судья и помещик.

Доктор Малл сопровождал свой рассказ весьма театральными жестами, вкладывая в повествование пыл, который мне показался по меньшей мере излишним. Я же думал о том, что вся эта история скорее всего была плодом фантазии старого сплетника и хвастуна. Однако, прежде чем закончить первую половину отчета о моих открытиях, я должен по справедливости сознаться, что, решив навести справки, я тут же получил подтверждение его рассказа. Старый деревенский аптекарь поведал мне однажды, что ночью к нему явился какой-то лысый человек во фраке, который назвался Грином, и попросил залепить пластырем треугольную рану у себя на лбу. А из судебных отчетов и старых газет я узнал, что некто Грин угрожал герцогу Эксмур судящим процессом, который в конце концов и был возбужден".

Мистер Натт, редактор газеты "Дейли реформер", начертил несколько в высшей степени непонятных слов на первой странице рукописи, наставил на полях несколько в высшей степени загадочных знаков и своим ровным, громким голосом обратился к мисс Барлоу.

- Отпечатайте письмо мистеру Финну.

"Дорогой Финн, Ваша рукопись пойдет, только пришлось разбить ее на абзацы с подзаголовками. И потом, наша публика не потерпит в рассказе католического священника - надо учитывать настроения предместий. Я исправил его на мистера Брауна, спиритуалиста. Ваш Э. Натт".

Вторник застал этого энергичного и предусмотрительного редактора за изучением второй половины рассказа мистера Финна о тайнах высшего света. Чем дальше он читал, тем шире раскрывались его синие глаза. Рукопись начиналась словами:

"Я сделал поразительное открытие. Смело признаюсь, что оно превзошло все мои ожидания и будет потрясающей сенсацией. Без тщеславия позволю себе сказать, что то, о чем я сейчас пишу, будет читаться во всей Европе и, уж конечно, во всей Америке и колониях. А узнал я это за тем же скромным деревенским столом, в том же скромном яблонево саду.

Своим открытием я обязан маленькому священнику Брауну, он необыкновенный человек. Тучный библиотекарь оставил нас, возможно, устыдившись своей болтливости, а возможно, обеспокоившись тем приступом ярости, в котором удалился его таинственный хозяин, как бы то ни было, он последовал, тяжело ступая, за герцогом и вскоре исчез среди деревьев. Отец Браун взял со стола лимон и принялся рассматривать его с непонятным удовольствием.

- Какой прекрасный цвет у лимона! - сказал он. - Что мне не нравится в парике герцога, так это его цвет.

- Я, кажется, не совсем понимаю, - ответил я.

- Надо полагать, у него есть свои основания прятать уши, как были они и у царя Мидаса, - продолжал священник с веселой простотой, звучавшей, однако, в данных обстоятельствах весьма легкомысленно. - И я вполне понимаю, что гораздо приятнее прятать их под волосами, чем под железными пластинами или кожаными наушниками. Но если он выбрал волосы, почему бы не сделать, чтобы они походили на волосы? Ни у кого на свете никогда не было волос такого цвета. Этот парик больше похож на озаренную закатным солнцем тучку, спрятавшуюся за деревьями, чем на парик. Почему он не скрывает свое родовое проклятие получше, если он действительно его стыдится? Сказать вам, почему?

Да потому, что он вовсе его не стыдится. Он им гордится.

- Трудно гордиться таким ужасным париком и такой ужасной историей, сказал я.

- Это зависит от того, - сказал странный маленький человечек, - как к этому относиться. У вас, полагаю, снобизма и тщеславия не больше, чем у других; так вот, скажите сами, нет ли у вас смутного чувства, что древнее родовое проклятие - совсем не такая уж плохая вещь? Не будет ли вам скорее лестно, чем стыдно, если наследник ужасных Глэмисов назовет вас своим другом? Или если семейство Байронов доверит вам, и одному только вам, греховные тайны своего рода? Не судите же так сурово и аристократов за их слабости и за снобизм в отношении к собственным несчастьям, ведь и мы страдали бы на их месте тем же.

- Честное слово, - воскликнул я, - все это истинная правда! В семье моей матери была собственная фея смерти, и признаюсь, что в трудные минуты это обстоятельство часто служило мне утешением.

- Вы только вспомните, - продолжал он, - какой поток крови и яда излился из тонких губ герцога, стоило вам лишь упомянуть его предков. Зачем бы ему рассказывать обо всех этих ужасах первому встречному, если он не гордится ими? Он не скрывает того, что носит парик, он не скрывает своего происхождения, он не скрывает своего родового проклятия, он не скрывает своих предков, но...

Голос маленького человечка изменился так внезапно, он так резко сжал кулак и глаза

его так неожиданно стали блестящими и круглыми, как у проснувшейся совы, что впечатление было такое, будто перед глазами у меня вдруг разорвалась небольшая бомба.

- Но, - закончил он, - герцог блюдет тайну своего туалета!

Напряжение моих нервов достигло в эту минуту предела, потому что внезапно из-за угла дома показался в сопровождении библиотекаря герцог в своем парике цвета заката; неслышными шагами он молча прошел меж мерцающих стволов яблонь. Прежде чем он приблизился настолько, чтобы разобрать наши слова, отец Браун спокойно добавил:

- Почему же он так оберегает тайну своего лилового парика? Да потому, что эта тайна совсем не то, что мы предполагаем.

Меж тем герцог приблизился и с присущим ему достоинством снова занял свое место у стола. Библиотекарь в замешательстве топтался на месте, как большой медведь на задних лапах, не решаясь сесть.

С превеликой церемонностью герцог обратился к маленькому священнику.

- Отец Браун, - сказал он, - доктор Малл сообщил мне, что вы приехали сюда, чтобы обратиться ко мне с просьбой. Не стану утверждать, что все еще исповедую религию своих предков; но, в память о них и в память о давних днях нашего первого знакомства, я готов выслушать вас. Однако вы, вероятно, предпочли бы говорить без свидетелей...

То, что осталось во мне от джентльмена, побудило меня встать. А то, что есть во мне от журналиста, побудило меня застыть на месте. Но, прежде чем я успел выйти из своего оцепенения, маленький священник быстрым жестом остановил меня.

- Если ваша светлость соблаговолит выслушать мою просьбу, - сказал он, - и если я сохранил еще право давать вам советы, я бы настоятельно просил, чтобы при нашем разговоре присутствовало как можно больше народу.

Повсеместно я то и дело встречаю сотни людей, среди которых немало даже моих единоверцев, чье воображение поражено суеверием, которое я заклинаю вас разрушить. Я хотел бы, чтобы весь Девоншир видел, как вы это сделаете!

- Сделаю что? - спросил герцог, с удивлением поднимая брови.

- Снимете ваш парик, - ответил отец Браун.

Лицо герцога по-прежнему оставалось неподвижным; он только устремил на просителя остекленевший взор - страшнее выражения я не видел на человеческом лице. Я заметил, что массивные ноги библиотекаря заколебались, подобно отражению стеблей в пруду, и мне почудилось, - как ни гнал я эту нелепую фантазию из своей головы, - будто в тишине вокруг нас на деревьях неслышно рассаживаются не птицы, а духи ада.

- Я пощажу вас, - произнес герцог голосом, в котором звучало сверхчеловеческое снисхождение. - Я отклоняю вашу просьбу. Дай я вам хоть малейшим намеком понять, какое бремя ужаса я должен нести один, вы бы упали мне в ноги, с воплями умоляя меня не открывать остального. Я вас избавлю от этого. Вы не прочтете и первой буквы из той надписи, что начертана на алтаре Неведомого Бога.

- Я знаю этого Неведомого Бога, - сказал маленький священник со спокойным величием уверенности, твердой, как гранитная скала. - Мне известно его имя, это Сатана. Истинный Бог был рожден во плоти и жил среди нас. И я говорю вам: где бы вы ни увидели людей, коими правит тайна, в этой тайне заключено зло. Если дьявол внушает, что нечто слишком ужасно для глаза, - взгляните. Если он говорит, что нечто слишком страшно для слуха, выслушайте. И если вам померещится, что некая истина невыносима, - вынесите ее. Я заклинаю вашу светлость покончить с этим кошмаром немедленно, раз и навсегда.

- Если я сделаю это, - тихо проговорил герцог, - вы содрогнетесь и погибнете вместе со всем тем, во что вы верите и чем вы живете. В один мимолетный миг вы познаете великое Ничто и умрете.

- Христово распятие да пребудет с нами, - сказал отец Браун. - Снимите парик!

В сильнейшем волнении слушал я эту словесную дуэль, опираясь о стол руками; внезапно в голову мне пришла почти неосознанная мысль.

- Ваша светлость! - вскричал я. - Вы блефуете! Снимите парик, или я соблю его у вас с

головы!

Вероятно, меня можно привлечь к суду за угрозу насилием, но я очень доволен, что поступил именно так. Все тем же каменным голосом он повторил "Я отказываюсь это сделать", - и тогда я кинулся на него.

Не менее трех долгих минут он сопротивлялся с таким упорством, как будто все силы ада помогали ему, я запрокидывал его голову назад, покуда наконец шапка волос не свалилась с нее. Должен признаться, что в эту минуту я зажмурил глаза.

Пришел я в себя, услышав громкое восклицание Малла, подбежавшего к нам.

Мы оба склонились над обнажившейся лысиной герцога. Молчание было прервано возгласом библиотекаря:

- Что это значит? Этому человеку нечего было прятать. У него точно такие же уши, как и у всех.

- Да, сказал отец Браун, - вот это ему и приходилось прятать.

Священник подошел вплотную к герцогу, но, как ни странно, даже не взглянул на его уши. С почти комической серьезностью он уставился на его лысый лоб, а затем указал на треугольный рубец, давно заживший, но все еще различимый.

- Мистер Грин, насколько я понимаю, - учтиво произнес он. - В конце концов он все же получил герцогские владения целиком.

А теперь позвольте мне сообщить читателям нашей газеты то, что представляется мне наиболее удивительным во всей этой истории. Эти превращения, в которых вы, наверно, склонны будете увидеть безудержную фантазию на манер персидских сказок, на деле с самого начала (не считая нанесенного мною оскорбления действием) были вполне законны и формально безупречны. Человек с необычным шрамом и обычными ушами не самозванец. Хотя он и носит (в известном смысле) чужой парик и претендует на чужие уши, он не присвоил себе чужого титула. Он действительно и неоспоримо является герцогом Эксмуром. Вот как это произошло, У старого герцога Эксмур и вправду была небольшая деформация уха, которая и вправду была в какой-то мере наследственной. Он и вправду относился к ней весьма болезненно и вполне мог назвать ее проклятием во время той бурной сцены (вне всякого сомнения, имевшей место), когда он запустил в адвоката графином. Но завершилось это сражение совсем не так, как говорят. Грин вчинил иск и получил владения герцога, обнищавший герцог застрелился, не оставив потомства. Через приличествующий промежуток времени прекрасное британское правительство воскресило "угасший" герцогский род Эксмуров и, как водится, присвоило их древнее имя и титул наиболее значительному лицу - тому, к кому перешла собственность Эксмуров.

Этот человек воспользовался средневековыми баснями, - возможно, что, привыкнув склоняться перед знатью, в глубине души он и впрямь восхищался ею и завидовал Эксмурам. И вот тысячи бедных англичан трепещут перед одним из представителей старинного рода и древним проклятием, что тяготеет над его головой, увенчанной герцогской короной из зловещих звезд. На деле же они трепещут перед тем, чьим домом некогда была сточная канава и кто был кляузником и ростовщиком каких-нибудь двенадцать лет назад.

Думается мне, что вся эта история весьма типична для нашей аристократии, как она есть сейчас и каковой пребудет до той поры, пока господь не пошлет нам людей решительных и храбрых".

Мистер Натт положил на стол рукопись и с необычной резкостью обратился к мисс Барлоу:

- Мисс Барлоу, письмо мистеру Финну, пожалуйста.

"Дорогой Финн, Вы, должно быть, сошли сума, мы не можем этого касаться.

Мне нужны были вампиры, недобрые старые времена и аристократия вместе с суевериями. Такие вещи нравятся. Но Вы должны понять, что этого Эксмуров мы никогда не простят. А что скажут наши, хотел бы я знать? Ведь сэр Саймон и Эксмур - давнишние приятели. А потом, такая история погубит родственника Эксмуров, который стоит за нас горой в Брэдфорде. Кроме того, старик Мыльная Водица и так был зол, что не получил

титула в прошлом году. Он уволил бы меня по телеграфу, если бы снова лишился его из-за нашего сумасбродства. А о Даффи вы подумали? Он пишет для нас цикл сенсационных статей "Пята норманна". Как же он будет писать о норманнах, если это всего лишь стряпчий?

Будьте же благоразумны.

Ваш Э. Натт".

И пока мисс Барлоу весело отстукивала послание на машинке, он смял рукопись в комок и швырнул ее в корзину для бумаг; но прежде он успел, автоматически, просто в силу привычки, заменить слово "Бог" на "обстоятельства".

КОНЕЦ ПЕНДРАГОНОВ

Отец Браун не испытывал тяги к приключениям. Не так давно он слег от переутомления, и едва стал поправляться, как старинный приятель Фламбо уговорил его совершить небольшую прогулку на яхте. Вместе с ними в путешествие отправился сэр Сесил Фэншоу, молодой помещик из Корнуолла, влюбленный в свой романтический край.

Отец Браун и в лучшие времена не относился к большим любителям морской романтики. Хотя не в его привычках было роптать и сетовать на судьбу, на этот раз даже простая вежливость, учтивое внимание к собеседнику давались ему с усилием. Спутники патера восхищались лиловыми просветами облаков на закате, причудливыми изломами вулканических пород - он лишь соглашался. Фламбо обратил внимание на скалу, очертаниями напоминавшую дракона.

Взглянув в указанном направлении, отец Браун подтвердил это. Если Фэншоу в приливе восторга говорил, что какая-нибудь глыба вызывает в его воображении образ Мерлина, отец Браун и тут не возражал, а когда Фламбо спросил его, не напоминают ли скалы в устье реки ворота, открывающие путь в волшебную страну, священник лишь пробормотал:

"Да-да, конечно". С видом одинаково безучастным он пропускал мимо ушей и пустяки, и вещи, мало-мальски заслуживавшие внимания, - разговор о том, что далеко не всякому удастся пройти в этих местах возле самого берега, не напоровшись на мель, и о том, что кошка, которую держали на яхте, улеглась спать. Фламбо посетовал на то, что мундштук куда-то запропастился, а лоцман удивил всех загадочным присловьем: "Глянет в оба - верна дорога, одним моргнул - корабль ко дну".

Фламбо предположил, что поговорка, по всей видимости, напоминает лоцману об осмотрительности. Однако Фэншоу заметил, что, как это ни странно, смысл поговорки совершенно иной, ибо речь в ней идет о сигнальных огнях на берегу: если с моря видны оба - один ближе к кромке воды, другой в отдалении, - судно движется по фарватеру, но если огни закрывают один другой, - корабль вынесет на камни. "Великое множество самобытных поговорок, затейливых речений бытует в здешних местах, где все дышит поэзией", - продолжал Фэншоу. Он готов был биться об заклад, что своей славой первой морской державы Англия Елизаветинской эпохи обязана вовсе не Девонширу, а этому уголку Корнуолла. Сам Фрэнсис Дрейк (1540 - 1596) английский мореплаватель, вице-адмирал. Командовал английским флотом при разгроме испанской Непобедимой Армады (1588), по словам юноши, показался бы скромным дилетантом в сравнении с капитанами, знавшими, как свои пять пальцев, каждую бухту, каждый островок у изрезанных девонширских берегов.

Фламбо со смешком поинтересовался, не означает ли старинный боевой клич "На Запад, хэй-хоу!" всего-навсего желание девонширцев перебраться в Корнуолл. Фэншоу отвечал, что не стал бы подшучивать над отважными моряками Корнуолла, дух которых и поныне витает на открытых всем ветрам просторах Юго-Западной Англии. Взять хотя бы старого адмирала, который живет неподалеку. Этот израненный в баталиях морской волк еще в юности открыл Тихоокеанский архипелаг. Восемь островов, не известные дотоле, появились благодаря ему на карте мира. Сесил Фэншоу принадлежал к тому типу людей, которые все на свете готовы принимать с наивной восторженностью. Трудно было

вообразить себе людей более несхожих между собой, чем хрупкий белокурый юноша аристократического сложения с мальчишеским азартом и нежным девичьим румянцем, и широкоплечий Фламбо, чей облик мушкетера подчеркивали густые черные брови и развязность.

Отец Браун слушал и наблюдал, хотя слова спутников проходили мимо его сознания, точно так же, как перестук колес не мешает усталому пассажиру, как примелькавшийся рисунок обоев в комнате человека, прикованного к постели, больше не останавливает на себе взгляда. Разве можно знать заранее, когда наступит решающий перелом в настроении человека, медленно поправляющегося после болезни?

Хандра, в которой пребывал отец Браун, очевидно, усугублялась непривычкой к морским путешествиям, ибо по мере того, как яхта заходила все глубже в устье реки, сужавшееся наподобие бутылочного горлышка, волны успокаивались, а с суши стал долетать теплый, ласковый ветерок, отец Браун оживлялся буквально на глазах и с детским любопытством всматривался в окружающий пейзаж. Наступил краткий предвечерний миг, когда небо и море вдруг светлеют, озаренные последними лучами заходящего солнца, а берег, покрытый растительностью, сливается в сплошную черную массу. Все вокруг было пронизано предчувствием необычного. Погода стояла редкостная. Казалось, будто чья-то рука отвела в сторону тончайшее дымчатое стекло, скрадывающее подлинную сочность и богатство природных красок. Даже темные цвета в такой день обнаруживают больше глубины и блеска, чем светлые краски в обычную погоду. Утоптанная полоса земли по краю берега, торфяные пятна на поверхности заводей вместо грязно-бурых стали охристо-золотыми. Роща, терявшаяся в сплошной серой мгле, походила на поле ярких лиловых цветов, колеблемых ветром. Сказочное пиршество красок, неизъяснимая таинственность природы подействовали на отца Брауна самым притягательным образом. От сковывавшего дотоле сонного оцепенения не осталось и следа.

Легкое прогулочное суденышко пока еще без опаски скользило по заметно сузившемуся устью, однако стремительно надвигавшиеся неровные берега угрожали вот-вот сомкнуться. Деревья по обеим сторонам реки, сбегая почти к самой воде, тянулись друг к другу вершинами, их кроны то сходились, то расходились над головами путешественников наподобие изломанных пролетов фантастического моста, ведущего из волшебной долины в загадочный сумрак лагуны.

И все же, несмотря на вею прелесть этих мест, созерцания одного лишь пейзажа, не оживленного присутствием человека, было недостаточно для того, чтобы занять вновь пробудившийся к активной деятельности пытливый ум священника. Между тем на берегу не было никого, если не считать кучки цыган, которые вышли из леса с охалками хвороста в руках. Темноволосая девушка с непокрытой головой сидела на веслах в маленькой лодке. Ничего особенного в том, что девушка правила лодкой, возможно, не было, но в такой глуши, как эта, самостоятельность юной особы не могла не привлечь внимания. Если движение на берегу и вблизи него заинтересовало священника, то, по-видимому, ненадолго, так как за следующим поворотом реки взорам путешественников открылось удивительное зрелище.

Лесистый островок, словно громадная черная рыба, застрявшая посередине реки, рассекал устье на два рукава.

Яхта шла, не сбавляя скорости, и остров плыл ей навстречу, точно корабль с высоко поднятой носовой частью или очень высокой трубой. Оказалось, что на ближайшей к ним оконечности островка торчит постройка весьма необычного вида и непонятного назначения. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что высота громады создавалась по контрасту с небольшим диаметром строения, представлявшего собой башню, сложенную как попало. Брусья из старого, крепкого дуба соседствовали здесь с наспех оструганными досками, черными, просмоленными, уложенными вкривь и вкось, отчего башня становилась похожа на шутовской балаган. Одно или два окна с цветными витражами в чугунных переплетах обращали на себя внимание хорошей старинной работой. Диковинная башня притягивала к

себе все взгляды.

Так иной раз мы напряженно всматриваемся в предмет, без сомнения, впервые увиденный нами, пытаясь отыскать в нем сходство с чем-то смутно знакомым. Но с чем?

Явления, выходявшие за рамки привычного, никогда не ставили патера в тупик, ибо он привык задумываться над их истоками. И теперь отец Браун вдруг понял: необъяснимая странность всего облика причудливой башни вызывалась несоответствием материала, из которого она была сложена, и приданной ему архитектурной формы, как если бы кому-то вздумалось отлить цилиндр из олова или сшить сюртук из клетчатой шотландки. Он силился припомнить, где и при каких обстоятельствах встречалась ему подобная смесь несочетаемых материалов и деталей. Еще секунда - и он с облегчением рассмеялся. Бросив взгляд сквозь заросли кустарника, он получил ответ. В просвете меж листвой выглянул старинный деревянный дом, обшитый черными панелями, - такие усадьбы и поныне сохранились во многих уголках Англии, хотя большинству из нас они знакомы скорее по макетам на панорамах "Средневековый Лондон" или "Шекспировская Англия". Нескольких мгновений священнику было достаточно, чтобы отметить старомодный и в то же время вполне благоустроенный и ухоженный вид усадьбы, засаженной цветами и нисколько не похожей на несуразную, диковинную башню, на которую, как видно, пошла всякая всячина, оставшаяся после строительства усадьбы.

- Это еще что такое? - спросил Фламбо, поглощенный созерцанием башни.

Фэншоу просиял.

- Ага! Такого вы уж точно не видывали! Понимаете ли вы теперь, почему я пригласил вас сюда? Судите сами, слишком ли я преувеличил заслуги корнуоллских мореходов. Перед вами поместье старого Пендрагона титул древних кельтских вождей и первых британских королей, буквально означающий "Главный дракон" или "Голова дракона". Здесь - просто фамилия. Здесь его все зовут адмиралом, хоть он вышел в отставку, не дослужившись до адмиральского чина. И если предания об Уолтере Рэли (ок.1552 - 1618) английский мореплаватель, организатор пиратских экспедиций, поэт, драматург, историк и Джоне Хокинсе (1532 - 1595) - английский адмирал, один из первых работарговец сохранились лишь в памяти девонширцев, то славный боевой дух Корнуолла и по сей день живет в роду Пендрагонов. О, если бы вдруг воскресла королева Елизавета и ее золоченая барка причалила к этим берегам! Адмирал с почетом проводил бы ее в свой дом, в точности воспроизводящий архитектуру тех построек, какие возводились во времена Елизаветы. Все здесь - от массивных оконных переплетов до обшивки стен в комнатах, от столовой утвари до последнего гвоздя - было бы привычно королеве. И как в ту давнюю пору, когда королева проводила время в обществе Дрейка, в старинном зале раздавались бы пламенные речи настоящего английского моряка, избородившего на легком суденышке морские просторы во славу Британской короны.

- Зато в саду королеву ожидал бы весьма неприятный сюрприз, - вмешался отец Браун.

- Нелепая сторожевая вышка, совершенно выпадающая из стиля Елизаветинской эпохи, портит все впечатление от усадьбы.

- Не скажите, - немедленно отозвался Фэншоу. - Башня не только связана с романтической историей, но и служит напоминанием о Елизаветинской эпохе. Дело в том, что Пендрагоны построили ее во времена Испанской войны.

Разумеется, ее не раз ремонтировали и даже перестраивали - на то была особая причина, но всякий раз башню восстанавливали в ее первоначальном виде. Говорят, что она была заложена на этом самом месте супругой сэра Питера Пендрагона и по высоте равнялась той, что стоит здесь сегодня. С ее вершины хорошо видна излучина реки, переходящая в устье, а леди Пендрагон желала самой первой увидеть корабль мужа, возвращавшегося из Испанского Мейна область Карибского побережья нынешней Латинской Америки.

- Вы упомянули некую особую причину, по которой башню пришлось перестраивать, - заметил отец Браун.

- И на этот счет существует весьма любопытная легенда, с видимым удовольствием

продолжил свой рассказ молодой сквайр. - Позвольте напомнить вам, что вы находитесь в краю живых преданий, который в незапамятные времена был населен феями, где пировали рыцари короля Артура и являлся таинственный Мерлин. Сэр Питер Пендрагон, как утверждает молва, будучи отважным моряком, не брезговал и пиратским промыслом. Однажды в плен к нему попали три испанских гранда, которых он намеревался с почетом доставить ко двору королевы Елизаветы. Будучи от природы нрава свирепого и необузданного, сэр Питер не поладил с одним из своих пленников. В ссоре он схватил испанца за глотку и - по случайности или по злему умыслу - выбросил за борт. Второй испанец, приходившийся братом погибшему, обнажил свой меч и ринулся на Пендрагона. Яростная схватка длилась лишь несколько секунд, до первой крови с обеих сторон, когда сэр Питер вонзил клинок в тело противника. Корабль тем временем входил в залив, приближаясь к мелководью. Последний из испанцев, оставшийся живым, перемахнул через борт и бросился в воду, намереваясь вплавь достичь суши. Вскоре он выбрался на мель, где вода едва доходила ему до пояса, и, воздев руки к небесам, повернулся к англичанам, выбежавшим на палубу корабля.

Ветер далеко разносил слова жуткого пророчества, обращенного к Пендрагону. Проклятому англичанину не удалось убить его, он жив и будет жить вечно, и отныне страшную месть испанца испытают на себе многие поколения Пендрагонов. Нет, его они больше не увидят и не услышат о нем, но пусть знают: всякий раз, как на дом Пендрагонов обрушится беда, - то вызывает к отмщению невинно пролитая кровь. Едва испанец произнес эти слова, набежавшая волна накрыла его с головой. Неизвестно, утонул ли он, или спасся, проплыв под водой, только больше его никто не видел.

- А вот и еще одна девушка в лодке, - невпопад заметил Фламбо, который при виде хорошенькой молодой женщины терял нить любого разговора. - Похоже, загадочная постройка интересует ее не меньше, чем нас.

Лодка и в самом деле огибала таинственный остров. Девушка вела свой челнок медленно, почти не взмахивая веслами, и ее смуглое, нежного овала лицо, обращенное к башне, выражало крайнюю степень любопытства.

Фэншоу досадливо отмахнулся.

- Мир полон девушек, а второй такой башни не сыскать. Подумать только, какое несметное число суеверных домыслов и преданий породило проклятие рода Пендрагонов! Простодушные сельские жители, без сомнения, приписывают злему року все дурное, что когда-либо случалось в этой семье. Мне известно, во всяком случае, что башня дважды, если не трижды сгорала дотла. Да и в остальном семейство старого адмирала счастливым не назовешь. Двое из этого рода погибли на море, причем одна из трагедий повторилась на том же самом месте, где когда-то сэр Питер выбросил за борт испанца.

- Какая жалость! Она поворачивает обратно, - вырвалось у Фламбо.

Отец Браун спросил:

- Когда же ваш друг адмирал поведал вам эту историю?

Девушка тем временем направляла лодку прочь от острова, и яхта, которую Фламбо подводил бортом к этому клочку суши, не вызвала ни малейшего интереса у девушки, чье внимание по-прежнему было поглощено башней.

- Много лет назад, - отвечал Фэншоу. - Адмирал давно уже не выходит в море, хотя морская стихия для него - по-прежнему все. Какая-то история, связанная с семейным договором. Вот и пристань. Давайте сойдем на берег и наведаемся к старику.

Они сошли вслед за молодым сквайром и направились к башне. Отец Браун необычайно оживился. Возможно, настроение поднялось у него потому, что он почувствовал наконец под ногами твердую почву, но не исключено также, что на него подействовало зрелище некоего предмета на противоположном берегу, в направлении которого священник несколько раз бросал пристальные взгляды.

Перед ними открылся вход в тенистую аллею, пролежавшую между двумя оградами из толстых, посеребривших досок, какими часто бывают обнесены сады и парки. Темные кроны

деревьев колыхались в вышине, "словно черно-лиловые плюмажи гигантского катафалка. Вблизи башня производила еще более несуразное впечатление. Ей как будто не доставало чего-то. Они не сразу поняли, что не доставало пары: обычно вход в аллею украшают двумя башнями, располагая их по обеим сторонам дорожки, здесь же торчала лишь одна.

В остальном аллея ничем не отличалась от тех, какие обычно ведут к помещицкому дому, разве что поворачивала несколько раз, и усадьба, в которую упиралась аллея, иногда скрывалась из виду. От того, что дорожка петляла, деревья, которыми она была обсажена, представлялись частью громадного, нескончаемого парка, хотя в действительности подобный парк просто не смог бы поместиться на крохотном островке. Быть может, под влиянием усталости или недомогания отец Браун утратил способность воспринимать вещи такими, каковы они были на самом деле. Ему вдруг показалось, как бывает в тяжелом сне, что все вокруг вырастает до устрашающих размеров. Они кружили по тропинке, точно влекомые монотонным хороводом ритуального танца, как вдруг Фэншоу резко остановился и указал на торчавший из ограды предмет. Он напоминал рог какого-то зверя, застрявший в дереве. При ближайшем рассмотрении рог оказался чуть погнутым металлическим клинком, который слабо поблескивал в догорающем свете дня.

Фламбо, когда-то служивший в армии, склонился над клинком и удивленно воскликнул:

- Подумать только, настоящая сабля. Могу даже сказать, какая именно: такие тяжелые кривые сабли раньше носили артиллеристы. В кавалерии тоже были похожие, но те короче...

Не успел он договорить, как некто высвободил застрявший в щели клинок, и на деревянный забор обрушился новый мощный удар. После этого саблю вновь извлекли из доски, и клинок еще раз сверкнул над забором несколькими футами дальше. Первый же удар по новому месту рассек доску до половины. Пока саблю доставали из проема, вечерняя тишина оглашалась проклятиями, затем последовал новый удар, рассекший доску до самой земли. Толчок нечеловеческой силы вышиб кусок дерева, а образовавшуюся брешь заполнила упругая темная листва.

- Ба! Дорогой мой адмирал! Неужто вы прорубаете новый вход всякий раз, когда вам вздумается подышать воздухом в саду? - не удержался Фэншоу, заглянув в отверстие.

В сумрачной глубине кто-то еще раз чертыхнулся и послышался раскатистый смех.

- Ну конечно, нет. Этот забор заслоняет свет растениям, мне давно хотелось разделаться с ним. А кто справится с такой работенкой, кроме меня? Вот только отхвачу еще немного, и я к вашим услугам, джентльмены.

Сказано - сделано: сабля вновь блеснула в темноте и, взметнувшись вверх, дважды обрушилась на забор, отверстие в котором теперь достигало футов четырнадцати в ширину. Только после этого из мрака леса шагнул в пробоину сам адмирал, держа в руке саблю, на которой была длинная щепка.

Вид этого человека как нельзя более соответствовал образу старого морского волка, который нарисовал им Фэншоу. Однако таково было лишь первое впечатление. При более внимательном взгляде оказалось, что детали, так удачно складывавшиеся в цельную картину, не связаны ничем, кроме случайного сходства. К примеру, треуголка, наподобие той, что носил Нельсон, была самой обычной шляпой, широкие поля которой спереди залихватски загибались кверху, а по бокам обвисали, отчего издали шляпа могла сойти за треуголку, надвинутую на лоб. Простая синяя куртка, даже без всяких блестящих пуговиц, в сочетании с белыми полотняными брюками ничуть не отличалась от морского кителя. Высокий, угловатый, он шагал небрежно, чуть раскачиваясь, как заправский моряк. Сабля у него в руке могла бы сойти за офицерский кортик, несмотря на то, что была вдвое короче. Они увидели перед собой острое лицо с резкими чертами и орлиным носом, гладко выбритое, почти лишенное бровей, как будто опаленное солнцем южных морей. Глаза навывкате смотрели пристально и настороженно.

Своеобразную привлекательность этому лицу сообщал смуглый тропический загар, в котором полнокровный сангвинический румянец соединялся с пламенеющей яркостью

спелого апельсина, и даже матовый оттенок его ничуть не портил, ибо в этой желтизне, напоминавшей скорее блеск золотых яблок в сказочном саду Гесперид в греческой мифологии - дочери Атланта, жившие в волшебном саду, где росла яблоня, приносившая золотые плоды, не было и толики болезненной бледности. Ни разу еще отцу Брауну не доводилось встречать человека, столь ярко и красочно воплощавшего в себе самый дух романтики южных морей.

Представив своих спутников хозяину дома, Фэншоу вновь взял несколько легкомысленный тон и принялся на все лады вышучивать происшествие с оградой, навлекшей на себя непритворный гнев адмирала. Тот сперва отмахивался, отмечая, что докучный круг садовых забот навряд ли может послужить поводом к веселью, но вскоре и его лицо осветилось улыбкой. С добродушным смешком, в котором все же чувствовалась свойственная этому человеку нетерпеливая горячность, он воскликнул:

- Готов согласиться, что я и вправду немного перехватил. Но какое же это наслаждение - крушить без разбору все, что попадет под руку! Понять меня сможет лишь тот, кто всю жизнь бороздил тропические моря в поисках новых земель и встал на якорь возле жалкого клочка суши, затерявшегося в этом болоте. Да, в прежние времена я прорубал себе путь в непроходимых, пропитанных ядовитыми испарениями джунглях, а в руке у меня был лишь кортик, кстати, не такой острый, как моя сабля. Тогда мне ничего не стоило положить мили полторы диких зарослей, а теперь что? Теперь из-за проклятого договора, записанного в нашей семейной Библии, я должен торчать на приколе и развлекаться, обламывая спичечную соломку. Я...

Тут он взмахнул тяжелым клинком и обрушил его на деревянную ограду.

- Вот так-то. А теперь пойдете в дом, вы, должно быть, проголодались.

На овальной лужайке перед домом выделялись три круглые клумбы: одна расцвеченная ярко-красными тюльпанами, другая - желтыми, а третья изумила гостей не виданными ранее белыми, восковой прозрачности цветами, очевидно, вывезенными из какой-нибудь экзотической страны. Грузный, с всклокоченными волосами садовник угрюмо разматывал тяжелый шланг. Последние отблески догорающего заката играли на стенах дома, озаряя шторы в глубине сада. На открытой площадке перед домом, с той его стороны, что выходила на реку, возвышался громоздкий медный треножник с установленной на нем подозрительной трубой, тоже медной. Выкрашенный в зеленый цвет садовый столик как будто напоминал о том, что незадолго перед тем здесь пили чай. Вход в дом украшали два грубых каменных исполина с прорезями вместо глаз и едва намеченными чертами - что-то вроде идолов, которым поклоняются туземцы на островах южных морей. Потемневшая от времени дубовая перекладина над входом была испещрена неясными знаками, по-видимому, также туземного происхождения.

Гости уже входили в дом, как вдруг низкорослому священнику вздумалось взобраться на столик, что он и проделал, ни секунды не медля, причем столь непринужденно, словно ничего не могло быть естественнее, чем вот так, стоя на столе и поблескивая стеклами очков, рассматривать резной брус над дверью. Адмирал Пендрагон замер от неожиданности, однако недовольства не выказал. Зрелище, напоминавшее танец лилипута на эстраде, показалось Фэншоу столь забавным, что он не удержался от смеха. Отца Брауна отнюдь не смутили удивление одного и смех другого.

Изображения, которые созерцал священник, полустертые от времени и плохо различимые, заключали в себе некий смысл, понятный ему одному. На одном из них угадывались контуры башни, увенчанной как бы гирляндой из вьющихся лент. Второе, более отчетливое, запечатлело галерею елизаветинских времен среди живописных волн. Канавка с неровными краями, ведущая к самому центру изображения, могла означать пробоину в судне, если только не была следствием естественного старения. На третьем рисунке была изображена человеческая фигура, полускрытая волнами, которые должна была символизировать проведенная горизонтально зубчатая линия. Черты лица были смазаны, обе руки человека воздеты к небесам.

- Так-так, - сощурился отец Браун, - если я правильно понимаю, мы видим иллюстрации к той самой легенде о пленнике-испанце. Вот здесь он произносит свое проклятие, а вот как оно сбывается: пожар в башне и кораблекрушение.

Пендрагон с вежливым вниманием покачал головой.

- А сколько еще интересных вещей можно было бы увидеть здесь! Скажем, в этой фигуре, рассеченной до половины, усмотреть сходство с мифическим кентавром или получеловеком-полульвом, который часто встречается в старинных геральдических сюжетах. Или взять полосу, перечеркивающую корабль, ну чем не вертикальное сечение геральдического щита? Труднее всего приложить геральдику к третьему сюжету, и все же естественнее в таком случае предположить, что над башней вздымаются вовсе не клубы дыма, а традиционный лавровый венок.

- Странно, что рисунки точно воспроизводят старинное предание, заметил Фламбо.

- Можно ли утверждать с уверенностью, что сама легенда не родилась под влиянием этих рисунков? - скептически спросил хозяин дома. - Кроме того, легенду, о которой вы говорите, у нас рассказывают по-разному. Фэншоу знает толк в старине, он не даст мне соврать. Каких только ужасов не выдумают! Кто говорит, что злосчастный мой предок разрубил испанца пополам. Между прочим, эту прелестную картинку можно понимать и таким образом. Другие договорились до того, что в башне якобы нашли пристанище несметные полчища змей, отсюда и эти завитки.

Третьи готовы усмотреть молнию в косой черте, перерезающей корпус корабля. Уже этот разнобой подскажет человеку, склонному к логическому мышлению, сколь обманчивы кажущиеся совпадения.

- Почему же? - вставил Фэншоу.

- Да потому, - пояснил без особого желания адмирал, - что ни одно из кораблекрушений, которые приносили горе нашей семье, насколько я знаю, не было связано с молнией.

- Вот как! - привнес отец Браун, спрыгивая со столика.

Все помолчали, и только плеск волн нарушал тишину.

- По-вашему, значит, рассказы о пожарах в башне нельзя воспринимать всерьез? - огорченно спросил Фэншоу.

- Всякие есть истории, - пожав плечами, ответил адмирал. - Бывает, такого наговорят... Кто-то из местных возвращался домой лесом, и ему привиделось зарево над башней, или пастуху с горы показалось, что башня горит. Большой глупости, чем пожар в этом треклятом болоте, и представить нельзя.

- Что это горит вон там? - спросил вдруг отец Браун в своей обычной мягкой манере и указал на левый берег реки, покрытый лесом.

Все трое опешили, когда их взорам представилась длинная струйка голубого дыма на фоне тускнеющего вечернего неба. Впечатлительный Фэншоу не сразу пришел в себя, но Пендрагон пренебрежительно скривился.

- Подумаешь, невидаль. Цыгане. Они стоят здесь табором уже неделю. Но прошу вас к столу, джентльмены.

С этими словами он повернулся, намереваясь проводить гостей в дом. Однако Фэншоу, чье доверие к старинной легенде было поколеблено, поторопился удержать его вопросом:

- Вы слышите эти странные звуки? Как будто неподалеку разгорается костер.

- Должен вас разочаровать, - с усмешкой бросил адмирал, входя в дом, плеск воды, и ничего больше. Какая-нибудь лодка проходит мимо.

На пороге вырос дворецкий - тощий субъект с желтоватой лошадиной физиономией и длинными черными волосами, и доложил, что обед подан.

Столовая в доме адмирала походила на кают-компанию, но не елизаветинского парусника, а вполне современного корабля. Правда, над камином красовались три старинные сабли, а на стене висела пожелтевшая карта XVI века, на которой можно было различить тритонов в греческой мифологии - морское божество, сын Посейдона и владычицы морей

Амфитриты. Изображался в виде старца или юноши с рыбьим хвостом вместо ног и точки кораблей, затерявшихся на морских просторах. Антиквариат, однако, проигрывал в сравнении с искусно выполненными чучелами южноамериканских птиц причудливой окраски, сказочными раковинами с берегов Тихого океана и устрашающего вида инструментами, которые вполне могли бы служить людоедам для изощренного умерщвления своих жертв.

Наиболее экзотическую окраску в убранство зала вносили двое слуг-негров, одетых в узкие желтые ливреи. По привычке невольно анализировать свои впечатления, отец Браун заключил, что цвет их нарядов вкупе с аккуратным разрезом фалд наводит на мысль о канарейках, а от канареек мысль переходит к Канарским островам, так что от желтых ливрей до странствий по южным морям рукой подать. Когда обед близился к концу, чернокожие в желтых ливреях скрылись, уступив место желтолицему дворецкому в темном фраке.

- Вы чересчур легкомысленно относитесь к древним преданиям, обратился Фэншоу к хозяину. - А я, по правде говоря, привез своих друзей в надежде, что они окажутся вам полезны. Разгадывать загадки они мастера. Неужто вы и в самом деле не верите в вашу семейную легенду?

- Ни во что я не верю, - отрезал Пендрагон, созерцая алое оперение тропической птички. - И вообще я человек науки.

К изрядному удивлению Фламбо, почтенный патер обнаружил неподдельный интерес и солидные познания в области естественных наук. Поймав адмирала на слове, он завел с ним долгую беседу на эту тему, продолжавшуюся пока не подали десерт и напитки, а дворецкий не удалился окончательно. Тем же тоном, каким до этого он рассуждал об отвлеченных предметах, священник как бы между прочим обронил:

- Боюсь, адмирал, вы сочтете мой вопрос бестактным, но, поверьте, он продиктован отнюдь не пустым любопытством. Не получив на него ответа, я рискую попасть впросак либо причинить вам неудобство. Прав ли я, полагая, что вы не склонны касаться семейных дел в присутствии вашего дворецкого?

Лишенные растительности надбровья адмирала поползли вверх от удивления.

- Не имею представления, как вы могли об этом догадаться, но я и в самом деле не выношу этого типа, хотя, видит Бог, причины рассчитать слугу, который много лет верой и правдой трудился на благо нашей семьи, у меня не было и нет. Наш друг Фэншоу, который свято верит во всякий вздор, покрытый пылью веков, без труда объяснит неприязнь фамильной ненавистью к черноволосым людям, похожим на испанцев.

Фламбо занес над столом тяжелый кулак.

- Да ведь у той красотишки тоже черные волосы!

- Надеюсь, сегодня же вечером, когда возвратится мой племянник, все разрешится само собой, - продолжал адмирал. - Я вижу, вы удивлены. Позвольте мне кое-что объяснить вам. Видите ли, у моего отца было двое сыновей. Я так и не обзавелся семьей, а мой старший брат женился, и его сын, единственный наследник в нашем роду, избрал профессию моряка, которой отдали дань мы все. Мой отец, джентльмены, был престранным человеком. В нем самым непостижимым образом уживались склонность к суевериям, которой грешит наш друг Фэншоу, и скептицизм, не чуждый мне самому, причем оба эти начала непрестанно боролись в нем.

Когда я начинал плавать, он придумал способ разрешить загадку легендарного пророчества, над которой бились многие до него. Он вознамерился выяснить, что же все-таки стоит за проклятием испанца - ряд случайных совпадений или карающая десница возмездия. Суть его идеи состояла в следующем: пока все мужчины из рода Пендрагонов выходят в море, вероятность кораблекрушения, вызванного вполне естественными причинами, достаточно осязаема. Если же Пендрагоны станут выходить в море по одному, да еще в строгом порядке наследования, тогда, полагал отец, роковое предопределение, если оно в действительности тяготеет над нашей семьей, проявит себя в полной мере. Чепуха несусветная, вот что я вам скажу. Из-за этого я и поссорился с отцом, тем более что я всегда

хочу быть первым характер у меня такой, - а тут пришлось дожидаться очереди, да еще уступить место собственному племяннику.

- Простите меня, - негромко произнес священник, - но ваши брат и отец погибли в море?

- Да, - вздохнул адмирал. - И в том. и в другом случае причиной послужило трагическое стечение обстоятельств.

Источником диких суеверий, в которых погрязло человечество, являются подобные истории, лишь кажущиеся сверхъестественными. Корабль, на котором отец возвращался из Атлантики, разбился о рифы у самых берегов Корнуолла.

Судно, на котором находился брат, затонуло по пути из Тасмании. Тело его так и не нашли. Ни в том, ни в другом трагическом происшествии вам не удастся найти ничего такого, что не имело бы самого простого объяснения. Подумайте о том, что на этих же судах встретили свой конец не только мои несчастные родные, но и множество других людей, не имеющих отношения к нашей семье. Мы, мореходы, хорошо знаем, как случаются подобные вещи. Но после этих событий суеверные страхи ожили в наших краях с новой силой, и теперь все готовы судачить о том, что видели объятую огнем башню. Поэтому я очень рассчитываю на благополучное возвращение Уолтера. Девушка, с которой он помолвлен, тоже хотела приехать сегодня, но я представил себе, как встревожит ее малейшая задержка племянника - всякое ведь может случиться в пути, - и телеграммой просил ее повременить с приездом до тех пор, пока я сам не уведомяю ее о том, что племянник сошел на берег. Уверен, что не далее как сегодня вечером он присоединится к нашей компании, и если уж что-нибудь непременно должно зажечься, пусть это будут наши сигары. И за бутылкой шампанского мы навсегда покончим с глупой выдумкой.

- Превосходное у вас шампанское, - отметил священник, торжественно поднимая бокал, - хотя, должен признаться, я не большой любитель вина. О, простите великодушно, - добавил он, так как несколько капель напитка пролилось на скатерть.

Он отпил глоток и поставил бокал, сохраняя торжественно-непроницаемое выражение лица, но был момент, когда рука, державшая бокал, чуть дрогнула: за спиной адмирала в окне показалось смуглое женское лицо, обрамленное черными волосами. Если бы не живые темные глаза, это юное лицо походило бы на застывшую маску греческой трагедии.

Помолчав, священник заговорил в обычной для него благожелательной манере:

- Дорогой адмирал, не откажите мне в любезности. Позвольте мне и моим друзьям провести сегодняшнюю ночь в вашей башне. Надеюсь, вы знаете, что изгнание демонов зла - первейшая обязанность для человека моей профессии.

Пендрагон вскочил на ноги и принялся расхаживать по комнате. Лицо девушки еще раз мелькнуло в окне и скрылось.

- Я уже говорил вам, - сказал он, - что все эти старые сказки выдумки чистой воды. Готов повторить. Можете считать меня атеистом согласен, я атеист. Но знайте, никакой дьявольщины вы здесь не найдете. Трагедии, постигшие наше семейство, объясняются естественным ходом событий.

Он резко обернулся и устремил на священника сосредоточенный взгляд.

- Тем более, - просиял отец Браун, - у вас нет причин отказывать мне.

- Что за нелепая фантазия! - бросил адмирал, выбивая пальцами дробь по спинке стула.

- Простите меня за все. И за пролитое вино тоже, - обратился к хозяину отец Браун с самой подкупающей улыбкой. - У меня все же создалось впечатление, что слухи о горящей башне тревожат вас гораздо сильнее, чем вы хотите показать.

Адмирал Пендрагон сел столь же внезапно, как перед тем вскочил со стула. Но когда он заговорил, голос его звучал спокойно, он уже вполне овладел собой.

- Вы искушаете судьбу. Ей-богу, вы бы сами стали здесь атеистами, чтобы не свихнуться от всей этой чертовщины.

Спустя три часа Фламбо и Фэншоу все еще бродили по темному саду вместе с маленьким священником. До них стало постепенно доходить, что отец Браун вовсе не имеет

намерения отправляться на покой ни в башню, ни в дом.

- Недурно бы взрыхлить газон, - сонно пробормотал достопочтенный патер. - Сейчас я и займусь этим, вот только мотыгу добуду.

Прикрывая досаду ироническими улыбками, друзья следовали за священником. Проповедь, с которой обратился к ним отец Браун, приняв позу, полную достоинства, могла бы и святого вывести из себя.

- Человек всегда может найти себе необременительное занятие, полезное для ближних, - назидательно произнес он.

Мотыги он не нашел и, вооружившись жидкой метелкой из веток, принялся энергично сгребать в кучу опавшие листья.

- Ленишься не годится, - приговаривал он с шутовским воодушевлением. Вспомним, что сказал Джордж Герберт (1593 - 1633) - английский религиозный деятель, поэт:

"Всяк, выметающий сад адмиральского дома у моря, дело благое вершит пред Тобой и законом Твоим".

Он отбросил метлу.

- Займемся цветами. Придется их полить.

Спутников преподобного отца одновременно смешила и раздражала сосредоточенность, с которой он разматывал длинное кольцо поливочного шланга, как бы вслух напоминая самому себе:

- Польем сначала красные, потом желтые тюльпаны.

Земля совсем сухая.

Он отвернул кран, и мощная струя воды ударила из шланга.

- Вы не могли бы поосторожнее? - крикнул Фламбо. - Вот и цветок сломали.

Отец Браун с нескрываемым огорчением посмотрел на беспомощно повисшую головку тюльпана и почесал затылок.

- Признаться, я с ними не очень церемонюсь, - сказал он. - Здоровым растениям небольшой душ на пользу. Жаль, что мотыги я не нашел. Я бы показал вам, как надо работать! Кстати, об орудиях, дорогой Фламбо. При вас ли трость со стилетом, которую вы часто берете с собой? Прекрасно. В таком случае сэр Сесил может воспользоваться той саблей, которую адмирал оставил у ограды. Как быстро стемнело!

- Туман поднимается с реки, - произнес Фламбо, всматриваясь в сгустившиеся сумерки.

В эту минуту на верхней гряде лужайки, устроенной в виде террасы с проложенными вдоль нее стоками для воды, выросла громоздкая фигура косматого садовника, который свирепо крикнул, размахивая граблями:

- А ну, положите шланг и быстро отсюда!

- Простите мою неловкость, - стал застенчиво оправдываться отец Браун, - я ведь, знаете, даже вино за столом умудрился разлить.

Сжимая в руках шланг, из которого хлестала тугая струя, он несмело повернулся к садовнику, и холодная вода картечью полоснула того по лицу. Садовник поскользнулся и рухнул, потеряв равновесие. В воздухе мелькнули ноги в громадных башмаках.

. - Какой ужас! - вскричал почтенный патер, удивленный таким оборотом дел. - Неужели я сбил человека?

Он еще немного постоял, как бы присматриваясь или прислушиваясь к чему-то вдалеке, а затем двинулся к деревянной башне, волоча за собой шланг. Хотя башня была совсем рядом, контуры ее терялись в тумане.

- Туман, говорите, поднимается, - бормотал он на ходу. - Что-то он подозрительно пахнет, этот ваш туман.

- Вы правы, клянусь всеми святыми! - воскликнул сильно побледневший Фэншоу. - Не хотите же вы сказать, что...

- Вот именно, - кивнул патер. - Полагаю, сегодня сбудется один из высоконаучных прогнозов адмирала, и фамильная легенда завершится в дыму и пламени.

Не успел он договорить, как перед ними расцвело изумительное алое зарево. Оно

распускалось гигантским цветком под оглушительное гроыхание и скрежет, подобный сатанинскому хохоту.

- Боже праведный! Что это? - выдохнул сэр Сесил.

- Знамение горящей башни, - отвечал отец Браун, прицеливаясь шлангом в самую сердцевину огненного цветка.

- Какая удача, что мы не легли спать! - воскликнул Фэншоу. - Только подумать, что случилось бы, если бы пожар перекинулся в дом.

- Надеюсь, вы помните, - сосредоточенно сказал священник, - что деревянный забор, по которому пламя могло бы беспрепятственно достигнуть дома, был разрушен не далее как сегодня.

Фламбо бросил на своего товарища горящий возбуждением взгляд.

Фэншоу произнес растерянно:

- Хотелось бы верить, что на этот раз жертв не будет.

- Между прочим, эта башня не совсем обычная, - промолвил отец Браун, она убивает даже на расстоянии.

Устрашающий силуэт с взлохмаченной бородой вновь появился на фоне ночного неба. Он будто подзывал кого-то, но в руках у него были не грабли, а старинная сабля.

За спиной садовника появились два негра, вооруженные кривыми трофейными саблями из коллекции адмирала. Фигуры в желтых ливреях и с черными, как сажа, лицами, на которые падал кровавый отблеск пламени, более всего напоминали дьяволов, явившихся из преисподней с орудиями своих пыток. Зычный голос, раздававшийся из кромешной тьмы, посылал им отрывистые команды. Тень пробежала по лицу священника, едва он услышал этот голос.

Спокойствие, однако, не изменило ему, и он продолжал все так же напряженно следить за островком пламени, который на глазах съежился под струей воды, разрезавшей огонь, словно серебряный меч. Он с силой прижимал пальцем наконечник шланга, заботясь только об одном - о том, чтобы струя воды достигала цели. Это занятие целиком поглотило его, и о захватывающих событиях, разыгравшихся тем временем в ночном саду, он мог судить лишь по звукам, которые раздавались в чаще деревьев, да улавливать самую малость боковым зрением. Друзья услышали от него два кратких распоряжения. Одно звучало так: "Схватите этих негодяев и свяжите покрепче. Веревку снимите с вязанки хвороста. Подумать только, они покушались на мой замечательный шланг!". Затем последовало второе распоряжение:

"Позовите девушку, которую мы с вами видели в лодке. Она сейчас на том берегу, у цыган. Пусть она попросит их натаскать ведрами воды". Высказав то, что он считал необходимым, священник замолчал и подтянул шланг к новому огненному цветку, который полил с тем же безжалостным упорством, с каким незадолго до этого поливал клумбу красных тюльпанов.

Он не обернулся, чтобы взглянуть на загадочное сражение, в котором сошлись поджигатели и те, кто защищал дом от огня. Ему почудилось, что он ощутил подземный толчок, когда Фламбо коршуном налетел на могучего садовника, и они покатались по земле, вцепившись друг в друга мертвой хваткой, поднимая облака пыли. Затем он услышал торжествующий крик Фламбо, который расправился со своим главным противником и принялся за одного из негров. Жалобные вопли чернокожих подсказали священнику, что с ними тоже покончено. Исход схватки, в которой численное превосходство было на стороне врага, решила невероятная физическая сила Фламбо, тем более что четвертый из поджигателей предпочитал держаться под защитой дома, выдавая свое присутствие лишь звуками да колеблющейся тенью. До слуха священника донесся плеск воды, вздымаемой веслами, голос девушки, которая обращалась к цыганам, их гортанные ответы, брезжание пустых ведер, с шумом опускаемых в реку, и наконец - шлепание множества ног, свидетельствовавшее о том, что к месту пожара спешат люди. Но вся эта кутерьма все равно не смогла бы отвлечь его от главного: от единоборства с пунцово рдеющим огненным пятном, которое, несмотря на все его старания, норвило расползтись.

Лишь однажды он едва не поддался искушению любопытствовать, как разворачиваются события в дальнем конце сада. Фламбо вместе с Фэншоу и цыганами, бросившимися к ним на подмогу, устремились в погоню за неизвестным, который все это время пытался укрыться в доме. Вскоре за деревьями раздался вопль изумления и ужаса, который не смог сдержать Фламбо. Затем последовал не то стон, не то вой, весьма отдаленно напоминавший человеческий крик.

Тот, кто издал его, вырвался из цепких объятий преследователей и теперь лихорадочно метался по саду. Раза три он обежал весь островок по периметру, а погоня, не отстававшая от него, напоминала преследование безумца, ускользнувшего из сумасшедшего дома: жертва исходила криком, в руках преследователей были веревки. Зловещий вид этой сцене придавало ее сходство с детской игрой в догонялки, в которую ни с того ни с сего вдруг принялись играть взрослые. Беглец, теснимый со всех сторон, взлетел на высокий берег и бросился в темную воду реки, со всплеском сомкнувшуюся над его головой.

- Боюсь, на этот раз все кончено, - произнес отец Браун с едва заметным волнением. - Он нашел конец, разбившись о камни, где столь многих по его вине постигла смерть.

Ничего не скажешь, умел пользоваться семейной легендой.

- Прошу вас, оставьте свои иносказания, - с нетерпением воззвал к нему Фламбо. - Неужели вы не можете выразиться проще?

Отец Браун до сих пор еще не справился с огненными цветами.

- Можно и проще, - согласился он. - Например, так:

"Глянет в оба - верна дорога, одним моргнул - корабль ко дну".

Языки пламени с шипением гасли под напором воды, которая обрушивалась теперь не только из садового шланга, но и из множества ведер, которые подносили цыгане. Внимательно наблюдая за тем, как тушат пожар, отец Браун закончил свою мысль:

- Жаль, что еще не рассвело, иначе я посоветовал бы молодой леди взглянуть в подзорную трубу. Может статься, она увидела бы кое-что интересное для себя. Скажем, очертания судна на горизонте, а то и мистера Уолтера Пендрагона собственной персоной, направляющего свои стопы к родным пенатам. Не исключено, что фигура жениха представилась бы ей по пояс в воде, ибо теперь, когда он избавился от смертельной опасности, молодой Пендрагон мог бы добраться до берега и вброд. Он ведь был на волосок от смерти, и если бы его невеста не заподозрила неладное в телеграмме, которую ей прислал адмирал, и не поспешила навстречу суженому, еще одно кораблекрушение подтвердило бы семейную легенду. Но оставим в покое старого адмирала. Не надо больше о нем. Вам все станет ясно, если я скажу, что, если смотреть с моря, контур полыхающей в огне башни из просмоленного дерева был точь-в-точь как один из зажженных маяков.

- Вот при каких обстоятельствах погибли отец и брат адмирала. Прямо коварный дядюшка из старой сказки, завладевший богатствами семьи.

Отец Браун не проронил ни слова больше - если не считать ничего не значащих вежливых фраз - до тех пор, пока все трое с комфортом не расположились в каюте яхты перед коробкой с сигарами. Тогда он проводил взглядом последние отблески гаснущего костра. Задержаться на берегу он отказался, хотя, конечно, слышал приветственные возгласы, которыми люди, высыпавшие на пристань, приветствовали молодого хозяина. Будь у отца Брауна романтическая жилка, он, несомненно, задержался бы, чтобы принять благодарность от моряка и его невесты. Но усталость и слабость овладели им с новой силой. Он встрепенулся лишь однажды, когда Фламбо обратил его внимание на брюки, испачканные пеплом от сигары.

- Да нет же, - возразил он устало, - это я во время пожара. Но вы удовлетворились именно таким объяснением, поскольку оба курите сигары. Теперь понимаете, почему у меня зародились первые подозрения насчет карты?

- Вы говорите о карте Тихого океана, что висела в гостиной? любопытствовал Фэншоу.

- Вам казалось, - сказал священник, - что перед вами географическая карта. Попробуйте

положить птичье перо рядом с обломком коралла и каким-нибудь ископаемым, и любой скажет вам, что это музейный экспонат. Возьмем это же перо, присовокупим к нему искусственный цветок, яркую ленточку - обязательно вспомнятся украшения дамской шляпки. Но этого мало. Положите перо возле чернильницы, добавьте фолиант и стопку бумаги. Готово! Рабочий стол писателя. Точно таков был ход вашей мысли, когда вы заметили карту среди раковин и тропических птиц. Разумеется, вы сочли, что это карта южных морей, на деле же перед вами был план здешних мест, на котором тщательно прослеживались все изгибы речного русла.

- Как вы догадались об этом? - изумился Фэншоу.

- Я узнал скалистые утесы, среди которых пролегал путь нашей яхты. Вы же сами их мне показывали: скала, похожая на голову дракона, и еще одна, в очертаниях которой вам почудился скрюченный Мерлин.

- Как же много вы успели заметить, пока мы шли сюда! - удивился сэра Сесил. - А вид у вас был такой безразличный и рассеянный.

Ответ священника был немногословен и прост:

- Меня укачало на яхте, и чувствовал я себя самым скверным образом. Но скверное самочувствие и невнимательность совсем не одно и то же, - прибавил он, закрывая глаза.

- Не многим удалось бы разгадать, что изображено на этой карте, промолвил Фламбо.

Священник ничего не сказал. Он крепко спал.

БОГ ГОНГОВ

Стоял один из тех неприветливых, холодных дней ранней зимы, когда солнечный свет отливает не золотом, а скорее, серебром, или нет - не серебром, а свинцом. Мрачное уныние охватило выстуженные конторы и дремлющие гостиные, но каким же унылым выглядело побережье Эссекса в эту пору! Безлюдное однообразие пейзажа лишь подчеркивали редкие фонарные столбы, напоминавшие о городской цивилизации меньше, чем лесные деревья, и деревья, оставлявшие более несуразное впечатление, нежели фонарные столбы. Тонкий снежный покров стаял, и теперь полосы талого снега, вновь прихваченного печатью мороза, тоже отливали свинцом, а не серебром. Незапорошенная еще свежим снегом полоса огибала самую кромку побережья, почти сливаясь с бледной, пенистой лентой прибоя.

Водная гладь ненатурально яркого цвета представлялась застывшей; так синее кровеносный сосуд на обмороженном пальце. Ни единой живой души на многие мили вокруг, куда ни кинь взгляд, лишь два путника торопливо двигались вдоль берега. Один из них, высокий, длинноногий, шел широким, размашистым шагом.

И место, и время года не располагали к отдыху, но отец Браун нечасто отправлялся куда-нибудь отдыхать. Он уезжал, когда позволяли обстоятельства, предпочитая общество своего давнего друга Фламбо, в прошлом преступника, а теперь детектива. Священнику вздумалось навестить в свой старый приход, и путники направлялись в Кобхоул на северо-востоке побережья.

Пройдя еще несколько миль, они отметили, что морской берег становится более ухоженным и обретает несомненное сходство с курортной набережной, уродливые фонари попадаются все чаще, не становясь, однако, изящнее от избытка украшений. Они миновали еще около полумили, и отец Браун изумленно воззрился на миниатюрный лабиринт, составленный из цветочных горшков, засаженных вместо цветов блеклыми, полого стелющимися растениями. Это походило не столько на садик, сколько на выложенные мозаикой клумбы между извилистыми тропами, на которых располагались скамейки с выгнутыми спинками. В атмосфере этого места он ощутил нечто, говорившее о близости приморского курортного городка, что, впрочем, не представляло для него особенного интереса. Бросив взгляд в глубь набережной, он увидел сооружение, не оставлявшее никаких сомнений.

Массивная курортная эстрада выделялась в серой дымке, словно гигантский гриб на

шести ножках.

- Я полагаю, - заметил отец Браун, поднимая воротник пальто и плотнее заматываясь шерстяным шарфом, - мы приближаемся к курорту.

- Боюсь, - отозвался Фламбо, - перед нами один из тех прелестных уголков, которые уже мало кого прельщают.

Все старания оживить такое место зимой оканчиваются крахом. Исключение составляют, пожалуй, Брайтон да еще несколько известных городов. А это, должно быть, Сивуд, где проводит свои эксперименты лорд Пули. На Рождество он зазвал сюда сицилийских певцов, теперь, говорят, предстоит грандиозный матч по боксу. Да легче сразу утопить это стоячее болото! Здесь так же весело, как в заброшенном железнодорожном вагоне.

Круглая площадка возвышалась прямо перед ними, и священник рассматривал ее с непонятым любопытством, по-птичьему склонив голову набок. Эстрада отличалась обычной для таких построек вычурностью - немного приплюснутый, куполообразный свод, покрытый позолотой, нависал над шестью стройными колоннами, а все вместе вздымалось футов на пять выше уровня набережной на сферической деревянной платформе, напоминая очертаниями барабан. Необыкновенное сочетание снега с искусственным золотом крыши пробудило в памяти Фламбо и его товарища какое-то смутное, ускользающее воспоминание, одновременно изысканное и экзотическое.

- Понимаю, - вырвалось у Фламбо, - это Япония. Помните эти затейливые японские рисунки, на которых снег, покрывающий вершины гор, напоминает сахар, а позолота на крышах пагод блестит, словно пряничная глазурь? Посмотрите-ка, эта сцена точь-в-точь крохотный языческий храм.

- Похоже, - подтвердил отец Браун. - Давайте взглянем на божество этого храма.

С проворством, которого никак нельзя было ожидать от маленького священника, он вскочил на деревянную платформу.

- Великолепно, - отметил Фламбо, и в одну секунду его внушительная фигура тоже появилась на возвышении.

Сколь ни мала казалась разница в высоте между площадкой и набережной, можно было много увидеть в этих пустынных краях. Насквозь продуваемые зимним ветром сады сливались в серое марево подлеска, за ним тянулись приземистые строения одинокой фермы, а за ней не было видно ничего, кроме нескончаемых равнин Восточной Англии.

Взгляд, обращенный в сторону моря, упирался в безжизненное пространство, покой которого не нарушало даже случайное суденышко; чайки, и те как будто не летали, а плавно скользили над водой, словно тающие снежинки.

Возглас, раздавшийся сзади, заставил Фламбо резко обернуться. Голос, как это ни удивительно, исходил откуда-то снизу и потому адресовался скорее к подошвам Фламбо, нежели к нему самому. Он протянул руку и не смог удержаться от смеха. По неизвестной причине помост осел под ногами отца Брауна, и тот провалился вниз ровно на пять футов, отделявших площадку от набережной. Священник, однако, оказался как раз подходящего, а может быть, напротив, недостаточно высокого роста, ибо голова его выглядывала из отверстия в дощатом полу, точно голова Иоанна Крестителя на блюде. Крайнее изумление на лице священника, по-видимому, дополняло сходство.

Фламбо расхохотался.

- Дерево, должно быть, совсем прогнило, - заметил он. - Впрочем, странно, что эти доски выдержали меня, а вам удалось-таки отыскать непрочное место. Сейчас я помогу вам выбраться.

Вместо ответа священник с нескрываемым интересом разглядывал края провалившейся под ним доски, той самой, что казалась прогнившей, и лицо его принимало все более обеспокоенное выражение.

- Пойдемте же, - торопил Фламбо, все еще протягивая к нему руку. - Или вы не собираетесь выходить?

Священник по-прежнему молчал, сжимая в руке обломок щепки. Наконец он задумчиво ответил:

- Выходить? Нет, зачем же. Я намереваюсь войти сюда.

Он нырнул во мрак деревянного подпола с такой поспешностью, что большая шляпа слетела с его головы и шлепнулась поодаль. Теперь только шляпа, лежавшая у самого отверстия, напоминала о том, что секунду назад из него торчала голова достойного пастыря.

Фламбо еще раз огляделся и снова не увидел ничего, кроме морского простора, столь же неприветливого, как заснеженная равнина, и снежной равнины, столь же однообразной, как морская гладь.

Сзади послышалась возня, и маленький священник выбрался наружу еще стремительнее, чем скрылся недавно под обломками доски. Обеспокоенное выражение на его лице уступило место суровой решимости, а чрезмерную бледность можно было объяснить снежным отсветом.

- Ну как? - осведомился его рослый спутник. - Вы увидели божество языческого храма?

- Нет, - ответил отец Браун, - мне удалось найти кое-что поважнее. Я обнаружил следы жертвоприношения.

- Что вы хотите этим сказать, черт побери?

Отец Браун промолчал. Он нахмурился, всматриваясь в расстилавшуюся перед ними даль, и внезапно вытянул палец:

- Что это за дом? Вон там...

Проследив взглядом в указанном направлении, Фламбо увидел угол дома, стоявшего перед фермой, но почти полностью скрытого купаами деревьев. Домик был неказистый, довольно далеко от набережной, однако его кричащая отделка позволяла предположить, что он являет собой такую же часть местных художественных изысков, как эстрада, миниатюрные садики и скамейки с изогнутыми спинками.

Отец Браун спрыгнул с деревянного помоста, Фламбо поспешил за ним. Заросли деревьев поредели, и путники увидели перед собой небольшую, но претендующую на дешевую роскошь гостиницу, каких очень много на курортах.

Подобное заведение в лучшем случае могло похвастать баром или закуской, но уж никак не рестораном. Фасад украшали цветные витражи и блестящая облицовка, а свинцовая поверхность моря и колдовской сумрак деревьев придавали этой мишуре призрачность и печаль. Другим подумалось, что если бы в этой харчевне им и предложили трапезу, то их ожидал бы бутфорский окорок и пустая пивная кружка из тех, что идут в ход на сцене.

Впрочем, что можно сказать заранее? Подойдя ближе, они заметили перед буфетом, по всей видимости, закрытым, одну из тех чугунных скамеек, что украшали садовые дорожки, но эта была значительно длиннее и размещалась вдоль всего фасада гостиницы. Вероятно, ее поместили здесь для того, чтобы посетители могли, сидя на открытом воздухе, наслаждаться видом на море, хотя в такую погоду желающих провести время на воздухе, пожалуй, трудно было сыскать. И все же на круглом столике у самого конца скамейки стояла бутылка шабли, а рядом с ней - тарелка с изюмом и миндалем. Темноволосый молодой человек с непокрытой головой сидел за столиком и смотрел на море, поражая своей неподвижностью.

На расстоянии четырех ярдов незнакомец мог бы сойти за восковую фигуру, но как только путники приблизились к нему еще на ярд, он вскочил, точно чертик из табакерки, и произнес весьма учтиво, хотя и не без достоинства:

- Добро пожаловать, джентльмены. К сожалению, в данный момент я без прислуги, но могу приготовить вам что-нибудь на скорую руку.

- Весьма признательны, - отозвался Фламбо. - Значит, вы хозяин этого заведения?

- Да, - сказал темноволосый, вновь обретая свой бесстрастный вид. Видите ли, мои официанты сплошь итальянцы, и, мне кажется, будет справедливо, если я дам им увидеть, как их соотечественник (лишь бы он не подкачал, конечно) уложит черномазого. Вы слышали, что поединок между Мальволи и Черным Недом все-таки состоится?

- Боюсь, мы не располагаем временем, чтобы подвергнуть серьезному испытанию вашу

любезность, - отозвался отец Браун, - мой друг удовольствуется бокалом шерри, чтобы разогреться и выпить за итальянского чемпиона.

Достоинства шерри никогда не прельщали Фламбо, однако сейчас он не возражал против этого напитка и вежливо поблагодарил хозяина.

- Шерри, сэр, да-да, конечно, - повторял тот, направляясь к дому. - Вы простите меня, если я задержу вас на несколько минут. Как я уже говорил вам, в настоящий момент я без прислуги...

Он двинулся к мертвым окнам погруженного в темноту здания.

- Не стоит беспокоиться, - запротестовал Фламбо.

Хозяин обернулся к нему:

- У меня есть ключи, а дорогу в темноте я найду.

- Я вовсе не хотел... - начал отец Браун.

Его слова были прерваны рокочущим басом, который раздался из самого чрева пустой гостиницы. Оглушительно и неразборчиво прозвучало некое иностранное имя, и хозяин гостиницы рванулся навстречу обладателю грозного баса намного проворнее, чем направлялся за шерри для Фламбо.

Все происшедшее в эту и последующие минуты подтвердило, что он говорил своим гостям правду и ничего, кроме правды. Как потом частенько признавался Фламбо, да и сам отец Браун, ни одно из пережитых ими (иной раз самых отчаянных) приключений не приводило их в трепет, подобный тому, который они испытали, услышав рык великана-людоеда, разнесшийся в безлюдной тишине гостиницы.

- Мой повар! - заторопился хозяин. - Я совсем забыл про него. Он уходит! Шерри, сэр?

И в самом деле, на пороге появилась бесформенная громада, облаченная, как и подобает повару, в белый фартук и белый колпак; однако черная физиономия была преувеличенно важной. Фламбо уже доводилось слышать, что негры бывают превосходными кулинарами, и все-таки неуловимое противоречие между всем обликом негра и его поварскими атрибутами делало еще более странным то обстоятельство, что хозяин откликнулся на зов своего повара, а не наоборот.

Поразмыслив, Фламбо отнес все эти чудеса на счет крутого нрава - ведь капризы поваров экстра-класса давно вошли в поговорку. Появился хозяин с бокалом шерри в руке, и это было хорошо.

- Интересно, - как бы между прочим бросил отец Браун, - отчего на побережье так мало народу? Ведь бой предстоит грандиозный. Мы прошагали несколько миль и встретили только одного человека.

Владелец гостиницы пожал плечами.

- Видите ли, зрители приедут со стороны вокзала, это в трех милях отсюда. Им только бокс и нужен, останутся в гостинице всего на одну ночь. В такую погоду не очень-то позагораешь на берегу.

- Да и на скамейке тоже, - добавил Фламбо, указывая на круглый столик.

- Приходится следить за тем, что происходит вокруг, - отозвался собеседник с непроницаемым видом.

Это был весьма сдержанный молодой человек с правильными чертами болезненно бледного лица. Его темный костюм не привлек бы их внимания, если бы не черный галстук, повязанный слишком высоко, словно подпиравший шею, и заколотый золотой причудливой булавкой. В лице его тоже не было ничего примечательного, кроме одной особенности, впрочем, вполне объяснимой излишней нервозностью, - он щурил один глаз, из-за чего другой заметно увеличивался и даже казался искусственным.

Последовавшее молчание было прервано небрежным вопросом хозяина:

- Так где же вы встретили этого прохожего?

- Самое любопытное, - ответил священник, - что мы встретились неподалеку, близ курортной эстрады.

Фламбо, который, расположившись на скамье, допивал свой шерри, в мгновение ока

вскочил на ноги, изумленно воззрившись на своего товарища. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать, но тут же закрыл его.

- Очень интересно... - задумчиво протянул темноволосый. - И как он выглядел?

- Я видел его в темноте, - начал отец Браун, - но он был... Как уже упоминалось, хозяин гостиницы говорил исключительно правду, и это всякий раз подтверждалось. Слова о том, что повар уходит, в самом буквальном смысле соответствовали истине, ибо в то время, как они беседовали, повар действительно вышел из дома, на ходу натягивая перчатки. Тот, кто в эту минуту красовался перед ними, не имел ни малейшего сходства с бесформенной черной глыбой, закутанной в белое. Теперь повар был щегольски изыскан, одет с иголки, затянут во фрак последней моды так, что его глаза, и без того навывкате, выпирали из орбит. Высокий черный цилиндр на массивной черной голове был с шиком сдвинут набекрень. Меткий галльский юмор уподобил бы такую шляпу восьмерке зеркал. Да и сам негр чем-то напоминал свою глянцево блестящую шляпу. Его темная, лоснящаяся физиономия отражала блики света под всеми восемью углами. Излишне упоминать о белых гетрах и белой манишке. Красный цветок дерзко торчал в петлице, будто только что распустился там. Манера, с которой он держал трость в одной руке и сигару в другой, была подчеркнута нарочитой. Подобная нарочитость приходит на ум всякий раз, когда речь заходит о расовых предрассудках, - эдакое сочетание наивности и бесстыдства.

- Меня ничуть не удивляют суды Линча, - заметил Фламбо, глядя ему вслед.

- А меня, - ответил отец Браун, - перестали удивлять дела, замысел которых нашептан в преисподней. Но, как я уже говорил, - продолжал он в то время, как негр, демонстративно натягивая желтые перчатки, быстро двигался в сторону набережной, немислимый персонаж мюзик-холла в обрамлении мрачного зимнего ландшафта. - Итак, как я уже говорил вам, мне трудно описать внешность встреченного нами человека. Могу сказать лишь, что у него были пышные старомодные усы и бакенбарды, очень темные, возможно, крашенные, ну, знаете, как на фотографиях банкиров-иностранцев. Был длинный лиловый шарф, повязанный вокруг шеи и трепетавший на ветру. У самого горла шарф скреплен наподобие того, как няньки закалывают на ребенке теплый шарф английской булавкой. Только это, - безмятежно продолжал патер, - была не английская булавка.

Человек, сидевший на длинной чугунной скамье, все так же невозмутимо вглядывался в морскую даль. Теперь, когда он застыл в прежней позе, Фламбо готов был спорить, что один глаз у него и впрямь больше другого. Глаза незнакомца были широко раскрыты, и Фламбо показалось, что под его пристальным взором левый глаз увеличивается.

- Это была длинная золотая булавка с выточенной обезьяньей головкой, рассказывал священник, - заколотая весьма необычным образом. Еще на нем было пенсне и широкий черный...

Владелец гостиницы продолжал неподвижно всматриваться вдаль. Глаза на застывшем лице как будто принадлежали двум различным людям. Внезапно он сделал молниеносное движение.

Отец Браун, повернувшийся к собеседнику спиной, мог бы в следующее мгновение ничком упасть замертво. Фламбо не был вооружен, его крупные загорелые руки покоились на самом краю длинной скамьи. Вдруг плечи его напряглись, и он занес чугунную громаду высоко над головой, словно топор палача, готовый вот-вот опуститься. Вертикально вставшая скамья, которую он удерживал руками, походила на железную лестницу, по которой он вот-вот взберется к звездам, приглашая за собой всех остальных. Долговязая тень в мягком полумраке сумерек напоминала фигуру сказочного великана, размахивающего Эйфелевой башней. Эта чудовищная тень и лишь затем предошущение страшного удара испугали хозяина гостиницы. Бросив плоский, блестящий кинжал, он ретировался в дом.

- Бежим скорее! - крикнул Фламбо, яростно отшвыривая уже ненужную скамью.

Он подхватил под руку своего низкорослого спутника и потащил его сквозь оголенную пустошь сада, упиравшегося в закрытую калитку. Здесь Фламбо пригнулся, помолчал, затем произнес:

- Дверь на замке.

В это время с верхушки одной из декоративных елей слетело черное перо и опустилось наземь, задев поля его шляпы. Это испугало его сильнее, чем негромкий хлопок, прозвучавший в отдалении за секунду до того. Последовал еще один хлопок, и дверь, которую пытался открыть Фламбо, вздрогнула от всажённой в нее пули. Фламбо вновь распрямил напрягшиеся плечи, фигура его изменила привычные очертания. Три скобы и замок были сорваны в один миг, и он вылетел на безлюдную дорожку, высоко поднимая над собой дверную раму, подобно Самсону библейский герой, совершил многие подвиги в борьбе с филистимлянами, несущему врата Газы.

Он как раз перебрасывал выломанную дверь через изгородь, когда третий выстрел взрыхлил снег у него под ногами. Более не церемонясь, он подхватил маленького патера, усадил его к себе на плечи и помчался по направлению к городу со всей скоростью, на которую был способен этот длинноногий великан. Так он пробежал не менее двух миль, прежде чем опустил священника на землю. Бегство друзей трудно было назвать достойным отступлением, хотя в памяти возникал классический образ Анхиса Анхис - в греческой и римской мифологии - отец Энея. Слепленного Анхиса в ночь падения Трои Эней вынес на своих плечах из горящего города, но отец Браун все-таки расплылся в улыбке.

- Послушайте, - произнес Фламбо, когда они снова перешли на размеренный шаг в одном из переулков, где можно было не опасаться внезапного нападения, - я совершенно не понимаю, что все это значит, но если глаза не обманывают меня, то человек, которого вы так подробно описали, вам не встречался.

- В определенном смысле я встретился с ним, - ответил священник, нервно покусывая палец, - но было темно, и я не смог как следует рассмотреть его. Это произошло под той самой деревянной эстрадой. Боюсь, мое описание страдало неточностью, все-таки его пенсне было разбито, а тонкая золотая булавка вонзалась не в лиловый шарф, а прямо в сердце.

- По-видимому, этот тип с оловянными глазами как-то с ним связан, заметил Фламбо, понизив голос.

- Если он имеет ко всему этому отношение, то весьма отдаленное, - с озабоченным видом промолвил отец Браун. - Может быть, я поступил неверно, повинуюсь минутному порыву. Вероятно, у истории этой - тайная и зловещая подоплека.

Молча они миновали еще несколько улочек. В холодных голубоватых сумерках зажигались желтые фонари, все говорило о близости центра. Стены домов украшали броские афиши, извещавшие о поединке между Черным Недом и Мальволи.

- Знаете, - сказал Фламбо, - мне ни разу не доводилось убивать, даже в те времена, когда я был не в ладах с законом, но я почти сочувствую тому, кто пошел на убийство в этих ужасных местах. Из множества забытых Богом углов больше всего надрывают душу такие, как эта курортная эстрада, задуманная для развлечений, а теперь заброшенная. Я представляю себе некую личность с больной психикой, которая в окружении этого издевательски безлюдного пейзажа ощущает непреодолимую жажду убийства. Помню, я бродил среди ваших знаменитых холмов Суррея, не думая ни о чем, кроме жаворонков да полевого дрока, что попался у меня на пути. Внезапно моему взору открылось округлое пространство, и тут же надо мною вздыбилась безгласная многоярусная громада, колосс, напоминающий римский амфитеатр, и при этом совершенно пустой. Высоко в небе парила птица. Это был стадион в Эпсоме город в графстве Суррей, один из центров коневодства, традиционное место скачек. И я вдруг почувствовал, что ни один человек никогда больше не будет здесь счастлив.

- Как странно, что вы завели речь об Эпсоме, - отозвался патер. - Вы припоминаете так называемое саттонское преступление? Оба подозреваемых, мороженщики, если мне не изменяет память, жили в Саттоне. Впоследствии, правда, их освободили. Говорили, что убитый был найден задушенным как раз в той части Эпсома. Мне стало известно от одного ирландского полицейского, моего приятеля, что жертву обнаружили близ эпсомского стадиона. Тело было скрыто за одной из распахнутых дверей.

- И впрямь странно, - согласился Фламбо, - хотя это подтверждает мою мысль о том, что опустевшие места развлечений наводят невыносимую тоску. Если бы это было не так, навряд ли бы здесь совершилось убийство.

- Я не вполне уверен, что убийство... - начал отец Браун и запнулся.

- Не уверены в том, что это убийство? - спросил его спутник.

- В том, что оно совершено в таком уж безлюдном месте, - просто закончил священник.

- Разве вам не кажется, что в этом-то безлюдье и заключается подвох? Неужели матерому убийце и впрямь необходимо полное уединение? А ведь человек почти никогда не остается совершенно один.

Более того, чем пустынное местность, тем легче заметить человека. Нет, я думаю, тут другое... Кстати, вот и дворец или как он здесь называется.

Они вышли на небольшую, ярко освещенную площадь, самое приметное здание на которой украшали кричащие афиши и огромные фотографии.

- Ну и ну! - в величайшем изумлении вскричал Фламбо, наблюдая, как священник взбирается по широким ступеням. - Я и не знал, что в последнее время вы увлеклись кулачным боем. Хотите посмотреть матч?

- Не думаю, что матч состоится, - бросил отец Браун.

Они стремительно миновали фойе, анфиладу помещений и, наконец, зрительный зал, расчерченный рядами поднимавшихся мягких сидений и лож, опутанных канатами. Патер шел все тем же быстрым шагом и не глядя по сторонам, пока они не приблизились к конторке с надписью "Комитет". Лишь тогда он остановился и попросил служащего проводить его к лорду Пули.

Посетителям сообщили, что лорд чрезвычайно занят перед началом поединка, однако священник выказал способность добродушно и терпеливо повторять одно и то же, чему люди с бюрократическим складом ума, как правило, не способны противостоять. Спустя несколько мгновений совершенно сбитый с толку Фламбо предстал перед человеком, который выкрикивал указания вслед другому человеку, выходящему из комнаты: "Поосторожнее там с канатами после четвертого... А вам что здесь нужно?"

Лорд Пули был джентльменом и, подобно большинству уцелевших представителей этого сословия, вечно мучался денежными проблемами. Его льняные волосы припорошило сединой, глаза горели нетерпеливым блеском, нос был какой-то обмороженный.

- Всего несколько слов, - проговорил отец Браун. - Я пришел сюда, чтобы не совершилось убийство.

Лорд Пули подскочил в кресле, будто подброшенный пружиной.

- Черт меня побери, больше не вынесу, - закричал он.

Да-да, всех вас с вашими петициями, комитетами и святошами! Можно подумать, раньше, когда боксеры бились голыми руками, святых отцов это просто не касалось. Теперь у них есть защитные перчатки, так о каком же убийстве вы ведете речь?

- Я не имел в виду выступающих, - пояснил маленький патер.

- Так-так, - заметил аристократ с ледяным сарказмом. - Кого же тут собираются убить? Не судью ли?

- Я не знаю, кто именно будет убит, - ответил отец Браун, задумчиво глядя перед собой.

- Если бы я знал, не пришлось бы лишать вас удовольствия, я бы просто помог ему скрыться. Собственно говоря, я не имею ничего против подобных состязаний, однако сейчас вынужден обратиться к вам с просьбой. Отмените матч!

- Всего-навсего? - иронически осведомился лорд, лихорадочно блестя глазами. - Как же вы объясните это двум тысячам зрителей?

- Я бы сказал им, - ответил патер, - что после боя в живых останутся одна тысяча девятьсот девяносто девять человек.

Лорд Пули бросил взгляд на Фламбо.

- Ваш приятель, по-видимому, не в себе? - спросил он.

- Ничего подобного! - возмутился сыщик.

- Послушайте, - продолжал беспокойный Пули, - дело гораздо серьезнее. Болеть за Мальволи съехалась целая шайка итальянцев, или кто они там, чернявенькие такие, нахальные субъекты. Вы представляете себе, что за народ эти южане? Стоит мне только заикнуться о том, что поединок отменяется, сюда нагрянет вся корсиканская банда во главе с Мальволи.

- Боже мой, речь идет о жизни и смерти, - произнес священник. - Скорее звоните в свой колокольчик и передайте объявление. И посмотрим, кто здесь появится первым.

На лице аристократа проступила заинтересованность; он потянулся к колокольчику, стоявшему на столе. Служащий явился почти мгновенно, и лорд Пули бросил ему:

- Мне нужно сделать важное сообщение для публики.

Будьте любезны, предупредите обоих претендентов, что бой придется отложить.

Некоторое время клерк смотрел на него остановившимся взглядом, словно перед ним вдруг возникло привидение, а затем исчез за дверью.

- Какие доказательства вы можете представить? - отрывисто произнес лорд Пули. - От кого вы получили эти сведения?

- Сведения я получил на курортной эстраде, - признался отец Браун, почесывая затылок. - Впрочем, нет, не только там. Я вычитал их в книге, которую приобрел в Лондоне, и весьма недорого, кстати.

Он извлек из кармана пухлый томик небольшого формата в кожаном переплете, и Фламбо, заглянув через плечо, отметил, что это старинное описание путешествий. Один лист в книге был загнут.

- "Единственной формой, в которой культ вуду народные верования, распространенные среди коренного населения Гаити, - смешение элементов католицизма и африканских религиозных культов. В англоязычной литературе вуду традиционно считается формой черной магии и связывается с вампиризмом, каннибализмом, сексуальными оргиями, а также с понятием "зомби" - живых мертвецов..." - начал вслух читать отец Браун.

- В которой что? - переспросил аристократ.

- "...культ вуду, - не без удовольствия повторил отец Браун, - широко распространился за пределами Ямайки, служит поклонение духу Обезьяны или богу Гонгов. Эта форма культа имеет большое влияние в обеих частях американского континента, в особенности среди метисов, многие из которых по внешнему виду неотличимы от белых. Такая разновидность поклонения злым духам посредством человеческого жертвоприношения отличается от других тем, что кровь жертвы проливают не на алтаре во время торжественного обряда, но в гуще людской толпы. Под оглушительные звуки гонгов открываются двери святилища, и бог Обезьян предстает восторженным взорам молящихся, а после этого..."

Дверь комнаты распахнулась, и на пороге, словно в портретной раме, вырос элегантный негр. Глаза его просто выкатывались из орбит, черный шелковый цилиндр был все так же чуть сдвинут набок.

- Эй, - завопил он, по-обезьяньи обнажая зубы, - эй, вы что тут? Грабите цветного джентльмена, отбираете его приз? Хотите спасти этого труса-итальяшку?

- Поединок всего лишь откладывается, - спокойно ответил лорд Пули. Через несколько минут я вам все объясню.

- А вы кто такой, чтобы... - вскричал Черный Нед, приходя в бешенство.

- Я лорд Пули, - отозвался аристократ с достойной сдержанностью, секретарь организационного комитета.

Советую вам немедленно выйти из комнаты.

- А это еще кто? - чернокожий боксер презрительно указал на священника.

- Меня зовут Браун, - промолвил тот, - и я советую вам незамедлительно покинуть эту страну.

Несостоявшийся чемпион в ярости застыл на месте, но вдруг, к вящему изумлению Фламбо, как, впрочем, и всех остальных, рванул прочь, с шумом захлопнув за собой дверь.

- Вы любите Леонардо да Винчи? - спросил отец Браун, разглядывая плакат и ероша

тусклые волосы. - Великолепная итальянская голова.

- Знаете что, - не выдержал лорд Пули, - поверив вам на слово, я поступил на свой страх и риск. Теперь, я полагаю, вы объясните нам, в чем дело.

- Вы совершенно правы, милорд, - ответил патер, - и мой рассказ не будет слишком долгим.

Он засунул кожаный томик в карман пальто.

- Я думаю, мы и без того уже многое понимаем, но, чтобы убедиться в моей правоте, вам стоило бы заглянуть сюда. Негр, который только что удалился, принадлежит к числу опаснейших людей на свете, ибо ум европейца сочетается в нем с кровожадными инстинктами дикаря. Аккуратную маленькую бойню, столь привычную его соплеменникам, он превратил в тайное сообщество убийц, пользующихся самыми последними достижениями науки. Правда, ему неизвестно ни то, что я знаю об этом, ни тем более то, что у меня нет доказательств.

Все молчали, и священник продолжил свой рассказ.

- Допустим, я хочу кого-нибудь убить. Разумно ли остаться наедине с жертвой?

Лорд Пули взглянул на маленького патера, и глаза его вновь блеснули ледяным сарказмом, но вслух он произнес:

- Если вы хотите кого-то убить, я бы посоветовал вам поступить именно так.

Отец Браун отрицательно покачал головой, будто был весьма искушен в убийствах.

- Вот и Фламбо так считает, - со вздохом вымолвил он. - Но подумайте сами: чем сильнее человек ощущает свое одиночество, тем менее он должен быть уверен, что он действительно один. На самом деле его окружает пустое пространство, и он особенно заметен. Вы видели когда-нибудь с вершины холма, как пахарь одиноко бредет за плугом? А пастуха среди долины? Приходилось ли вам, взобравшись на скалу, видеть одного-единственного человека на песчаном берегу? Вы бы заметили, если бы он расправился с крабом? Так неужели от вас ускользнуло бы, если бы он расправился с кредитором? Нет, нет и нет! Умный убийца, скажем, вы или я, никогда бы не стал искать полного одиночества, ведь это невозможно.

- А что бы он сделал?

- Только одно, - ответил маленький священник. - Он сделал бы так, чтобы окружающие смотрели в совершенно ином направлении. Человек задушен прямо у стадиона в Эпсоме. Да будь стадион пустым, всякий мог бы случайно увидеть преступление, - от бродяги, устроившегося под забором, до мотоциклиста на проселочной дороге. Но никто ничего не заметил на переполненном стадионе, когда трибуны бушевали, а всеобщий фаворит выходил, или не выходил, в финал. Галстук жертвы превращается в удавку, тело спрятано за распахнутой настезь дверью - и все это в один момент, в тот самый, нужный момент. Именно так, должно быть, случилось, - продолжал он, обращаясь к Фламбо, - с тем беднягой, чье тело я обнаружил под деревянным настилом. Убитого сбросили в провал, который отнюдь не был случайным, в кульминационный миг концерта, скажем, в ту минуту, когда смычок знаменитого скрипача с силой ударил по струнам или великий певец взял необыкновенную ноту.

Точно так же в нашем поединке удар, который отправил бы противника в нокаут, оказался бы не единственным в этом зале. Вот такой маленький фокус перенял у своего бога Гонгов чернокожий боец.

- Кстати, итальянец... - начал лорд Пули.

- Он к этой истории не имеет никакого отношения, - заверил отец Браун. - Да, он привез сюда нескольких своих соотечественников, но наши милейшие приятели - не итальянцы. Это мулаты, кварталеры, окероны, африканские полукровки, хотя для нас, англичан, все иностранцы, если они грязны и темноволосы, на одно лицо. Кроме того, - добавил он, улыбнувшись, - боюсь, англичане не слишком склонны различать заповеди моей религии и дикарские верования вуду.

Прежде чем обоим друзьям довелось вновь побывать в Сивуде, и задолго до того, как

полностью утихла буря погони за тайным обществом, в маленький курортный городок нагрелся весенний сезон. Прибрежную полосу заплотнили семьи отдыхающих, купальщики, странствующие проповедники, негры-оркестранты.

Заговорщики вместе с их странными целями рассеялись в неизвестности. Тело человека из гостиницы обнаружили на мелководье, запутавшимся в морских водорослях; правый глаз его был мирно прикрыт, левый же, поблескивавший, как стекло в лунном свете, смотрел в небо.

Черного Неда удалось схватить, но он ударом левой руки уложил на месте троих стражей порядка. Оставшийся в живых полицейский был поражен в прямом и в переносном смысле, и негр сумел скрыться. После этого инцидента всю английскую прессу начало лихорадить, и еще несколько месяцев спустя во всей Британской империи не было важнее заботы, чем помешать черному тузу (каковым во всех отношениях был негр) ускользнуть через морские ворота страны.

Все, кто хотя бы отдаленно напоминал его, подвергались допросам с пристрастием, и многим приходилось тереть лицо, дабы подтвердить, что его бледность не вызвана толстым слоем белил. Всех до единого негров, живущих в Англии, обязали подчиняться строгому режиму и регулярно отмечаться в полицейском участке. Капитан корабля, выходящего в море, скорее предпочел бы иметь на борту исчадие ада, нежели чернокожего пассажира. Люди наконец осознали, насколько чудовищна, всеохватна и незаметна власть дикарского сообщества. Словом, к тому времени, когда Фламбо и отец Браун, остановившись у парапета набережной, наслаждались апрельским днем, слова "черный человек" означали в Англии почти то же самое, что они некогда значили в Шотландии Черным человеком в Шотландии называли дьявола. Заметим, что Честертон говорит о выдуманной ситуации. Если читать его книги подряд, то можно видеть, что он ни в коей мере не был расистом; мало того - он неоднократно порицал расизм. А вот недоверие к языческим "религиозным сообществам" у него было, хотя только в тех случаях, когда речь шла о "беспоклонстве", как он назвал такую религию в трактате "Вечный человек".

- Он, должно быть, все еще в Англии, - заметил Фламбо, - и при этом здорово прячется. Попробуй он отбелить лицо, его бы непременно задержали в одном из портов.

- Видите ли, - виновато ответил священник, - он умный человек. Конечно, он не станет делать лицо светлее.

- Как же он поступил бы? - спросил Фламбо.

- Я полагаю, - ответил отец Браун, - он постарается сделать его еще темнее.

Фламбо остановился, взявшись за парапет, и захохотал.

Отец Браун, тоже опершись о перила, шевельнул пальцем, указывая на мнимых негров, которые пели внизу, в дюнах В Англии, чаще всего на курортах, были (и, видимо, есть) оркестры, в которых музыканты и певцы мажут черным лицо, изображая негров.

САЛАТ ПОЛКОВНИКА КРЭЯ

Отец Браун шел домой, отслужив раннюю мессу. Медленно испарялся туман; начиналось странное белое утро, когда самый свет кажется невиданным и новым. Редкие деревья становились все четче, словно их нарисовали серым мелком, а теперь обводили углем. Впереди зубчатой стеною возникли дома предместья, и тоже становились четче, пока священник не различил те, чьих хозяев он знал сам или понаслышке. Двери и окна были закрыты, здесь никто не встал бы так рано, тем более - к мессе; но когда отец Браун проходил мимо красивого особняка с верандой и садом, он услышал удивительные звуки и остановился. Кто-то стрелял из пистолета, револьвера или карабина; однако удивительным было не это, а то, что выстрелам вторили звуки послабее. Священник насчитал их шесть, принял за эхо и тут же отказался от этой мысли, ибо они ничуть не походили на самый звук. Они вообще ни на что не походили, и священник растерянно перебирал в уме фырканье сифона, подавленный смешок и какой-то из неисчислимых звуков, издаваемых животными.

Все было не то.

Отец Браун состоял из двух людей. Один, прилежный, как первый ученик, скромный, как подснежник, и точный, как часы, тихо и неуклонно выполнял свои смиренные обязанности. Другой, мудрец и созерцатель, был много сложнее и много проще. Мы позволим себе назвать его свободомыслящим в единственно разумном смысле этого слова: он задавал себе все вопросы, до которых додумался, и отвечал на те из них, на какие мог ответить. Это шло само собой, как работа сердца или легких; однако он не позволял размышлениям вывести его за пределы долга. Сейчас он оказался на распутье. Он уговаривал себя, что незачем лезть не в свое дело, и в то же время перебирал десятки домыслов и сомнений. Когда серое небо Сдало серебряным, он увидел, что стоит у дома, принадлежащего майору Пэтнему, служившему прежде в Индии, и вспомнил, что выстрелы нередко вызывают последствия, до которых ему есть дело. Он повернулся, вошел в калитку и направился к дому.

На полдороге, в стороне, стоял невысокий навес (как выяснилось позже, там были мусорные ящики). Рядом с ним появилась серая тень и, в свою очередь, становясь все четче, сгустилась в лысого коренастого человека с багровым лицом, которое обретают те, кто долго и упорно пытается совместить восточный климат с западной неумеренностью. Лицо это окружала неуместным сиянием шляпа из пальмовых листьев; вообще же человек еще не оделся или, если хотите, еще не снял ярко-желтой пижамы в малиновую полоску.

По-видимому, он выскочил из дома, и священник не удивился, когда он спросил без церемоний:

- Слышали?

- Слышал, - отвечал отец Браун. - Потому и зашел.

Может быть, нужно помочь?

Майор как-то странно поглядел на него и снова спросил:

- Что это, по-вашему?

- Револьвер, - предположил священник. - Только эхо очень странное...

Хозяин смотрел на него, но тут дверь распахнулась, свет ринулся потоком сквозь белый туман, и в сад выбежал еще один человек в пижаме. Он был выше хозяина, стройнее, сильнее, а пижама у него была поскромней белая с бледно-желтым. Орлиный нос, глубокие глазницы и странное сочетание очень темных волос с рыжеватыми усами свидетельствовали о том, что он и красивей майора; но все это отец Браун разглядел позже. Сейчас он заметил одно - револьвер в его руке.

- Крэй! - воскликнул майор. - Это вы стреляли?

- Я, - ответил темноволосый человек, - Вы бы и сами выстрелили! Покоя не дают, мерзавцы!..

Майор поспешил прервать его.

- Вы не знакомы с полковником Крэем? - спросил он священника. - Он артиллерист.

- Я о нем слышал, - простодушно сказал священник и обратился к Крэю: Попали?

- Кажется, да, - серьезно ответил Крэй.

- А он что? - спросил майор, почему-то понизив голос.

- Чихнул, - отвечал полковник.

Отец Браун поднял руку, словно хотел хлопнуть себя по лбу, так бывает, когда человек вспомнит чью-то фамилию.

Теперь он знал, какой звук и похож, и не похож на фыркание сифона или собаки.

- Кто же это был? - спросил он. - Грабитель?

- Пойдемте в дом, - довольно резко сказал майор Пэтнем.

Даже после того, как майор выключил свет, в доме было светлее, чем в саду, - так бывает очень ранним утром. Отец Браун удивился, что стол накрыт по-праздничному, салфетки в кольцах сверкают белизной и возле каждого прибора стоит шесть причудливых бокалов. В такое время суток можно обнаружить остатки вчерашнего пиршества, но не приготовления к сегодняшнему.

Пока он думал об этом, майор пробежал мимо него и оглядел стол.

- Украли серебро! - крикнул он, тяжело дыша. - Рыбные ножи и вилки... Старинный судок... Даже мисочку для сметаны... Теперь я отвечу вам, отец Браун. Да, это грабитель.

- Нет, - упрямо сказал Крэй. - Я знаю, почему лезут в этот дом. Я знаю, почему...

Майор похлопал его по плечу, словно больного ребенка, и проговорил:

- Вор, вор. Кому же еще?

Когда неутомимый гость снова понесся к выходу, он тихо прибавил:

- Не знаю, вызывать ли полицию. Мой друг, говоря строго, не имел права стрелять. Понимаете, он долго жил в диких краях и теперь ему что-то мерещится.

Они окунулись снова в утренний свет, чуть потеплевший от солнца, и увидели, что полковник согнулся вдвое, изучая траву газона или гравий дорожки. Майор направился к нему, а священник обошел дом и направился к навесу.

Минуты полторы он разглядывал помойку, потом подошел к ней вплотную, поднял крышку и заглянул в ящик.

Пыль окутала его, но он замечал все на свете, кроме собственной внешности. Стоял он так, словно ушел в молитву, а когда очнулся, присыпанный прахом, рассеянно побрел прочь.

У калитки он увидел маленькую группу людей, и это рассеяло его печальную озабоченность, как солнце рассеяло туман. В людях не было ничего особенно утешительного, они просто рассмешили его, словно диккенсовские персонажи. Майор оделся, и теперь на нем был пунцовый индийский пояс и клетчатый пиджак. Он пылко спорил с поваром, уроженцем Мальты, чье горестное, изможденное, желтое лицо не совсем удачно сочеталось со снежно-белым колпаком. Повар горевал не зря: майор увлекался кулинарией и, как все любители, знал больше, чем профессионал. Полковник Крэй, все еще в пижаме, ползал по саду, выискивая следы вора, и часто в порыве гнева хлопал ладонью по земле. Увидев его, священник подумал, что "мерещится" - слишком мягкий эвфемизм.

Рядом с поваром стояла женщина, которую священник знал, Одри Уотсон. Майор был ее опекуном, она вела его хозяйство. Судя по переднику и засученным рукавам, сейчас она выступала во второй из своих ролей.

- Вот и прекрасно, - говорила она. - Давно собираюсь выбросить этот старомодный судок.

- А мне он нравился, - возражал майор. - Я сам старомоден.

- Что ж, - сказала Одри, - вам нет дела до вора, а мне нет дела до завтрака. В воскресенье не купишь уксуса и горчицы. Неужели вы, восточные люди, обойдетесь без острых приправ? Жаль, что вы попросили Оливера проводить меня к поздней мессе. Она кончится к половине первого, полковник уедет раньше. Как вы тут справитесь одни?

- Справимся, справимся, - сказал майор, ласково глядя на нее. - У Марко много соусов, да мы и сами себя неплохо кормили в довольно диких местах. А вам надо развлечься, все хозяйничаете. Я ведь знаю, что вы хотите послушать музыку.

- Я хочу пойти в церковь, - сказала она. Глаза ее были суровы.

Она была одной из тех женщин, которые никогда не утратят красоты, ибо красота их не в свежести и не в красках, а в самих чертах. Волосы ее напоминали о Тициане и пышностью своей, и цветом, но около рта и вокруг глаз уже лежали тени, свидетельствовавшие о том, что какая-то печаль точит ее, как точит ветер развалины греческого храма. Происшествие, о котором она говорила так серьезно и твердо, было скорее смешным, чем печальным. Отец Браун понял из разговора, что одержимый полковник должен уехать до полудня, а Пэтнем, не желая отказаться от прощального пиршества, приказал подать особенно роскошный завтрак, пока Одри пребывает в храме. Она шла туда под присмотром своего старого друга и дальнего родственника, доктора Оливера Омана мрачного и ученого врача, который, однако, так любил музыку, что готов был ради нее пойти даже в церковь. Все это никак не оправдывало трагической маски; и, ведомый чутьем, священник направился к безумцу, ползавшему по траве.

Завидев коротенькую фигурку, полковник поднял взлохмаченную голову и удивленно

уставился на непрошеного гостя. И впрямь отец Браун по какой-то причине пробыл здесь гораздо дольше, чем требовала, - нет, гораздо дольше, чем позволяла вежливость.

- Думаете, я спятил? - резко спросил Крэй.

- Думал, а теперь не думаю, - спокойно отвечал отец Браун.

- Что это значит? - вскричал полковник.

- Сумасшедший лелеет свою манию, - объяснил священник. - А вы все ищете следы вора, хотя их нет. Вы боретесь с наваждением. Вы хотите того, чего не хочет ни один безумец.

- Чего же? - спросил Крэй.

- Доказательств против себя, - сказал отец Браун.

Он еще не кончил фразы, когда полковник вскочил на ноги, глядя на него встревоженным взором.

- Ах ты, вот это правда! - вскричал он. - Они твердят мне, что вор хотел украсть серебро. И она, - он указал на Одри, хотя священник понял и без того, о ком идет речь, - и она говорит мне, что жестоко стрелять в бедного безобидного вора и обижать бедных безобидных индусов... А я ведь был веселым... таким же веселым, как Пэтнем!

Он помолчал и начал снова:

- Вот что, я вас никогда не видел, но рассудить все это попрошу вас. Мы с Пэтнемом вместе служили, но я участвовал в одной операции, на афганской границе, и стал полковником раньше других. Мы оба были ранены, и нас отправили домой. Одри была тогда моей невестой, она тоже ехала с нами. В дороге случились странные вещи. Из-за них Пэтнем требует, чтобы мы расстались, и она сама в нерешительности... а я знаю, о чем они думают. Я знаю, кем они меня считают. И вы это знаете.

А случилось вот что. Когда кончился наш последний день в большом индийском городе, я спросил Пэтнема, можно ли купить мои любимые сигары, и он показал мне лавочку напротив дома. "Напротив" - туманное слово, если один мало-мальски пристойный дом стоит среди пяти-шести хижин. Должно быть, я ошибся дверью, поддалась она туго, внутри было темно и, когда я повернулся, она за мной захлопнулась с лязгом, словно кто-то задвинул несколько засовов. Пришлось двигаться вперед. Я долго шел по темным коридорам. Наконец я нащупал ногой ступеньки, а за ними была дверь, изукрашенная - это я понял на ощупь - сплошной восточной резьбой. Я открыл ее не без труда, и попал в полумрак, где маленькие светильники лили зеленоватый свет. В этом свете я смутно разглядел ноги или пьедестал какой-то большой статуи. Прямо передо мной возвышалась истинная глыба, я чуть не ударился об нее, и понял, что это - идол, стоящий спиной ко мне.

Судя по плоской головке, а главное - по какому-то хвосту или по отростку, идол этот не очень походил на человека. Отросток, словно палец, изогнутый кверху, указывал на символ, вырезанный в каменной спине. Я не без страха попытался разобрать, что это за символ, когда случилось самое страшное. Бесшумно открылась другая дверь, и вошел темнолицый человек в черном костюме. Губы его изгибались, кожа была медная, зубы - ярко-белые; но больше всего ужаснуло меня, что он одет по-европейски. Я был готов увидеть пышно одетого жреца или обнаженного факира.

Но это как бы значило, что бесовщина завладела всем светом. Так оно и оказалось.

"Если бы ты видел обезьяньи ноги, - сказал он мне, - мы были бы милостивы к тебе - пытали бы, пока ты умрешь. Если бы ты видел лицо, мы были бы еще милостивей, и пытали бы тебя не до смерти. Но ты видел хвост, и приговор наш суров. Иди!"

При этих словах я услышал лязг засовов. Они открылись сами, и далеко за темными проходами распахнулась дверь.

"Не проси о пощаде, - говорил улыбающийся человек. - Ты обречен на свободу. С этой поры волос будет резать тебя, как меч, воздух жалить, как змея. Оружие вылетит на тебя ниоткуда, и ты умрешь много раз".

Крэй замолчал, отец Браун опустил на траву и принялся рвать ромашки.

- Конечно, здравомыслящий Пэтнем посмеялся надо мной, - снова заговорил

полковник, - и стал сомневаться, в своем ли я уме. Я вам расскажу всего три вещи, которые потом случились, а вы судите, кто из нас прав.

Первый случай произошел в индийской деревне, на краю джунглей, за сотни миль от храма и от города, и от тех обычаев и племен. Я проснулся посреди ночи, в полной тьме, и лежал, ни о чем не думая, когда моего горла коснулось что-то тонкое, как волос. Я вздрогнул и, естественно, вспомнил слова в храме. Потом я встал, зажег свет, посмотрел в зеркало и увидел на шее полоску крови.

Второй случай произошел в гостинице, в Порт-Саиде. Я проснулся и почувствовал - нет, иначе не скажешь: воздух жалил меня, как змея. Мучился я долго, бился головой об стену, пока не пробил стекло и, скорее, вывалился, чем упал в сад. Бедному Пэтнему пришлось заволноваться, когда он нашел меня без чувств в траве. Но я боюсь, что испугало его "состояние моей психики", а не то, что со мной случилось.

Третий случай произошел на Мальте. Мы жили в замке, окна наши выходили на море, оно подступало бы к подоконникам, если бы не белая голая стенка. Снова я проснулся, но было светло. Светила полная луна, когда я подошел к окну, и я увидел бы птичку на башне или парус на горизонте.

На самом деле я увидел, что в воздухе кружит сама собой какая-то палка. Она влетела в мое окно и разбила лампу у самой подушки, на которой я только что лежал. Это было странное оружие, такими палицами сражаются многие восточные племена. Но в меня ее метал не человек.

Отец Браун положил на траву недоделанный венок, и встал.

- Есть у майора Пэтнема, - спросил он, - восточные диковинки, идолы, оружие? Я хотел бы на них поглядеть.

- Да, есть, хотя он их не особенно любит, - ответил Крэй. - Пойдемте, посмотрим.

По пути, в передней, они увидели мисс Уотсон, которая застегивала перчатки, собираясь в церковь, и услышали голос майора, обучавшего повара поварскому искусству. В кабинете хозяина они встретили еще одного человека, который как-то виновато оставил книгу, которую листал.

Крэй вежливо представил его как доктора Омана, но по его изменившемуся лицу Браун догадался, что они - соперники, знает о том Одри или нет. Священник и сам понял его предубеждение, и строго сказал себе, что надо любить даже тех, у кого острая борода, маленькие руки и низкий, хорошо поставленный голос.

По-видимому, Крэй особенно раздражало, что доктор Оман держит молитвенник.

- Вот не знал, что и вы этим увлекаетесь, - резко сказал он.

Оман не обиделся и засмеялся.

- Да, это бы мне больше подошло, - сказал он, кладя руку на большую книгу. - Справочник ядов. Но для церкви он великоват.

- Откуда эти штуки, из Индии? - спросил священник, явно стремившийся переменить тему.

- Из разных мест, - отвечал доктор. - Пэтнем служит давно, был и в Мексике, и в Австралии, и на каких-то островах, где есть людоеды.

- Надеюсь, стряпать он учился не там, - сказал Браун, глядя на странные предметы, висевшие на стене.

Тот, о ком они беседовали, сунул в дверь веселое, красное лицо.

- Идем, Крэй! - крикнул он. - Завтрак на столе. А для вас, святош, уже звонят колокола.

Крэй пошел вверх переодеться. Доктор Оман и мисс Уотсон двинулись вниз по улице, и Браун заметил, что врач дважды оглянулся, а потом даже выглянул из-за угла.

"Он там быть не мог... - растерянно подумал священник. - Не в этой же одежде! А может, он побывал там раньше?"

Когда отец Браун общался с людьми, он был чувствителен, как барометр; но сегодня он больше походил на носорога. Ни по каким светским правилам он не мог остаться к завтраку, но он остался, прикрывая свою невоспитанность потоками занятой и ненужной болтовни.

Это было тем более странно, что завтракать он не стал. Перед майором и полковником сменялись замысловатые блюда, но он повторял, что сегодня - пост, жевал корку и даже не пил воды, хотя налил полный стакан. Однако говорил он много.

- Вот что! - восклицал он. - Я приготовлю вам салат!

Сам я его не ем, но делать умею! Салатные листья у вас есть...

- К сожалению, больше нет ничего, - сказал благодушный майор. Горчица, уксус и масло исчезли вместе с судком.

- Знаю, знаю, - отвечал Браун. - Этого я всегда боялся. Потому я и ношу с собой судки. Я так люблю салат.

К удивлению остальных, он вынул из кармана перечницу и поставил на стол.

- Не пойму, зачем вору горчица, - продолжал он, извлекая горчицу из другого кармана.

- Для горчичника, наверное... А уксус? (И он вынул уксус.) А масло? (И он вынул масло.)

Болтовня его на миг прервалась, когда он поднял глаза и увидел то, чего никто не видел: черная фигура стояла на ярком газоне и глядела в комнату. Пока он глядел на нее, Крэй вставил слово:

- Станный вы человек, - сказал он. - Надо бы послушать ваши проповеди, если они так же заняты, как ваши манеры. - Голос чуть изменился, и его шатнуло назад.

- Проповедь есть и в судке, - серьезно сказал отец Браун. - Вы слышали о вере с горчичное зерно и об елее милости? А что до уксуса, забудет ли солдат того солдата, который...

Полковника шатнуло вперед, и он вцепился в скатерть.

Отец Браун бросил в воду две ложки горчицы, встал и строго сказал:

- Пейте!

В ту же минуту неподвижный доктор Оман крикнул из сада:

- Я нужен? Отравили его?

- Да нет, - сказал Браун, едва заметно улыбаясь, ибо рвотное уже подействовало. Крэй лежал в кресле, тяжело дыша, но был жив.

Майор Пэтнем вскочил, его багровое лицо посинело.

- Я иду за полицией! - хрипло выкрикнул он.

Священник услышал, как он хватает с вешалки пальмовую шляпу, бежит к выходу, хлопает калиткой. Но сам он стоял и смотрел на Крэя, а потом произнес:

- Я не буду много говорить, но скажу вам то, что вам нужно узнать. На вас нет проклятия. Обезьяний храм - или совпадение, или часть заговора, а заговор задумал белый человек. Только одно оружие режет до крови, едва коснувшись: бритва белых людей. Только одним способом можно сделать так, чтобы воздух жалил: открыть газ; это - преступление белых, Только одна палица летит сама, вращается в воздухе и возвращается: бумеранг. Они у Пэтнема есть.

Он вышел в сад и остановился, чтобы поговорить с доктором. Через минуту в дом вбежала Одри и упала на колени перед Крэем. Браун не слышал слов, но лица их говорили об удивлении, а не о печали. Доктор и священник медленно пошли к калитке.

- Наверное, майор ее тоже любил, - сказал священник, а доктор кивнул, и он продолжил: - Вы благородно вели себя, доктор. Почему вы это заподозрили?

- В церкви я беспокоился, и пошел посмотреть, все ли в порядке, сказал Оман. - Понимаете, та книга - о ядах, и когда я ее взял, она открылась на странице, на которой говорится, что от некоторых ядов, очень сильных и незаметных, противоядие - любое рвотное. Вероятно, он об этом недавно читал.

- И вспомнил, что рвотное - в судках, - сказал Браун. - Вот именно. Он выбросил судки в мусорный ящик, а я их потом нашел. Но если вы взглянете на перечницу, вы увидите дырочку. Туда ударила пуля Крэя, и преступник чихнул.

Они помолчали, потом доктор Оман невесело заметил:

- Что-то майор долго ищет полицию.

- Полиция дольше проищет майора, - сказал священник. - До свидания.

СТРАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ДЖОНА БОУЛНОЙЗА

Мистер Кэлхоун Кидд был весьма юный джентльмен с весьма старообразной физиономией - физиономия была иссушена служебным рвением и обрамлена иссиня-черными волосами и черным галстуком-бабочкой. Он представлял в Англии крупную американскую газету "Солнце Запада", или, как ее шутливо называли, "Восходящий закат". Это был намек на громкое заявление в печати (по слухам, принадлежащее самому мистеру Кидду): он полагал, что "Солнце еще взойдет на западе, если только американцы будут действовать познергичнее". Однако те, кто насмехается над американской журналистикой, придерживаясь несколько более мягкой традиции, забывают об одном парадоксе, который отчасти ее оправдывает. Ибо хотя в американской прессе допускается куда большая внешняя вульгарность, чем в английской, она проявляет истинную заинтересованность в самых глубоких интеллектуальных проблемах, которые английским газетам вовсе неведомы, а вернее, просто не по зубам. "Солнце" освещало самые серьезные темы, причем самым смехотворным образом. На его страницах Уильям Джеймс (1842-1910) - американский психолог и философ соседствует с "Хитрюгой Уилли", и в длинной галерее его портретов прагматисты чередуются с кулачными бойцами.

И потому, когда весьма скромный оксфордский ученый Джон Боулнойз поместил в весьма скучном журнале "Философия природы", выходящем раз в три месяца, серию статей о некоторых якобы сомнительных положениях дарвиновской теории эволюции, редакторы английских газет и ухом не повели, хотя теория Боулнойза (он утверждал, что вселенная сравнительно устойчива, но время от времени ее потрясают катаклизмы) стала модной в Оксфорде и ее даже называли "теорией катастроф"; зато многие американские газеты ухватились за этот вызов, как за великое событие, и "Солнце" отбросило на свои страницы гигантскую тень мистера Боулнойза. В соответствии с уже упомянутым парадоксом, статьям, исполненным ума и воодушевления, давали заголовки, которые явно сочинил полоумный невежда, например: "Дарвин сел в калошу".

Критик Боулнойз говорит "Он прохлопал скачки", или "Держитесь катастроф, советует мудрец Боулнойз". И мистеру Кэлхоуну Кидду из "Солнца Запада", с его галстуком-бабочкой и мрачной физиономией было велено отправиться в домик близ Оксфорда, где мудрец Боулнойз проживал в счастливом неведении относительно своего титула.

Философ, жертва роковой популярности, был несколько ошеломлен, но согласился принять журналиста в тот же день в девять вечера. Свет заходящего солнца освещал уже лишь невысокие, поросшие лесом холмы; романтический янки не знал толком дороги, притом ему любопытно было все вокруг - и, увидев настоящую старинную деревенскую гостиницу "Герб Чэмпиона", он вошел в отворенную дверь, чтобы все разузнать.

Оказавшись в баре, он позвонил в колокольчик, и ему пришлось немного подождать, пока кто-нибудь выйдет. Кроме него, тут был еще только один человек - тощий, с густыми рыжими волосами, в мешковатом крикливом костюме, он пил очень скверное виски, но сигару курил отличную. Выбор виски принадлежал, разумеется, "Гербу Чэмпиона", а сигару он, вероятно, привез с собой из Лондона. Беззастенчиво небрежный в одежде, он с виду казался разительной противоположностью щеголеватому, подтянутому молодому американцу, но карандаш и раскрытая записная книжка, а может быть, и что-то в выражении живых голубых глаз навели Кидда на мысль, что перед ним собрат по перу, - и он не ошибся.

- Будьте так любезны, - начал Кидд с истинно американской обходительностью, - вы не скажете, как пройти к Серому коттеджу, где, как мне известно, живет мистер Боулнойз?

- Это в нескольких шагах отсюда, дальше по дороге, - ответил рыжий, вынув изо рта сигару. - Я и сам сейчас двинусь в ту сторону, но я хочу попасть в Пендрегон-парк и постараюсь увидеть все собственными глазами.

- А что это за Пендрегон-парк? - спросил Кэлхоун Кидд.

- Дом сэра Клода Чэмпиона. А вы разве не за тем же приехали? - спросил рыжий, подняв на него глаза. - Вы ведь тоже газетчик?

- Я приехал, чтоб увидаться с мистером Боулнойзом, - ответил Кидд.
- А я - чтоб увидаться с миссис Боулнойз. Но дома я ее ловить не буду.
- И он довольно противно засмеялся.
- Вас интересует теория катастроф? - спросил озадаченный янки.

- Меня интересуют катастрофы, и кое-какие катастрофы не заставят себя ждать, - хмуро ответил его собеседник. - Гнусное у меня ремесло, и я никогда не прикидываюсь, будто это не так.

Тут он сплюнул на пол, но даже по тому, как он это сделал, сразу видно было, что он происхождения благородного.

Американский репортер посмотрел на него внимательней. Лицо бледное и рассеянное, лицо человека сильных и опасных страстей, которые еще вырвутся наружу, но при этом умного и легко уязвимо; одежда грубая и небрежная, но духи тонкие, пальцы длинные и на одном - дорогой перстень с печаткой. Зовут его, как выяснилось из разговора, Джеймс Делрой; он сын обанкротившегося ирландского землевладельца и работает в умеренно либеральной газетке "Светское общество", которую от души презирает, хотя и состоит при ней в качестве репортера и, что мучительней всего, почти соглядатая.

Должен с сожалением заметить, что "Светское общество" осталось совершенно равнодушным к спору Боулнойза с Дарвином, спору, который так заинтересовал и взволновал "Солнце Запада", что, конечно, делает ему честь.

Делрой приехал, видимо, затем, чтобы разведать, чем пахнет скандал, который вполне мог завершиться в суде по бракоразводным делам, а пока назревал мене Серым коттеджем и Пендрегон-парком.

Читателям "Солнца Запада" сэр Клод Чэмпион был известен не хуже мистера Боулнойза. Папа римский и победитель дерби тоже им были известны; но мысль, что они знакомы между собой, показалась бы Кидду столь же несообразной. Он слышал о сэре Клоде Чэмпионе и писал, да еще в таком тоне, словно хорошо его знает, как "об одном из самых блестящих и самых богатых англичан первого десятка" это замечательный спортсмен, который плавает на яхтах вокруг света; знаменитый путешественник - автор книг о Гималаях, политик, который получил на выборах подавляющее большинство голосов, ошеломив избирателей необычайной идеей консервативной демократии, и в придачу - талантливый любитель-художник, музыкант, литератор и, главное, актер. На взгляд любого человека, только не американца, сэр Клод был личностью поистине великолепной. В его всеобъемлющей культуре и неуемном стремлении к славе было что-то от гигантов эпохи Возрождения; его отличала не только необычайная широта интересов, но и страстная им приверженность. В нем не было ни на волос того верхоглядства, которое мы определяем словом "дилетант".

Фотографии его безупречного орлиного профиля с угольно-черным, точно у итальянца, глазом постоянно появлялись и в "Светском обществе" и в "Солнце Запада" - и всякий сказал бы, что человека этого, подобно огню или даже недугу, снедает честолюбие. Но хотя Кидд немало знал о сэре Клоде, по правде сказать, знал даже то, чего и не было, ему и во сне не снилось, что между столь блестящим аристократом и только-только обнаруженным основателем теории катастроф существует какая-то связь, и, уж конечно, он и помыслить не мог, что сэра Клода Чэмпиона и Джона Боулнойза связывают узы дружбы. И, однако, Делрой уверял, что так оно и есть. В школьные и студенческие годы они были неразлучны, и, несмотря на огромную разницу в общественном положении (Чэмпион крупный землевладелец и чуть ли не миллионер, а Боулнойз бедный ученый, до самого последнего времени вдобавок никому не известный), они и теперь постоянно встречались. И домик Боулнойза стоял у самых ворот Пендрегон-парка.

Но вот надолго ли еще они останутся друзьями - теперь в этом возникали сомнения, грязные сомнения. Года два назад Боулнойз женился на красивой и не лишенной таланта актрисе, которую любил на свой лад - застенчивой и наводящей скуку любовью; соседство Чэмпиона давало этой взбалмошной знаменитости вдоволь поводов к поступкам, которые

возбуждали страсти мучительные и довольно низменные. Сэр Клод в совершенстве владел искусством привлекать к себе внимание широкой публики, и, казалось, он получал безумное удовольствие, столь же нарочито выставляя напоказ интригу, которая отнюдь не делала ему чести. Лакеи из Пендрегона беспрестанно отвозили миссис Боулнойз букеты, кареты и автомобили беспрестанно подъезжали к коттеджу за миссис Боулнойз, в имении сэра Клода беспрестанно устраивались балы и маскарады, на которых баронет гордо выставлял перед всеми миссис Боулнойз, точно королеву любви и красоты на рыцарских турнирах. В тот самый вечер, который Кидд избрал для разговора о теории катастроф, сэр Клод Чэмпинг устраивал под открытым небом представление "Ромео и Джульетта", причем в роли Ромео должен был выступать он сам, а Джульетту и называть незачем.

- Без столкновения тут не обойдется. - С этими словами рыжий молодой человек встал и встряхнулся. - Старика Боулнойза могли обтесать, или он сам обтесался. Но если он и обтесался, он глуп... уж вовсе дубина. Только я в это не очень верю.

- Это глубокий ум, - проникновенно произнес Кэлхоун Кидд.

- Да, - сказал Делрой, - но даже глубокий ум не может быть таким непроходимым болваном. Вы уже идете? Я тоже сейчас двинусь.

Но Кэлхоун Кидд допил молоко с содовой и быстрым шагом направился к Серому коттеджу, оставив своего циничного осведомителя наедине с виски и табаком. День угасал, небеса были темные, зеленовато-серые, цвета сланца, кое-где уже проглянули звезды, слева небо светлело в предчувствии луны.

Серый коттедж, который, так сказать, засел за высокой прочной изгородью из колючего кустарника, стоял в такой близости от сосен и ограды парка, что поначалу Кидд принял его за домик привратника. Однако, заметив на узкой деревянной калитке имя "Боулнойз" и глянув на часы, он увидел, что время, назначенное "мудрецом", настало, вошел и постучал в парадное. Оказавшись во дворе, он понял, что дом, хотя и достаточно скромный, больше и роскошней, чем представлялось с первого взгляда, и нисколько не похож на сторожку.

Собачья конура и улей стояли здесь как привычные символы английской сельской жизни; из-за щедро увешанных плодами грушевых деревьев поднималась луна, пес, вылезший из конуры, имел вид почтенный и явно не желал лаять; и просто одетый пожилой слуга, отворивший дверь, был немногословен, но держался с достоинством.

- Мистер Боулнойз просил передать вам свои извинения, сэр, но он вынужден был неожиданно уйти, - сказал слуга.

- Но послушайте, он же назначил мне свидание, - повысил голос репортер.

- А вам известно, куда он пошел?

- В Пендрегон-парк, сэр, - довольно хмуро ответил слуга и стал затворять дверь.

Кидд слегка вздрогнул. И спросил сбивчиво:

- Он пошел с миссис... вместе со всеми?

- Нет, сэр, - коротко ответил слуга. - Он оставался дома, а потом пошел один. - И решительно, даже грубо захлопнул дверь, но вид у него при этом был такой, словно он поступил не так, как надо.

Американца, в котором забавно сочетались дерзость и обидчивость, взяла досада. Ему очень хотелось немного их всех встряхнуть, пусть научатся вести себя по-деловому, - и дряхлого старого пса, и седеющего угрюмого старика дворецкого в допотопной манишке, и сонную старушку луну, а главное рассеянного старого философа, который назначил час, а сам ушел из дома.

- Раз он так себя ведет, поделом ему, он не заслуживает привязанности жены, - сказал мистер Кэлхоун Кидд. - Но, может, он пошел устраивать скандал. Тогда, похоже, представитель "Солнца Запада" будет там очень кстати.

И, выйдя за ворота, он зашагал по длинной аллее погребальных сосен, ведущей в глубь парка. Деревья чернели ровной вереницей, словно плюмажи на катафалке, а меж ними в небе светили звезды. Кидд был из тех людей, кто воспринимает природу не непосредственно, а через литературу, и ему все вспоминался "Рейвенсвуд". Виною тому отчасти были

чернеющие, как вороново крыло, мрачные сосны, а отчасти и непередаваемо жуткое ощущение, которое Вальтеру Скотту почти удалось передать в его знаменитой трагедии; тут веяло чем-то, что умерло в восемнадцатом веке; веяло пронизывающей сыростью старого парка, и разрушенных гробниц, и зла, которое уже вовек не поправить,- чем-то неизбежно печальным, хотя и странно нереальным.

Он шел по этой строгой черной аллее, искусно настраивающей на трагический лад, и не раз испуганно останавливался: ему чудились впереди чьи-то шаги. Но впереди видны были только две одинаковые мрачные стены сосен да над ними клин усыпанного звездами неба. Сначала он подумал, что это игра воображения или что его обманывает эхо его собственных шагов. Но чем дальше, тем определеннее остатки разума склоняли его к мысли, что впереди в самом деле шагает кто-то еще. Смутно подумалось: уж не призрак ли там, и он даже удивился - так быстро представилось ему вполне подходящее для этих мест привидение: с лицом белым, как у Пьеро, только в черных пятнах. Вершина темно-синего небесного треугольника становилась все ярче и светлей, но Кидд еще не понимал, что это все ближе огни, которыми освещены огромный дом и сад. Он лишь все явственней ощущал вокруг что-то недоброе, все сильнее его пронизывали токи ожесточения и тайны, все сильнее охватывало предчувствие... он не сразу подыскал слово и наконец со смешком его произнес - катастрофы.

Еще сосны, еще кусок дороги остались позади, и вдруг он замер на месте, словно волшебством внезапно обращенный в камень. Бессмысленно говорить, будто он почувствовал, что все это происходит во сне; нет, на сей раз он ясно почувствовал, что сам угодил в какую-то книгу. Ибо мы, люди, привыкли ко всяким нелепостям, привыкли к вопиющим несообразностям; под их разноголосицу мы засыпаем. Если же случится что-нибудь вполне сообразное с обстоятельствами, мы пробуждаемся, словно вдруг зазвенела какая-то до боли прекрасная струна. Случилось нечто, чему впору было случиться в такой вот аллее на страницах какой-нибудь старинной повести.

За черной сосной пролетела, блеснув в лунном свете, обнаженная шпага такой тонкой сверкающей рапирой в этом древнем парке могли драться на многих поединках. Шпага упала на дорогу далеко впереди и лежала, сияя, точно огромная игла. Кидд метнулся, как заяц, и склонился над ней. Вблизи шпага выглядела как-то уж очень безвкусно; большие рубины на эфесе вызвали некоторое сомнение. Зато другие красные капли, на клинке, сомнений не вызывали.

Кидд как ужаленный обернулся в ту сторону, откуда прилетел ослепительный смертоносный снаряд, - в этом месте траурно-черную стену сосен рассекла узкая дорожка; Кидд пошел по ней, и глазам его открылся длинный, ярко освещенный дом, а перед домом - озеро и фонтаны. Но Кидд не стал на все это смотреть, ибо увидел нечто более достойное внимания.

Над ним, в укромном местечке, на крутом зеленом склоне расположенного террасами парка притаился один из тех живописных сюрпризов, которые так часто встречаются в старинных, прихотливо разбитых садах и парках - подобие круглого холмика или небольшого купола из травы, точно жилище крота-великана, опоясанное и увенчанное тройным кольцом розовых кустов, а наверху, на самой середине, солнечные часы. Кидду видна была стрелка циферблата - она выделялась на темном небосводе, точно спинной плавник акулы, и к бездействующим этим часам понапрасну льнул лунный луч. Но на краткий сумасбродный миг к ним прильнуло и нечто другое: какой-то человек.

И хотя Кидд видел его лишь одно мгновение, и хотя на нем было чужеземное диковинное одеяние - от шеи до пят он был затянут во что-то малиновое с золотой искрой, - при проблеске света Кидд узнал этого человека.

Запрокинутое к небу очень белое лицо, гладко выбритое и такое неестественно молодое, точно Байрон с римским носом, черные, уже седеющие кудри. Кидд тысячу раз видел портреты сэра Клода Чэмпиона. Человек в нелепом красном костюме покачнулся, и вдруг покатился по крутому склону, и вот лежит у ног американца, и только рука его слабо

вздрагивает. При виде броско и странно украшенного золотом рукава Кидд разом вспомнил про "Ромео и Джульетту"; конечно же, облегающий малиновый камзол - это из спектакля. Но по склону, с которого скатился странный человек, протянулась красная полоса - это уже не из спектакля. Он был пронзен насквозь.

Мистер Кэлхоун Кидд закричал, еще и еще раз. И снова ему почудились чьи-то шаги, и совсем близко вдруг очутился еще один человек. Человека этого он узнал и, однако, при виде его похолодел от ужаса. Беспутный юноша, назвавшийся Делроем, был пугающе спокоен; если Боулнойза не оказалось там, где он же назначил встречу, у Делроя была зловещая способность появляться там, где встречи с ним никто не ждал. Лунный свет все обесцветил: в рамке рыжих волос изнуренное лицо Делроя казалось уже не столько бледным, сколько бледно-зеленым.

Гнетущая и жуткая картина должна извинить грубый, ни с чем не сообразный выкрик Кидда:

- Это твоих рук дело, дьявол?

Джеймс Делрой улыбнулся своей неприятной улыбкой, но не успел вымолвить ни слова, - лежащий на земле вновь пошевелил рукой, слабо махнул в сторону упавшей шпаги, потом простонал и наконец через силу заговорил:

- Боулнойз... Да, Боулнойз... Это Боулнойз из ревности... он ревновал ко мне, ревновал...

Кидд наклонился, пытаясь расслышать как можно больше, и с трудом уловил:

- Боулнойз... моей же шпагой... он отбросил ее...

Слабеющая рука снова махнула в сторону шпаги и упала неживая, глухо ударившись оземь. Тут в Кидде прорвалась та резкость, что дремлет на дне души его невозмутимого племени.

- Вот что, - распорядился он, - сходите-ка за доктором. Этот человек умер.

- Наверно, и за священником, кстати, - с непроницаемым видом сказал Делрой. - Все эти Чэмпионы - паписты.

Американец опустился на колени подле тела, послушал, не бьется ли сердце, положил повыше голову и как мог попытался привести Чэмпиона в сознание, но еще до того, как второй журналист привел доктора и священника, он мог с уверенностью сказать, что они опоздали.

- И вы сами тоже опоздали? - спросил доктор, плотный, на вид преуспевающий джентльмен в традиционных усах и бакенбардах, но с живым взглядом, которым он подозрительно окинул Кидда.

- В известном смысле да, - с нарочитой медлительностью ответил представитель "Солнца". - Я опоздал и не сумел его спасти, но, сдается мне, я пришел вовремя, чтобы услышать нечто важное. Я слышал, как умерший назвал своего убийцу.

- И кто же убийца? - спросил доктор, сдвинув брови.

- Боулнойз, - ответил Кэлхоун Кидд и негромко присвистнул.

Доктор хмуро посмотрел на него в упор и весь побагровел, но возражать не стал. Тогда священник, маленький человечек, державшийся в тени, сказал кротко:

- Насколько я знаю, мистер Боулнойз не собирался сегодня в Пендрегон-парк.

- Тут мне опять есть что сообщить старушке Англии, - жестко сказал янки. - Да, сэр, Джон Боулнойз собирался весь вечер быть дома. Он по всем правилам назначил мне встречу у себя. Но Джон Боулнойз передумал. Час назад, или около того, он неожиданно и в одиночестве вышел из дому и двинулся в этот проклятый Пендрегон-парк. Так мне сказал его дворецкий. Сдается мне, у нас в руках то, что всезнающая полиция называет ключом... а за полицией вы послали?

- Да, - сказал доктор, - но больше мы пока никого не стали тревожить.

- Ну, а миссис Боулнойз знает? - спросил Джеймс Делрой. И Кидд снова ощутил безрассудное желание стукнуть кулаком по этим кривящимся в усмешке губам.

- Я ей не сказал, - угрюмо ответил доктор. - А сюда едет полиция.

Маленький священник отошел было на главную аллею и теперь вернулся с брошенной шпагой, - в руках этого приземистого человечка в сутане, да притом такого с виду буднично заурядного, она выглядела нелепо огромной и театральной.

- Пока полицейские еще не подошли, у кого-нибудь есть огонь? - спросил он, будто извиняясь.

Кидд достал из кармана электрический фонарик, священник поднес его поближе к середине клинка и, моргая от усердия, принялся внимательно его рассматривать, потом, не взглянув ни на острие, ни на головку эфеса, отдал оружие доктору.

- Боюсь, я здесь бесполезен, - сказал он с коротким вздохом. - Доброй ночи, джентльмены.

И он пошел по темной аллее к дому, сцепив руки за спиной и в задумчивости склонив крупную голову.

Остальные заторопились к главным воротам, где инспектор и двое полицейских уже разговаривали с привратником. А в густой тени под сводами ветвей маленький священник все замедлял и замедлял шаг и наконец, уже на ступенях крыльца, вдруг замер. Это было молчаливое признание, что он видит молча приближающуюся к нему фигуру; ибо навстречу ему двигалось видение, каким остался бы доволен даже Кэлхоун Кидд, которому требовался призрак аристократический и притом очаровательный. То была молодая женщина в костюме эпохи Возрождения, из серебристого атласа, золотые волосы ее спадали двумя длинными блестящими косами, лицо поражало бледностью - она казалась древнегреческой статуей из золота и слоновой кости. Но глаза ярко блестели, и голос, хотя и негромкий, звучал уверенно.

- Отец Браун? - спросила она.

- Миссис Боулнойз? - сдержанно отозвался священник. Потом внимательно посмотрел на нее и прибавил. - Я вижу, вы уже знаете о сэре Клоде.

- Откуда вы знаете, что я знаю? - очень спокойно спросила она.

Он ответил вопросом на вопрос:

- Вы видели мужа?

- Муж дома, - сказала миссис Боулнойз. - Он здесь ни при чем.

Священник не ответил, и женщина подошла ближе, лицо ее выражало какую-то удивительную силу.

- Сказать вам еще кое-что? - спросила она, и на губах ее даже мелькнула несмелая улыбка. - Я не думаю, что это сделал он, и вы тоже не думаете.

Отец Браун ответил ей долгим серьезным взглядом и еще серьезней кивнул.

- Отец Браун, - сказала она, - я расскажу вам все, что знаю, только сперва окажите мне любезность. Объясните, почему вы не поверили, как все остальные, что это дело рук несчастного Джона? Говорите все, как есть. Я... я знаю, какие ходят толки, и, конечно, по видимости, все против него.

Отец Браун, явно смущенный, провел рукой по лбу.

- Тут есть два совсем незначительных соображения, сказал он. - По крайней мере, одно совсем пустячное, а другое весьма смутное. И, однако, они не позволяют думать, что убийца - мистер Боулнойз. - Он поднял свое круглое непроницаемое лицо к звездам и словно бы рассеянно продолжал: Начнем со смутного соображения. Я верю в смутные соображения. Все то, что "не является доказательством", как раз меня и убеждает. На мой взгляд, нравственная невозможность - самая существенная из всех невозможностей. Я очень мало знаю вашего мужа, но это преступление, которое все приписывают ему, в нравственном смысле совершенно невозможно. Только не думайте, будто я считаю, что Боулнойз не мог так согрешить. Каждый может согрешить...

Согрешить, как ему заблагорассудится. Мы можем направлять наши нравственные побуждения, но коренным образом изменить наши природные наклонности и поведение мы не в силах. Боулнойз мог совершить убийство, но не такое. Он не стал бы выхватывать шпагу Ромео из романтических ножен, не стал бы разить врага на солнечных часах, точно на

каком-то алтаре, не стал бы оставлять его тело среди роз, не стал бы швырять шпагу. Если бы Боулнойз убил, он сделал бы это тихо и тягостно, как любое сомнительное дело - как он пил бы десятый стакан портвейна или читал непристойного греческого поэта. Нет, романтические сцены не в духе Боулнойза. Это скорее в духе Чэмпиона.

- Ах! - вырвалось у женщины, и глаза ее заблестели, точно бриллианты.

- А пустячное соображение вот какое, - сказал Браун. - На шпаге остались следы пальцев. На полированной поверхности, на стекле или на стали, их можно обнаружить долго спустя. Эти следы отпечатались на полированной поверхности. Как раз на середине клинка. Чьи они, понятия не имею, но кто и почему станет держать шпагу за середину клинка? Шпага длинная, но длинная шпага тем и хороша, ею удобней поразить врага. По крайней мере, почти всякого врага. Всех врагов, кроме одного.

- Кроме одного! - повторила миссис Боулнойз.

- Только одного-единственного врага легче убить кинжалом, чем шпагой, - сказал отец Браун.

- Знаю, - сказала она. - Себя.

Оба долго молчали, потом негромко, но резко священник спросил:

- Значит, я прав? Сэр Клод сам себя убил?

- Да, - ответила она, и лицо ее оставалось холодно и неподвижно. - Я видела это собственными глазами.

- Он умер от любви к вам? - спросил отец Браун.

Поразительное выражение мелькнуло на бледном лице женщины, отнюдь не жалость, не скромность, не раскаяние; совсем не то, чего мог бы ожидать собеседник; и она вдруг сказала громко, с большой силой:

- Ничуть он меня не любил, не верю я в это. Он ненавидел моего мужа.

- Почему? - спросил Браун и повернулся к ней - до этой минуты круглое лицо его было обращено к небу.

- Он ненавидел моего мужа, потому что это так необычно, я просто даже не знаю, как сказать... потому что...

- Да? - терпеливо промолвил Браун.

- Потому что мой муж его не ненавидел.

Отец Браун лишь кивнул и, казалось, все еще слушал; одна малость отличала его почти от всех детективов, какие существуют в жизни или на страницах романов, - когда он ясно понимал, в чем дело, он не притворялся, будто не понимает.

Миссис Боулнойз подошла еще на шаг ближе к нему, лицо ее освещала все та же сдержанная уверенность.

- Мой муж - великий человек, - сказала она. - А сэр Клод Чэмпион не был великим, он был человек знаменитый и преуспевающий; мой муж никогда не был ни знаменитым, ни преуспевающим. И поверьте - ни о чем таком он вовсе не мечтал, - это чистая правда. Он не ждет, что его мысли принесут ему славу, все равно как не рассчитывает прославиться оттого, что курит сигары. В этом отношении он чудесно бестолков. Он так и не стал взрослым. Он все еще любит Чэмпиона, как любил его в школьные годы, восхищается им, как восхищался бы, если бы кто-нибудь за обедом проделал ловкий фокус. Но ничто не могло пробудить в нем зависть к Чэмпиону. А Чэмпион жаждал, чтобы ему завидовали.

На этом он совсем помешался, из-за этого покончил с собой.

- Да, мне кажется, я начинаю понимать, - сказал отец Браун.

- Ну, неужели, вы не видите? - воскликнула она. - Все рассчитано на это... и место нарочно для этого выбрано. Чэмпион поселил Джона в домике у самого своего порога, точно на хлебника... чтобы Джон почувствовал себя неудачником. А Джон ничего такого не чувствовал. Он ни о чем таком и не думает, все равно как ну, как рассеянный лев. Чэмпион вечно врывался к Джону в самую неподходящую пору или во время самого скромного обеда и старался изумить каким-нибудь роскошным подарком или праздничным известием или соблазнял интересной поездкой, точно Гарун аль-Рашид, а Джон очень мило принимал его

дар или не принимал, без особого волнения, словно один ленивый школьник соглашался или не соглашался с другим. Так прошло пять лет, и Джон ни разу бровью не повел, а сэр Клод Чемпион на этом помешался.

- И рассказывал Аман, как возвеличил его царь, - произнес отец Браун. - И он сказал: "Но всего этого не довольно для меня, доколе я вижу Мардохея Иудеянина сидящим у ворот царских".

- Буря разразилась, когда я уговорила Джона разрешить мне отослать в журнал некоторые его гипотезы, - продолжала миссис Боулнойз. - Ими заинтересовались, особенно в Америке, и одна газета пожелала взять у Джона интервью. У Чемпиона интервью брали чуть не каждый день, но, когда он узнал, что его сопернику, не ведавшему об их соперничестве, досталась еще и эта кроха успеха, лопнуло последнее звено, которое сдерживало его бесовскую ненависть. И тогда он начал ту безрассудную осаду моей любви и чести, что стала притчей во языцех. Вы спросите меня, почему я принимала столь гнусное ухаживание. Я отвечу, отклонить его я могла лишь одним способом, - объяснив все мужу, но есть на свете такое, что душе нашей не дано, как телу не дано летать. Никто не мог бы объяснить это моему мужу. Не сможет и сейчас. Если вы всеми словами скажете ему "Чемпион хочет украсть у тебя жену", - он сочтет, что шутка грубовата, а что это отнюдь не шутка - такая мысль не найдет доступа в его замечательную голову. И вот сегодня вечером Джон должен был прийти посмотреть наш спектакль, но когда мы уже собрались уходить, он сказал, что не пойдет: у него есть интересная книга и сигара. Я передала его слова сэру Клоду, и для него это был смертельный удар. Маньяк вдруг потерял всякую надежду. Он закололся с воплем, что его убийца Боулнойз. Он лежит там в парке, он погиб от зависти и оттого, что не сумел возбудить зависть, а Джон сидит в столовой и читает книгу.

Снова наступило молчание, потом маленький священник сказал:

- В вашем весьма убедительном рассказе есть одно слабое место, миссис Боулнойз. Ваш муж не сидит сейчас в столовой и не читает книгу. Тот самый американский репортер сказал мне, что был у вас дома и ваш дворецкий объяснил ему, что мистер Боулнойз все-таки отправился в Пендрегон-парк.

Блестящие глаза миссис Боулнойз раскрылись во всю ширь и вспыхнули еще ярче, но то было скорее недоумение, нежели растерянность или страх.

- Как? Что вы хотите сказать? - воскликнула она. - Слуг никого не было дома, они все смотрели представление. И мы, слава богу, не держим дворецкого!

Отец Браун вздрогнул и круто повернулся на одном месте, словно какой-то нелепый волчок.

- Что? Что? - закричал он, словно подброшенный электрическим током. Послушайте... скажите... ваш муж услышит, если я позвоню в дверь?

- Но теперь уже вернулись слуги, - озадаченно сказала миссис Боулнойз.

- Верно, верно! - живо согласился священник и резво зашагал по тропинке к воротам. Только раз он обернулся и сказал: - Найдите-ка этого янки, не то "Преступление Джона Боулнойза" будет завтра красоваться большими буквами во всех американских газетах.

- Вы не понимаете, - сказала миссис Боулнойз. - Джона это ничуть не взволнует. По-моему, Америка для него пустой звук.

Когда отец Браун подошел к дому с ульем и сонным псом, чистенькая служанка ввела его в столовую, где мистер Боулнойз сидел и читал у лампы под абажуром, - в точности так, как говорила его жена. Тут же стоял графин с портвейном и бокал; и уже с порога священник заметил длинный столбик пепла на его сигаре.

"Он сидит так по меньшей мере полчаса", - подумал отец Браун. По правде говоря, вид у Боулнойза был такой, словно он сидел не шевелясь с тех самых пор, как со стола убрали обеденную посуду.

- Не вставайте, мистер Боулнойз, - как всегда приветливо и обыденно сказал священник. - Я вас не задержу. Боюсь, я помешал вашим ученым занятиям.

- Нет, - сказал Боулнойз, - я читал "Кровавый палец".

При этих словах он не нахмурился и не улыбнулся, и гость ощутил в нем глубокое и зрелое бесстрашие, которое жена его назвала величием.

Он отложил кровожадный роман в желтой обложке, совсем не думая, как неуместно в его руках бульварное чтиво, даже не пошутил по этому поводу.

Джон Боулнойз был рослый, медлительный в движениях, с большой седой, лысеющей головой и крупными, грубоватыми чертами лица. На нем был поношенный и очень старомодный фрак, который открывал лишь узкий треугольник крахмальной рубашки: в этот вечер он явно собирался смотреть свою жену в роли Джульетты.

- Я не стану надолго отрывать вас от "Кровавого пальца" или от иных потрясающих событий, - с улыбкой произнес отец Браун. - Я пришел только спросить вас о преступлении, которое вы совершили сегодня вечером.

Боулнойз смотрел на него спокойно и прямо, но его большой лоб стал наливаясь краской, казалось, он впервые в жизни почувствовал замешательство.

- Я знаю, это было странное преступление, - негромко сказал Браун. Возможно, более странное, чем убийство... для вас. В маленьких грехах иной раз трудней признаться, чем в больших... но потому-то так важно в них признаваться. Преступление, которое вы совершили, любая светская дама совершает шесть раз в неделю, и, однако, слова не идут у вас с языка, словно вина ваша чудовищна.

- Чувствуешь себя последним дураком, - медленно выговорил философ.

- Знаю, - согласился его собеседник, - но нам часто приходится выбирать: или чувствовать себя последним дураком, или уж быть им на самом деле.

- Не понимаю толком, почему я так поступил, - продолжал Боулнойз, - но я сидел тут и читал и был счастлив, как школьник в день, свободный от уроков. Так было беззаботно, блаженно... даже не могу передать... сигары под боком... спички под боком... впереди еще четыре выпуска этого самого "Пальца"... это был не просто покой, а совершенное довольство. И вдруг звонок в дверь, и долгую, бесконечно тягостную минуту мне казалось - я не смогу подняться с кресла... буквально физически, мышцы не сработают. Потом с невероятным усилием я встал, потому что знал - слуги все ушли. Отворил парадное и вижу: стоит человек и уже раскрыл рот - сейчас заговорит, и блокнот раскрыл - сейчас примется записывать. Тут я понял, что это газетчик-янки, я про него совсем забыл, Волосы у него были расчесаны на пробор, и, поверьте, я готов был его убить...

- Понимаю, - сказал отец Браун. - Я его видел.

- Я не стал убийцей, - мягко продолжал автор теории катастроф, только лжесвидетелем. Я сказал, что я ушел в Пендрегон-парк, и захлопнул дверь у него перед носом. Это и есть мое преступление, отец Браун, и уж не знаю, какое наказание вы на меня наложите.

- Я не стану требовать от вас покаяния, - почти весело сказал священник, явно очень довольный, и взялся за шляпу и зонтик. - Совсем наоборот. Я пришел как раз для того, чтобы избавить вас от небольшого наказания, которое, в противном случае, последовало бы за вашим небольшим проступком.

- Какого же небольшого наказания мне с вашей помощью удалось избежать?

- с улыбкой спросил Боулнойз.

- Виселицы, - ответил отец Браун.

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА ОТЦА БРАУНА

Живописный город-государство Хейлигвальденштейн был одним из тех игрушечных королевств, которые и по сей день составляют часть Германской империи. Он попал под господство Пруссии довольно поздно, лет за пятьдесят до того погожего летнего дня, когда Фламбо и отец Браун оказались в здешнем парке и попиwali здешнее пиво. И, как будет ясно из дальнейшего, еще совсем недавно тут не было недостатка ни в войнах, ни в скором суде и расправе. Но при взгляде на город поневоле начинало казаться, будто от него веет детством; в этом самая большая прелесть Германии - этих маленьких, словно из рождественского представления патриархальных монархий, где король кажется таким же привычно домашним, как повар. Немецкие солдаты - часовые у бесчисленных будок странно

напоминали немецкие игрушки, а четко вырезанные зубчатые стены замка, позолоченные солнцем, больше всего напоминали золоченый пряник. Ибо денек выдался на редкость солнечный: небо той ярчайшей берлинской лазури, какой и в самом Потсдаме остались бы довольны, а еще вернее - той щедрой густой синевы, какую дети извлекают из грошовой коробочки с красками. Даже деревья со стволами в серых рубцах от старости казались молодыми в уборе все еще розовых остроконечных почек и на фоне ярко-синего неба напоминали бесчисленные детские рисунки.

Несмотря на скучную внешность и по преимуществу прозаический уклад жизни, отец Браун не лишен был романтической жилки, хотя, как многие дети, обычно хранил свои грезы про себя. Среди бодрящих ярких красок этого дня, в этом городе, словно уцелевшем от рыцарских времен, ему и в самом деле казалось, что он попал в волшебную сказку. С чисто детским удовольствием, будто младший братишка, он косился на внушительную трость, своего рода деревянные ножны со шпагой внутри, которой Фламбо размахивал при ходьбе и которая сейчас была прислонена к столу подле высокой кружки с мюнхенским пивом. Больше того, в этом состоянии ленивого легкомыслия отец Браун вдруг поймал себя на том, что даже узловатый неуклюжий набалдашник ветхого зонта смутно напоминает ему дубинку великана - людоеда с картинки из детской книжки. Но сам он так ни разу ничего и не сочинил, если не считать истории, которая сейчас будет рассказана.

- Хотел бы я знать, - заметил он, - в таком вот королевстве человек и правда рискует головой, если вдруг подставит ее под удар? Это великолепный фон для истинных приключений, но мне все кажется, что солдаты накинутся на смельчака не с настоящими грозными шпагами, а с картонными мечами.

- Ошибаетесь, - возразил его друг. - Они здесь не только дерутся на настоящих шпагах, но и убивают безо всяких шпаг. А бывает и похуже.

- Да что вы? - спросил отец Браун.

- А вот так-то, - был ответ. - Это, пожалуй, единственное место в Европе, где человека застрелили без огнестрельного оружия.

- Стрелой из лука? - удивился отец Браун.

- Пулей в голову, - ответил Фламбо. - Неужели вы не слышали, что случилось с покойным здешним правителем? Лет двадцать назад это была одна из самых непостижимых полицейских загадок. Вы, разумеется, помните, что во времена самых первых бисмарковских планов объединения город этот был насильственно присоединен к Германской империи - да, насильственно, но отнюдь не с легкостью. Империя (или государство, желавшее стать империей) прислала князя Отто Гроссенмаркского править королевством в ее имперских интересах. Мы видели его портрет в картинной галерее - такой старый господин, был бы даже недурен собой, не будь он лысый, безбровый и весь в морщинах, точно ястреб; но, как вы сейчас узнаете, забот и тревог у него хватало. Он был искусный и заслуженный воин, но с этим городишком хлебнул лиха. В нескольких битвах ему нанесли поражение знаменитые братья Арнольд три патриота-партизана, которым Суинберн Суинберн Алджернон Чарльз (1837-1909) - английский поэт посвятил стихи, вы их, конечно, помните:

Волки в мантиях из горносталя, Венчаные вороны и короли, Пускай их тучи, целая стая, Но три брата все это снесли.

Или что-то в этом роде. Весьма сомнительно, удалось ли бы захватить это княжество, но один из трех братьев, Пауль, постыдно, зато вполне решительно отказался все это сносить и, выдав все планы восстания, погубил его и тем самым возвысился - получил пост гофмейстера при князе Отто. Людвиг, единственный настоящий герой среди героев Суинберна, пал с мечом в руках при захвате города, а третий, Генрих (он, хоть и не предатель, всегда был в сравнении с воинственными братьями вял и даже робок), нашел себе подобие отшельнической пустыни, начал исповедовать христианский квиетизм, чуть ли не квакерского толка, и перестал общаться с людьми, только прежде отдал беднякам почти все, что имел. Говорят, еще недавно его иногда встречали поблизости, - в черном плаще, почти слепой, седая растрепанная грива, но лицо поразительно кроткое.

- Знаю, - сказал отец Браун. - Я однажды его видел.

Фламбо поглядел на него не без удивления.

- Я не знал, что вы бывали здесь прежде, - сказал он. - Тогда, возможно, вы знаете эту историю не хуже меня. Как бы там ни было, это рассказ об Арнольдах, и он единственный из трех братьев еще жив. Да он пережил и всех остальных действующих лиц этой драмы.

- Так, значит, князь тоже давно умер?

- Умер, - подтвердил Фламбо. - Вот, пожалуй, и все, что тут можно сказать. Понимаете, к концу жизни у него стали пошаливать нервы - такое нередко случается с тиранами. Он все умножал дневную и ночную стражу вокруг замка, так что под конец караульных будок стало, кажется, больше, чем домов в городе, и всех, кто вызывал подозрение, пристреливали на месте. Князь почти все время жил в небольшой комнатке, которая находилась в самой середине огромного лабиринта, состоявшего из бесчисленных комнат, да еще посреди этой каморки велел соорудить подобие каюты или будки, обшитой сталью, точно сейф или военный корабль. Говорят, в этой комнате был тайник под полом, где мог поместиться лишь он один, - словом, он так боялся могилы, что готов был добровольно залезть в такую же гробовую яму. Но и это еще не все. Предполагалось, что с тех самых пор, как было подавлено восстание, все жители разоружены, но князь Отто настоял (чего правительства обычно не делают) на разоружении полном и безоговорочном. В тесных границах княжества, где им знаком был каждый уголок и закоулок, отлично вымуштрованные люди исполнили свою задачу, - и если сила и наука вообще могут быть в чем-то совершенно уверены, князь Отто был совершенно уверен, что в руки жителей Хейлигвальденштейна не попадет отныне никакое оружие, будь то даже игрушечный пистолет.

- Ни в чем таком наука никогда не может быть уверена, - промолвил отец Браун, все еще глядя на унизанные розовыми почками ветви над головой, хотя бы из-за сложности определений и неточности нашего словаря. Что есть оружие?

Людей убивали самыми невинными предметами домашнего обихода чайниками уж наверняка, а возможно, и стеганой крышкой для чайника. С другой стороны, если бы показать древнему бритту револьвер, вряд ли бы он понял, что это - оружие (разумеется, пока бы в него не выстрелили). Возможно, у кого-нибудь было наинovelшее огнестрельное оружие, которое вовсе и не походило на огнестрельное оружие. Возможно, оно походило на наперсток, да на что угодно.

А пуля была какая-нибудь особенная?

- Ничего такого не слыхал, - ответил Фламбо. - Но я знаю далеко не все и только со слов моего старого друга Гримма. Он был очень толковый детектив здесь, в Германии, и пытался меня арестовать, а я взял и арестовал его самого, и мы с ним не раз очень интересно беседовали. Ему тут поручили расследовать убийство князя Отто, но я забыл расспросить его насчет пули. По словам Гримма, дело было так.

Фламбо умолк, залпом выпил чуть не полкружки темного легкого пива и продолжал:

- В тот вечер князь как будто должен был выйти из своего убежища - ему предстояло принять посетителей, которых он и вправду хотел видеть. То были знаменитые геологи, их послали разобраться, верно ли, что в окрестных горах скрыто золото, - уверяли, будто именно благодаря этому золоту крохотный город-государство сохранял свое влияние и успешно торговал с соседями, хоть на него и обрушивались снова и снова армии куда более могучих врагов. Пока еще золота этого не могли обнаружить никакие самые дотошные изыскатели.

- Хотя они ничуть не сомневались, что сумеют обнаружить игрушечный пистолет, - с улыбкой сказал отец Браун. - А как же брат, который стал предателем? Разве ему нечего было рассказать князю?

- Он всегда клялся, что ничего об этом не знает, - отвечал Фламбо, что это - единственная тайна, в которую братья его не посвятили. Надо сказать, его клятву отчасти подтверждают отрывочные слова, которые произнес великий Людвиг в смертный час. Он посмотрел на Генриха, но указал на Пауля и вымолвил. "Ты ему не сказал..." - но больше уже

не в силах был говорить.

Итак, князя Отто ждала группа известных геологов и минералогов из Парижа и Берлина, соответственно случаю в полном параде, ибо никто так не любит надевать все свои знаки отличия, как ученью, - это известно всякому, кто хоть раз побывал на званом вечере Королевской академии. Общество собралось блистательное, но уже совсем поздно и не сразу гофмейстер - его портрет вы тоже видели: черные брови, серьезные глаза и бессмысленная улыбка, - так вот, гофмейстер заметил, что на приеме есть все, кроме самого князя. Он обыскал все залы, потом, вспомнив безумные приступы страха, которые нередко овладевали князем, поспешил в его заветное убежище. Там тоже было пусто, но стальную башенку или будку удалось открыть не сразу. Он заглянул в тайник под полом, - как он сам потом рассказывал, эта дыра показалась ему на сей раз глубже, чем обычно, и еще сильнее напомнила могилу. И в эту минуту откуда-то из бесконечных комнат и коридоров донеслись крики и шум.

Сперва это был отдаленный гул толпы, взволнованной каким-то невероятным событием, случившимся, скорее всего, за пределами замка. Потом, пугающе близко, беспорядочные возгласы, такие громкие, что, если б они не сливались друг с другом, можно было бы разобрать каждое слово. Потом, с ужасающей ясностью, донеслись слова - ближе, ближе, и наконец в комнату ворвался человек и выпалил новость - такие вести всегда кратки.

Отто, князь Хейлигвальденштейна и Гроссенмарка, лежал в густеющих сумерках за пределами замка, в лесу на сырой росистой траве, раскинув руки и обратив лицо к луне. Из простреленного виска и челюсти толчками била кровь, вот и все, что было в нем живого. Он был в парадной бело-желтой форме, одетый для приема гостей, только перевязь, отброшенная, смятая, валялась рядом. Он умер еще прежде, чем его подняли Но, живой или мертвый, он был загадкой, - он, который всегда прятался в своем потаенном убежище в самом сердце замка, вдруг очутился в сыром лесу, один и без оружия.

- Кто нашел тело? - спросил отец Браун.

- Одна девушка, состоявшая при дворе, Хедвига фон... не помню, как там дальше, - ответил его друг. - Она рвала в лесу цветы.

- И нарвала? - спросил священник, рассеянно глядя на переплеты ветвей над головой.

- Да, - ответил Фламбо. - Я как раз запомнил, что гофмейстер, а может, старина Гримм или кто-то еще говорил, как это было ужасно: они прибежали на ее зов и видят - девушка склонилась над этим... над этими кровавыми останками, а в руках у нее весенние цветы. Но главное - он умер до того, как подоспела помощь, и надо было, разумеется, сообщить эту новость в замок. Она поразила всех безмерным ужасом, еще сильнее, чем поражает обычно придворных падение властелина. Иностранцев, в особенности специалистов горного дела, обуяли растерянность и волнение, так же как и многих прусских чиновников, и вскоре стало ясно, что поиски сокровища занимают в этой истории гораздо более значительное место, чем предполагалось. Геологам и чиновникам были загодя обещаны огромные премии и международные награды, и, услышав о смерти князя, кое-кто даже заявил, что его тайное убежище и усиленная охрана объясняются не страхом перед народом, а секретными изысканиями, поисками...

- А стебли у цветов были длинные? - спросил отец Браун.

Фламбо уставился на него во все глаза.

- Ну и странный же вы человек! - сказал он. - Вот и старина Гримм про это говорил. Он говорил - по его мнению, отвратительней всего, отвратительней и крови и пули, были эти самые цветы на коротких стеблях, почти что одни сорванные головки.

- Да, конечно, - сказал священник, - когда взрослая девушка рвет цветы, она старается, чтоб стебель был подлинней. А если она срывает одни головки, как маленький ребенок, похоже, что... - Он в нерешительности умолк.

- Ну? - спросил Фламбо.

- Ну, похоже, что она рвала цветы второпях, волнуясь, чтоб было чем оправдать свое присутствие там после... ну, после того, как она уже там была.

- Я знаю, к чему вы клоните, - хмуро сказал Фламбо. - Но это подозрение, как и все прочие, разбивается об одну мелочь - отсутствие оружия. Его могли убить чем угодно, как вы сказали, даже его орденской перевязью, но ведь надо объяснить не только как его убили, но и как застрелили. А вот этого-то мы объяснить не можем. Хедвигу самым безжалостным образом обыскали, - по правде сказать, она вызывала немалые подозрения, хотя ее дядей и опекуном оказался коварный старый гофмейстер Пауль Арнольд. Она была девушка романтическая, поговаривали, что и она сочувствует революционному пылу, издавна не угасавшему в их семье. Однако романтика романтикой, а попробуй всади пулю человеку в голову или в челюсть без помощи пистолета или ружья. А пистолета не было, хотя было два выстрела. Вот и разгадайте эту загадку, друг мой.

- Откуда вы знаете, что выстрелов было два? - спросил маленький священник.

- В голову попала только одна пуля, - ответил его собеседник, - но перевязь тоже была пробита пулей.

Безмятежно гладкий лоб отца Брауна вдруг прорезали морщины.

- Вторую пулю нашли? - требовательно спросил он.

Фламбо опешил.

- Что-то не припомню, - сказал он.

- Стойте! Стойте! Стойте! - закричал отец Браун, необычайно удивленный и озабоченный, все сильнее морща лоб. - Не считите меня за невежу. Дайте-ка я все это обдумаю.

- Сделайте одолжение, - смеясь, ответил Фламбо и допил пиво.

Легкий ветерок шевелил ветви распускающихся деревьев, гнал белые и розовые облачка, отчего небо казалось еще голубей и все вокруг еще красочней и причудливей. Должно быть, это херувимы летели домой, к окнам своей небесной детской. Самая старая башня замка. Башня Дракона, возвышалась нелепая, точно огромная пивная кружка, и такая же уютная. А за ней насупился лес, в котором тогда лежал убитый.

- Что дальше стало с этой Хедвигой? - спросил наконец священник.

- Она замужем за генералом Шварцем, - ответил Фламбо. - Вы, без сомнения, слышали, он сделал головокружительную карьеру. Он отличился еще до своих подвигов при Садовой и Гравелотте. Он ведь выдвинулся из рядовых, а это очень большая редкость даже в самом крохотном немецком...

Отец Браун вскочил.

- Выдвинулся из рядовых! - воскликнул он и чуть было не присвистнул. Ну и ну, до чего же странная история! До чего странный способ убить человека... но, пожалуй, никаких других возможностей тут не было. И подумать только, какая ненависть - так долго ждать...

- О чем вы говорите? - перебил Фламбо. - Каким это способом его убили?

- Его убили с помощью перевязи, - сдержанно произнес Браун. И, выслушав протесты Фламбо, продолжал: - Да, да, про пулю я знаю. Наверно, надо сказать так: он умер оттого, что на нем была перевязь. Эти слова не столь привычны для слуха, как, скажем: он умер оттого, что у него был тиф...

- Похоже, у вас в голове шевелится какая-то догадка, - сказал Фламбо, - но как же быть с пулей в голове Отто - ее оттуда не выкинешь. Я ведь вам уже говорил: его с легкостью могли бы задушить. Но его застрелили. Кто? Как?

- Застрелили по его собственному приказу, - сказал священник.

- Вы думаете, это самоубийство?

- Я не сказал "по его воле", - возразил отец Браун. - Я сказал "по его собственному приказу"

- Ну хорошо, как вы это объясняете?

Отец Браун засмеялся.

- Я ведь сейчас на отдыхе, - сказал он. - И никак я это не объясняю.

Просто эти места напоминают мне сказку, и, если хотите, я и сам расскажу вам сказку.

Розовые облачка, похожие на помадки, слились и увенчали башни золоченого

пряничного замка, а розовые младенческие пальчики почек на деревьях, казалось, растопырились и тянулись к ним изо всех сил; голубое небо уже по-вечернему лиловело, и тут отец Браун вдруг снова заговорил.

- Был мрачный, ненастный вечер, с деревьев еще капало после дождя, а траву уже покрывала роса, когда князь Отто Гроссенмаркский поспешно вышел из боковой двери замка и быстрым шагом направился в лес. Один из бесчисленных часовых при виде его взял на караул, но он этого не заметил. Он предпочел бы, чтобы и его сейчас не замечали. Он был рад, когда высокие деревья, серые и уже влажные от дождя, поглотили его, как трясина. Он нарочно выбрал самый глухой уголок своих владений, но даже и здесь было не так глухо и пустынно, как хотелось бы князю. Однако можно было не опасаться, что кто-нибудь не в меру навязчивый или не в меру услужливый последует за ним по пятам, ведь он вышел из замка неожиданно даже для самого себя. Разряженные дипломаты остались в замке, он потерял к ним всякий интерес. Он вдруг понял, что может обойтись без них.

Его главной страстью был не страх смерти (он все же много благороднее), но странная жажда золота. Ради этого легендарного золота он покинул Гроссенмарк и захватил Хейлигвальденштейн. Ради золота и только ради золота он подкупил предателя и зверски убил героя, ради золота упорно и долго допрашивал вероломного гофмейстера, пока наконец не пришел к заключению, что изменник не солгал. Он и в самом деле ничего об этом не знал. Ради того, чтобы заполучить это золото, он уже не раз платил, не слишком, правда, охотно, и обещал заплатить еще, если большая часть его достанется ему; и ради золота сейчас, точно вор, тайно выскользнул из замка под дождь, ибо ему пришла на ум другая возможность завладеть светом очей своих, и завладеть задешево.

Поодаль от замка, в конце петляющей горной тропы, по которой князь держал путь, среди круто вздымающихся вверх, точно колонны, выступов кряжа, нависшего над городом, приютилось убежище отшельника - всего лишь пещера, огороженная колючим кустарником; здесь-то уже долгие годы и скрывался от мира третий из знаменитых братьев, Отчего бы ему и не открыть тайну золота,- думал князь Отто. Давным-давно, еще до того, как сделаться аскетом и отказаться от собственности и всех радостей жизни, он знал, где спрятано сокровище, и, однако, не стал его искать. Правда, они когда-то были врагами, но ведь теперь отшельник в силу веры своей не должен иметь врагов. Можно в чем-то пойти ему навстречу, воззвать к его устоям, и он, пожалуй, откроет тайну, которая касается всего лишь мирского богатства. Несмотря на сеть воинских постов, выставленных по его же приказу, на бесчисленные меры предосторожности, Отто был не трус, и, уж во всяком случае, алчность говорила в нем громче страха. Да и чего, в сущности, бояться? Ведь во всем княжестве ни у кого из жителей наверняка нет оружия, и уж стократ верней, что его нет в тихом горном убежище этого святоши, который питается травами, живет здесь с двумя старыми неотесанными слугами и уже многие годы не слышит человеческого голоса. С какой-то зловещей улыбкой князь Отто посмотрел вниз на освещенный фонарями квадратный лабиринт города. Всюду, насколько хватал глаз, стоят под ружьем его друзья, а у его врагов - ни щепотки пороха.

Часовые так близко подступают даже к этой горной тропе, что стоит ему крикнуть - и они кинутся сюда, вверх, не говоря уж о том, что через определенные промежутки времени лес и горный кряж прочесывают патрули; часовые начеку и в отдалении, за рекой, в смутно очерченном лесу, который отсюда кажется просто кустарником, - и никакими окольными путями врагу сюда не проникнуть. А вокруг замка часовые стоят и у западных ворот и у восточных, и у северных и у южных, и со всех четырех сторон они цепью окружают замок. Нет, он, Отто, в безопасности.

Это стало ему особенно ясно, когда он поднялся на гребень и увидел, как голо вокруг гнезда его старого врага. Он оказался на маленькой каменной платформе, которая с трех сторон круто обрывалась вниз. Позади чернел вход в пещеру, полускрытый колючим кустарником и совсем низкий, даже не верилось, что туда может войти человек. Впереди - крутой скалистый склон, и за ним, смутно видная в туманной дали, раскинулась долина. На

небольшом каменном возвышении стоял старый бронзовый то ли аналой, то ли пюпитр, казалось, он с трудом выдерживает огромную немецкую Библию. Бронза (а может быть, это была медь) позеленела в разреженном горном воздухе, и Отто тотчас подумал "Даже если тут и были ружья, их давно разъела ржавчина". Луна, всходящая за гребнями и утесами, озарила все вокруг мертвенным светом, дождь перестал.

За аналоем стоял глубокий старик в черном одеянии - оно круто ниспадало с плеч прямыми недвижными складками, точно утесы вокруг, но белые волосы и слабый голос, казалось, одинаково бессильно трепетали на ветру, взгляд его был устремлен куда-то вдаль, поверх долины. Он, видимо, исполнял какой-то ежедневный неперемный обряд.

- "Они полагались на своих коней..."

- Сударь, - с несвойственной ему учтивостью обратился князь к старику, - я хотел бы сказать вам несколько слов.

- "...и на свои колесницы", - чуть внятно продолжал старик, - "а мы полагаемся на господу сил..."

Последние слова совсем нельзя было расслышать, старик благоговейно закрыл книгу, почти слепой, он ощупью отыскал край аналая и ухватился за него. Тотчас же из темного низкого устья пещеры выскользнули двое слуг и поддержали его. Они тоже были в тускло-черных балахонах, но в волосах их не светилось морозное серебро и черты лица не сковала холодная утонченность. То были крестьяне, хорваты или мадьяры с широкими грубыми лицами и туповато мигающими глазами. Впервые князю стало немного не по себе, но мужество и привычное умение изворачиваться не изменили ему.

- Пожалуй, с той ужасной канонады, при которой погиб ваш несчастный брат, мы с вами не встречались, - сказал он.

- Все мои братья умерли, - ответил старик; взгляд его по-прежнему был устремлен куда-то вдаль, поверх долины. Потом, на миг обратив к Отто изможденное тонкое лицо - белоснежные волосы низко свисали на лоб, точно сосульки, - он прибавил: - Да и сам я тоже мертв.

- Надеюсь, вы поймете, что я пришел сюда не затем, чтобы преследовать вас, точно тень тех страшных раздоров, - сдерживая себя, чуть ли не доверительно заговорил князь. - Не станем обсуждать, кто был тогда прав и кто виноват, но в одном, по крайней мере, мы всегда были правы, потому что в этом вы никогда не были повинны. Какова бы ни была политика вашей семьи, никому никогда не приходило в голову, что вами движет всего лишь жажда золота. Ваше поведение поставило вас вне подозрений, будто...

Старик в строгом черном облачении смотрел на князя слезящимися голубыми глазами, и в лице его была какая-то бессильная мудрость. Но при слове "золото" он вытянул руку, словно что-то отстраняя, и отвернулся к горам.

- Он говорит о золоте, - вымолвил старик. - Он говорит о запретном.

Пусть умолкнет.

Отто страдал извечной истинно прусской слабостью: он воображал, что успех - не случайность, а врожденный дар. Он твердо верил, что он и ему подобные рождены побеждать народы, рожденные покоряться. А потому чувство изумления было ему незнакомо, и то, что произошло дальше, застигло его врасплох. Он хотел было возразить отшельнику, и не смог произнести ни слова - что-то мягкое вдруг закрыло ему рот и накрепко, точно жгутом, стянуло голову. Прошло добрых сорок секунд, прежде чем он сообразил, что сделали это слуги-венгры, и притом его же собственной перевязью.

Старик снова неуверенными шагами подошел к огромной Библии, покоящейся на бронзовой подставке, с каким-то ужасающим терпением принялся медленно переворачивать страницы, пока не дошел до Послания Иакова, и стал читать.

- "...так и язык небольшой член, но..."

Что-то в его голосе заставило князя вдруг повернуться и кинуться вниз по тропе. Лишь на полпути к парку, окружавшему замок, впервые попытался он сорвать перевязь, что стягивала шею и челюсти. Попытался раз, другой, третий, но тщетно: те, кто заткнул ему

рот, знали, что одно дело развязывать узел, когда он у тебя перед глазами, и совсем другое - когда он на затылке.

Ноги Отто были свободны - прыгай по горам, как антилопа, руки свободны - маши, подавай любой сигнал, а вот сказать он не мог ни слова. Дьявол бесновался в его душе, но он был нем.

Он уже совсем близко подошел к парку, обступавшему замок, и только тогда окончательно понял, к чему его приведет бессловесность и к чему его с умыслом привели. Мрачно посмотрел он на яркий, освещенный фонарями лабиринт города внизу и теперь уже не улыбнулся. С убийственной насмешкой вспомнил он все, что недавно говорил себе совсем в ином настроении. Далеко, насколько хватал глаз, - ружья его друзей, и каждый пристрелит его на месте, если он не отзовется на оклик. Ружей так много и они так близко, лес и горный крик неустанно прочесывают днем и ночью, а потому в лесу не спрячешься до утра.

Часовые и на таких дальних подступах, что враг не может ни с какой стороны обойти их и проникнуть в город, а потому нет надежды пробраться в город издалека, в обход. Стоит только закричать - и его солдаты кинутся к нему на помощь. Но закричать он не может.

Луна поднялась выше и засияла серебром, и ночное небо ярко синело, прочерченное черными стволами сосен, обступавших замок. Какие-то цветы, широко распахнутые, с перистыми лепестками, и засветились и словно вылиняли в лунном сиянии - никогда прежде он ничего подобного не замечал, - и эти цветы, что теснились к стволам деревьев, словно обвивали их вокруг корней, казались ему пугающе неправдоподобными. Быть может, злая неволя, внезапно завладевшая им, помрачила его рассудок, но в лесу этом ему всюду чудилось что-то бесконечно немецкое - волшебная сказка. Ему чудилось, будто он приближается к замку людоеда - он забыл, что людоед - владелец замка - это он сам. Вспомнилось, как в детстве он спрашивал мать, водятся ли в старом парке при их родовом замке медведи. Он наклонился, чтобы сорвать цветок, словно надеялся этим талисманом защититься от колдовства. Стебель оказался крепче, чем он думал, и сломался с легким треском. Отто хотел было осторожно засунуть цветок за перевязь на груди - и тут раздался оклик.

- Кто идет?

И тогда Отто вспомнил, что перевязь у него не там, где ей положено быть.

Он попытался крикнуть - и не мог. Последовал второй оклик, а за ним выстрел - пуля взвизгнула и, ударившись в цель, смолкла. Отто Гроссенмаркский мирно лежал среди сказочных деревьев - теперь он уже не натворит зла ни золотом, ни сталью, а серебряный карандаш луны выхватывал и очерчивал тут и там то замысловатые украшения на его мундире, то глубокие морщины на лбу. Да помилует господь его душу.

Часовой, который стрелял согласно строжайшему приказу по гарнизону, понятно, кинулся отыскивать свою жертву. Это был рядовой по фамилии Шварц, позднее ставший среди военного сословия личностью небезызвестной, и нашел он лысого человека в воинском мундире, чье лицо, туго обмотанное его же перевязью, было точно в маске - виднелись только раскрытые мертвые глаза, холодно поблескивавшие в лунном свете. Пуля прошла через перевязь, стягивающую челюсть, вот почему в ней тоже осталось отверстие, хотя выстрел был всего один. Повинуясь естественному побуждению, хотя так поступать и не следовало, молодой Шварц сорвал загадочную шелковую маску и отбросил на траву; и тогда он увидел, кого убил.

Как события развивались дальше, сказать трудно. Но я склонен верить, что в этом небольшом лесу и вправду творилась сказка, - как ни ужасен был случай, который положил ей начало. Был ли девушке по имени Хедвига еще прежде знаком солдат, которого она спасла и за которого после вышла замуж, или она ненароком оказалась на месте происшествия и знакомство их завязалось в ту ночь, - этого мы, вероятно, никогда не узнаем. Но мне кажется, что эта Хедвига - героиня и она заслуженно стала женой человека, который сделался в некотором роде героем. Она поступила смело и мудро. Она уговорила часового вернуться на свой пост, где уже ничто не будет связывать его со случившимся: он окажется

лишь одним из самых верных и дисциплинированных среди полусотни часовых, стоящих поблизости. Она же осталась подле тела и подняла тревогу, и ее тоже ничто не могло связывать с несчастьем, так как у нее не было и не могло быть никакого огнестрельного оружия. - Ну и, надеюсь, они счастливы, - сказал отец Браун, весело поднимаясь. - Куда вы? - спросил Фламбо. - Хочу еще разок взглянуть на портрет гофмейстера, того самого, который предал своих братьев, - ответил священник. - Интересно, в какой мере... интересно, если человек предал дважды, стал ли он от этого меньше предателем? И он долго размышлял перед портретом седовласого чернобрового старика с любезнейшей, будто наклеенной улыбкой, которую словно оспаривал недобрый, предостерегающий взгляд.